

IV Очередной Всероссийский социологический конгресс

Социология и общество:
глобальные вызовы и региональное развитие

3

Круглый стол 3

**Власть Знания
и общественные
интересы**

Антонова В. К., Москва

Госслужащий с дипломом «менеджера»: реалии профессиональной деятельности и профессиональная подготовка¹

Аннотация

На основе полуструктурированных интервью, проведенных с государственными служащими разного уровня с февраля по март 2012 г. в г. Москве, с привлечением антропологического и социологического подходов кратко исследуются некоторые особенности и реалии профессиональной деятельности госслужащих, а также вопросы их профессиональной подготовки.

Ключевые слова: государственные служащие, профессиональная группа, неовеберианский подход, субкультура профессиональной группы, профессиональная подготовка

Перманентно происходящее в России реформирование государственного аппарата, изменение структуры органов государственной власти с приходом очередного президента и премьер министра, увеличение численности госслужащих, борьба с коррумпированностью чиновников — все это лишь немногие сюжеты, которые ложатся в основу не только новостных сообщений, а также серьезных публикаций в прессе, но и становятся канвой для множества исследовательских вопросов, прежде всего задаваемых в своих конкретных исследованиях социологами, в том числе, занимающимися социологией профессий.

В данной статье мы осуществили попытку сочетания антропологического подхода изучения профессий, при котором исследователя интересует субкультура конкретной профессиональной группы как система определенных смыслов, социальных отношений и их культурных кодов [1, с. 141], и подхода социологического, в качестве которого нами была выбрана неовеберианская парадигма [2, 3, 4], чтобы исследовать профессиональную группу современных государственных служащих, реалии их профессиональной деятельности и важность их профессиональной подготовки для реализации «профессионального проекта».

¹ В данной публикации использованы результаты, полученные в ходе реализации проекта «Идеологии профессионализма в социальном государстве», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012 году, грант № 12-05-0007.

Начнем с того, что государственные служащие представляют профессиональную группу, существование которой легализовано и нормативно закреплено в специальных документах уровня федеральных законов или указов Президента России [5, 6], что само по себе подтверждает особый статус данных профессионалов и значимость их деятельности для государства и общества. Данный вид занятий не входит в «Государственный реестр профессий рабочих и должностей служащих», а прохождение государственной службы регулируется не только Трудовым кодексом РФ, но, главным образом, упомянутыми выше Федеральными Законами № 58-ФЗ и № 79-ФЗ.

Так, в Федеральном законе от 27 мая 2003 г. N 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» в статье 1 «Государственная служба Российской Федерации» читаем: «Государственная служба Российской Федерации (далее - государственная служба) - профессиональная служебная деятельность граждан Российской Федерации (далее — граждане) по обеспечению исполнения полномочий:

- Российской Федерации;
- федеральных органов государственной власти, иных федеральных государственных органов (далее - федеральные государственные органы);
- субъектов Российской Федерации;
- органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов субъектов Российской Федерации (далее - государственные органы субъектов Российской Федерации);
- лиц, замещающих должности, устанавливаемые Конституцией Российской Федерации, федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий федеральных государственных органов (далее - лица, замещающие государственные должности Российской Федерации);
- лиц, замещающих должности, устанавливаемые конституциями, уставами, законами субъектов Российской Федерации для непосредственного исполнения полномочий государственных органов субъектов Российской Федерации (далее - лица, замещающие государственные должности субъектов Российской Федерации)» [5].

В этом же законе оговаривается, что система государственной службы включает в себя такие виды государственной службы, как государственная гражданская служба; военная служба; и правоохранительная служба [5], и, соответственно, в настоящей статье под государственными служащими мы будем иметь в виду исключительно тех профессионалов, которые проходят государственную гражданскую службу.

Статья 10 указанного Закона определяет, кто такой федеральный государственный служащий. Согласно Закону, это - «гражданин, осуществляющий профессиональную служебную деятельность на должности федеральной государственной службы и получающий денежное содержание (вознаграждение, довольствие) за счет средств федерального бюджета».

Таким образом, государство как аппарат не мыслит себя без госслужащих, непосредственно обеспечивающих исполнение полномочий государства в полном объеме. Очевидно, что такая профессиональная деятельность будет несколько отличной в зависимости от того, в каком органе власти или для исполнения полномочий какого лица будут профессионально исполнять свои должностные обязанности государственные служащие. Об этом, кстати, говорили и наши информанты, подчеркивая, что, например, характер работы государственных служащих в органах исполнительной власти и в Государственной Думе будет отличаться. Так, руководитель аппарата Комитета Государственной Думы РФ, характеризуя его деятельность и деятельность, скажем, федеральных министерств, ясно дал понять, что:

«... у них немного другой характер работы. У них работа носит оперативный характер, но и в тоже время аналитический компонент тоже есть. Но у нас это работа не столько, конечно, оперативная, но, тем не менее, мы настраиваем свой аппарат, что мы - не дело-производители. Мы - специалисты. Поэтому у нас очень большая работа заключена с обращениями граждан. Помимо этого у нас есть законы, по которым комитет работает, есть сейчас 16 законопроектов, которые мы выдвинули. Это немного, комитет небольшой, но, тем не менее, чтобы сделать эти 16, надо перелопатить 130. Огромную кучу разгребаем. Есть еще примерно 500 законов, в которых мы соисполнители» (Информант № 4).

Очевидно, что профессиональная деятельность государственного служащего возможна только внутри системы государственной службы. В этом заключается одна их особенностей таких профессионалов. Немецкие исследования свидетельствуют о существовании как минимум двух моделей профессии: одной, связанной с так называемыми свободными, вольными профессиями, и другой, определяющей философию гражданского служащего как имеющего определенную позицию в бюрократической системе. Как отмечает Э. Хьюз, все «гражданские служащие должны были делать свою работу компетентно и лояльно, а высшие чиновники должны были быть (и были) образованными людьми, обладавшими высокой профессиональной сознательностью и высоким престижем. При этом они даже более чем люди свободных профессий должны были быть политически нейтральными и лояльными властям» [7, с. 55]. Данное высказывание сосредоточивает внимание как раз на тех характеристиках профессиональной группы, которые оказываются в центре неовеберианского объяснения профессий. Как отмечали В.Мансуров и О.Юрченко, в рамках такого подхода «профессиональные группы рассматриваются как внутренне солидарные группы интересов, организуемые для расширения своих возможностей пользоваться культурными и социальными привилегиями. В соответствии с подходом М. Вебера, в основе определения «профессии» лежит понимание профессиональных групп как статусных, то есть как коллективы, имеющие схожий стиль жизни, общую моральную систему, схожий язык и культуру [3, С. 41].

Какие же социальные привилегии существуют у современных государственных служащих? В недавнем прошлом государственным служащим, причем даже не руководящего уровня, были гарантированы достаточно ощутимые привилегии, например, в части обеспечения жильем, льготными путевками «выходного дня» в ведомственные дома отдыха, медицинским обслуживанием высокого уровня в ведомственных поликлиниках. Эти привилегии присутствовали в системе мотивации и в значительной мере компенсировали зачастую ненормированный рабочий день, значительные стрессовые нагрузки, «бумажный» характер работы, ограничения, связанные с прохождением государственной службы.

Сегодня, как отмечали наши информанты, подобные привилегии практически отсутствуют или доступны очень узкому кругу государственных чиновников самого высокого уровня:

«Раньше были намного более комфортные условия. Даже по 90-ым годам у рядовых сотрудников были возможности отдохнуть в субботу-воскресенье в пансионате за сравнительно небольшие деньги, и это я не говорю о начальниках. А сейчас у них ничего нет. Это не «Плачь Ярославны». Это действительно так. Мне жалко этих ребят, которые гробят здесь свое время, свою юность. У них нет времени, чтобы пойти погулять-познакомиться... Квартыры положены, но поскольку это субсидия, на это денег не так много, определенные требования есть. Ее получить, на самом деле, очень тяжело. Тяжело получить даже высшему эшелону. Потому что есть конкуренция, это практически нереально. Медицинского обслуживания нет, потому что нет поликлиники своей, нет своей больницы. К поликлинике прикреплены только руководящие, начиная от замдиректора департамента. Все. Вот если Вы спросите у меня — что у меня есть? Денежное содержание и поликлиника. То есть никаких разговоров о том, что какие-то дома отдыха, пансионаты. Все это в прошлом. Поэтому я еще раз говорю - я не понимаю, что мальчиков-девочек здесь держит. Вероятность стать начальником мала» (Информант № 1).

Кроме того, оказывается, что схемы получения корпоративной квартиры или иной помощи в решении жилищного вопроса не всегда прозрачны:

«У нас же тут не везде, но кое-где на федеральном уровне происходит выдача жилья. В принципе ты имеешь право сразу прийти, 3 месяца проработать и пойти встать на очередь. Я не очень изучал схему, так как жилье не требуется» (Информант № 4).

Специалист же, недавно пришедший на гражданскую государственную службу в аппарат одного из комитетов Государственной Думы РФ, представляющий себе льготы, которые он будет иметь на государственной службе и заинтересованный в получении жилья, несколько более детально изучил этот вопрос и имеет о нем следующее представление:

«Естественно, ты понимаешь, на что ты можешь рассчитывать в плане пенсии, что госслужба будет засчитываться в плане каких-то льгот, в плане того же квартирному вопросу. Я могу ошибаться, в законе о госслужбе это

закреплено или в каком-то другом документе, но то, что это законодательно закреплено – это точно. Госслужащего ставят на очередь в том учреждении, где он работает. Там есть определенные условия, определенный порядок. Я на госслужбе должен проработать не менее года, чтобы только иметь возможность подать документы. А потом мои документы будут рассмотрены, это уже решает комиссия по жилищным вопросам. И потом дальше все уже идет в порядке очереди. И ты уже получаешь жилье. Есть ипотечное обеспечение жилья, а есть по договору соцнайма, т. е. уже готовую квартиру тебе выделяет государство. А ипотека – это понятно – какую-то часть тебе оплачивает государство, а какую-то часть ты берешь в кредит» (Информант № 5).

Вместе с тем, выяснить у этого респондента, слышал ли он о конкретном примере в своем комитете, когда госслужащий в пределах разумного периода времени дождался квартиры от государства, нам не удалось. Поэтому на данном этапе мы скорее склонны доверять мнению более опытного и занимающего руководящую должность информанта № 1 по этому вопросу и считать, что одна из основных привилегий чиновников на сегодняшний день достаточно эфемерна и скорее является неким стереотипным раздражителем негативного мнения обывателей о госслужащих, чем фактически используемой возможностью.

Практически в каждом интервью рефреном повторяются высказывания, позволяющие говорить о профессиональных государственных служащих как об участвующих в формировании социального порядка и благополучия, но не имеющих вследствие этого достойной оценки своих деловых и человеческих усилий:

«Я разговаривал с разными людьми. У всех одно желание – как бы выспаться. Потому что уходим мы поздно. Чем выше уровень – тем позднее. А приходит надо вовремя. Поэтому все ходят мало выспанными, а не веселыми и задорными (смеется - примеч. автора). А работать с невыспанными людьми, это совершенно невозможно. Я уже некую формулу такую вывел. Если ты отдохнул неделю, то через день ты уже уставший; если ты отдохнул две недели, то через два дня уже уставший. <...> Для меня это загадка – почему люди вообще идут на госслужбу. Тут низкая зарплата, несоизмеримая с объемом работы. В общем-то, более-менее достойно, применительно к ситуации в целом, получают люди достаточно высокого уровня – заместители директоров департаментов и выше. Все остальные получают мизер и ничего больше» (Информант № 1).

Государственный служащий в должности руководителя департамента регионального органа исполнительной власти также отмечает невысокую материальную оценку профессиональной деятельности госслужащего и значительные нагрузки:

«Ну материальных благ там нет. Сама я продвигалась по профессии, поэтому не задумывалась там – служащая я, не служащая. Ну не было у меня такого в голове, что я вот в министерстве, чтоб стала там нос задирать, такого нет. Пахла как Папа Карло, света белого не видела. И может быть, я не заметила тот момент, когда там можно было начать чем-то гордиться.

<...> Ну результатами, это безусловно. Мне много лет, и я уже могу какие-то выводы делать, что не зря столько лет просидела. Есть и результаты, есть достижения, есть внутреннее удовлетворение. Для здравоохранения, я считаю, что достаточно много я сделала» (Информант № 3).

Еще раз подтверждает на примере государственных служащих выводы Э. Хьюза о высокой профессиональной сознательности чиновников наш информант в ранге заместителя директора департамента федерального министерства, причем, что важно, в отличие от позиции Э.Хьюза, профессиональная сознательность, высокая профессиональная компетентность, по мнению нашего информанта, должна быть присуща в равной степени и руководителю, и любому чиновнику самого низкого ранга и должности:

«Хороший чиновник, я говорю в идеале, это, во-первых, государственный. Это человек, для которого интересы государства идут на первом месте. Это первое и основное. Причем, это не патриотизм как таковой. А человек на самом деле должен понимать те проблемы, которые есть перед тобой, и есть в стране. И, во-вторых, этот человек должен быть информирован. Об этом я не случайно говорил. Без информации, он бессилён. Ну и, конечно, он должен знать, что делать. Вот эти три вещи. Причем, они не связаны с должностным уровнем» (Информант № 4).

Данное высказывание можно интерпретировать и с позиции антропологического подхода к изучению профессий, которая касается, в том числе, анализа культуры профессиональной группы, под которой подразумевается «система разделяемых членами группы общих смыслов, основанных на сходной или совместно осуществляемой деятельности, позволяющая им справляться с испытаниями внешней среды, соблюдая внутреннее единство» [8, с. 8].

Согласно мнению информантов, основные смыслы – это служение обществу в целом через исполнение существующих законов и отдельным индивидам и социальным группам, развитие профессиональных качеств, как в части универсального так и в части частного аспекта, определяющегося организационной культурой и субкультурой профессиональной группы [1, с. 141]. О таком необходимом служении в основном говорят информанты старше 50 лет и занимающие руководящие должности, как имеющие значительный опыт государственной службы и выступающими чаще всего мудрыми наставниками для своих новоиспеченных подчиненных, только что поступивших на государственную службу. Приходя на работу в министерство, многие молодые люди представляют свою работу в основном как аналитическую или практико-ориентированную активную деятельность, связанную с реализацией масштабных проектов, затрагивающих жизнь страны. А на деле приходится окунуться в бумажную работу, заниматься подготовкой множества документов или, к примеру, отвечать на пресловутые обращения граждан:

«Пишет какая-нибудь бабушка из деревни на десяти страницах письмо. Её жалко. Ты хочешь действительно помочь, я и своих настраиваю, что надо сделать хоть что-то, хоть как-то помочь» (Информант № 1).

Пока же, согласно мнениям опрошенных чиновников, получается, что, несмотря на то, что госслужащие на сегодня представляют группу наиболее уверенных в пусть небольшом, но постоянном и гарантированном доходе профессионалов, к ним также применительно важное заключение, которое П. Романов и Е. Ярская-Смирнова адресовали так называемому классу «прекариат» с недостаточным доходом, без страховки и гарантии рабочего места, а также без устойчивой идентичности» [9, с. 19]. То есть, государственные служащие сегодня не рассчитывают на повышение престижа и материальной оценки выполняемых ими функций, однако «вместо этого усиливается контроль за их деятельностью со стороны разных агентов, давление со стороны клиентов и администраторов, растут риски, увеличиваются нагрузки и стрессы на рабочем месте» [9, с. 19]. Иными словами, налицо деформация как минимум одной из тех черт профессии, которые в качестве основных выделял Т. Парсонс, а именно – разрушение институциональных механизмов, которые гарантируют, что полученные в процессе образования компетентность и умения будут использованы социально значимым способом [10, с. 58].

Что же можно сказать о профессиональном образовании современных государственных служащих и, прежде всего о том, как сформированная в начале девяностых система подготовки государственных служащих в рамках вновь открытой специальности высшего образования «Государственное и муниципальное управление» (ГМУ) повлияла на профессионализацию госслужащих, а именно на практику социального закрытия и на контроль реализации «профессионального проекта» [11, с. 65-66].

Эверетт Хьюз отмечал, что изменение и повышение статуса профессий по отношению к конкурирующим занятиям, подверженным профессионализации, является очень значимым для приобретения большей независимости, большего признания, более ясного различия между теми, кто включен в профессию, и теми, кто вне ее, большая автономия в выборе коллег и преемников [12, с. 38]. Изучение соответствующей профессии в университетах закрепляет и легитимирует изменения статуса определенной профессии в нашем обществе [12, с. 38]. В случае государственных служащих ситуация складывается интересная.

В результате бесед с информантами выяснилось, что профессиональное образование по указанной выше специальности (ГМУ) совершенно не котируется в среде тех органов власти, в обеспечении полномочий которых непосредственно участвуют государственные служащие. Каждый из респондентов, разумеется, знал о существовании такой специальности, а двое из них по настоящее время сами преподают ряд курсов студентам, получающим первое и второе высшее образование по этой специальности. Однако те интервьюируемые, которые занимают руководящие должности, отметили, что им более важно получить в качестве госслужащего не просто чиновника с дипломом, в котором в графе специальность написано «менеджер» (а именно такие дипломы получают выпускники специальности ГМУ), а специалиста с профильным образованием в одной из важных для деятельности того или иного органа сфер:

«Для разных участков нужно разное образование. Конечно, идеальное образование — юридическое; в этой области, где мы работаем, медицинское очень важно. Когда мы пишем документы на конкурс, мы в нем указываем, что желательно такое-то образование в зависимости от того, чем человеку предстоит заниматься. Для нас эффективны будут юрист, медик, для некоторых направлений — демограф, для некоторых — социолог. В зависимости от того, чем человеку предстоит заниматься. И статистики нам нужны» (Информант № 1).

Не раз респонденты подчеркивали, что важна базовая профессиональная подготовка того специалиста, которого приглашают на госслужбу, потому что премудростям управленческой деятельности можно и нужно учиться на месте:

«Я пригласил тоже по рекомендации базового юриста. В министерстве обороны он работал. На свой страх и риск, на самом деле, взял. Но парень умный, толковый. Конечно, он ничего не знал про нашу тему. Но это не страшно. Лишь бы он знал хорошо право. Если у него есть общая база права, мы из него политика — представителя сделаем. <...> Мне не нужны делопроизводители. Мне нужны здесь специалисты» (Информант № 4).

Начальник отдела департамента одного из федеральных министерств отмечает, что низкий статус специальности ГМУ, вероятно, можно отнести на счет той записи, которую выпускники специальности получают в диплом по окончании вуза:

«Я же вот студентам читаю курсы. 5 лет, специалитет. А потом что получается? «Менеджер». Неприлично даже говорить. Второе-то высшее... Столько проучились, специальность - государственное и муниципальное управление, и тут — менеджер. С какой стати? Это так задело. Одна студентка говорит — меня отец убьет, заплатил за меня такие деньги... Кроме того, ну вот пришли люди, у них нет никакого ГМУ. В принципе, не обязательно. Хотя считается, что ГМУ — это профессиональное образование госслужащего, они хоть получают общее представление о том, чем занимается госслужба» (Информант № 2).

Вместе с тем следует отметить, что университеты и специализированные высшие учебные заведения, занимающиеся подготовкой именно государственных служащих в рамках специальности или направления ГМУ, продолжают предлагать не только высшее образование на уровне бакалавриата, но и на уровне магистерских программ, а также могут обеспечить получение высшего образования по указанной специальности с выдачей международного диплома в результате обучения по какой-либо совместной программе с известным зарубежным вузом, как, например, делает факультет ГМУ НИУ-ВШЭ. То есть на лицо стремление профессиональной группы трансформировать уникальную область знания и компетенций в социальный престиж через формирование и поддержание системы образования со своими уникальными стандартами, дипломами и сертификатами.

Подводя краткие итоги можно сказать, что, обладая специфическим правовым и социальным статусом, государственные служащие, с одной стороны, могут получить совершенно уникальный опыт шлифовки своих

профессиональных знаний и компетенций в машине государственного аппарата, с тем, чтобы в дальнейшем либо заниматься реализацией «профессионального проекта», то есть продвигаться, если удастся, по карьерной лестнице, либо в определенный момент оставить государственную службу, как переставшую удовлетворять потребностям в статусе, профессиональном росте, оплате прилагаемых усилий и т. д., и сменить поле деятельности, перейдя в бизнес (что, по мнению респондентов, случается довольно часто), где наработанные на госслужбе связи и понимание законов и функционирования государственного аппарата будут максимально востребованы при умелом позиционировании собственных компетенций и правильном выборе рода и характера деятельности.

Вместе с тем, госслужащим как профессиональной группе пока не удается продемонстрировать свою респектабельность и социальную значимость, что на современном этапе, вероятно, может быть связано с подменой понятия «чиновник» понятием «политик», не в смысле ведения политической деятельности, а в смысле участия в принятии решений. Как сформулировал это один из наших информантов:

«У нас произошло смещение понятия «чиновник», деформация произошла. Потому что на самом деле чиновник — это человек, который, в моем представлении, должен обеспечивать реализацию решений, законов, постановлений правительства. При этом разработку вот этих решений должны вести не чиновники, а эксперты, депутаты, общественность, журналисты. Но когда чиновник начинает сам придумывать законы, которые он сам будет исполнять, а это сейчас и происходит!!!! Вы посмотрите, большая часть законов, которая принимается в Думе, она разрабатывается не депутатами, а правительством или президентом — тогда пиши-пропало. Поэтому говорить о пользе чиновничества можно будет только при одном условии — если чиновнику будет возвращена его исходная функция: он должен служить закону, исполнять и обеспечивать реализацию законов во всех областях» (Информант № 1).

Все в отсутствие социального контроля за деятельностью чиновников не дает возможности госслужащим формировать и транслировать обществу тот публичный образ, имидж, который совпал бы и с «идеальным типом госслужащего» и с ожиданиями граждан.

Предлагаемое сегодня будущим чиновникам профильное высшее профессиональное образование по специальности/направлению «Государственное и муниципальное управление» напрямую не служит практике социального закрытия, а вероятнее всего должно поддержать понимание того, что по прошествии некоторого времени лучшими чиновниками будут как раз те, которые имеют такое профильное образование, наибольшей ценностью которого вероятно должны являться компетенции, полученные в сфере именно управленческой деятельности и основ государственной службы. Однако, как видится из дня сегодняшнего, такое профильное образование должно скорее стать нормой в плане второго высшего или дополнительного, полученного по ускоренной программе, чем в качестве предлагаемого сейчас первого высшего профессионального

образования. Причем статус и социальная значимость госслужащего только выиграют, на наш взгляд, если чиновникам будут оплачивать получение этого второго высшего те наниматели, органы государственной власти, которые заинтересованы в их профессиональном развитии и служении государству и обществу в самом лучшем смысле этого слова. Кстати, в ряде случаев именно так сейчас и происходит.

Список информантов

- Информант № 1 – заместитель директора департамента федерального министерства, мужчина, г. Москва.
- Информант № 2 – начальник отдела департамента федерального министерства, женщина, г. Москва.
- Информант № 3 – руководитель департамента регионального министерства, женщина, Республика Саха-Якутия.
- Информант № 4 – руководитель аппарата Комитета Государственной Думы РФ, мужчина, г. Москва.
- Информант № 5 – главный консультант аппарата Комитета Государственной Думы РФ, мужчина, г. Москва.

Библиографический список

1. Щепанская Т. Б. Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1. С. 139-161.
2. Мансуров В.А., Юрченко О.В. Перспективы профессионализации российских врачей в реформирующемся обществе // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 66-77.
3. Мансуров В.А., Юрченко О.В. Социология профессий. История, методология и практика исследований // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 36-46.
4. Садыков Р.А. Статус гомеопатии в пространстве российского здравоохранения: автономия или интеграция? // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 1. С. 109-126.
5. Федеральный закон от 27.05.2003 N 58-ФЗ (ред. от 28.12.2010) «О системе государственной службы Российской Федерации» // URL: www.consultant.ru – Правовой портал «Консультант Плюс». (Дата обращения: 10.07.2012).
6. Федеральный закон от 27.07.2004 N 79-ФЗ (ред. от 21.11.2011 с изм. от 22.11.2011) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // URL: www.consultant.ru – Правовой портал «Консультант Плюс». (Дата обращения: 10.07.2012).

7. Хьюз Э. Профессии в обществе / Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2012, С. 47-58.
8. Романов П., Ярская-Смирнова Е. Мир профессий как поле антропологических исследований // Этнографическое обозрение. 2008. № 5. С. 3-17.
9. Ярская-Смирнова Е., Романов П. Те самые профессии: школы престижа и рамки публичности / Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности / Под ред П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2012, С. 19.
9. Абрамов Р.Н. Профессиональный комплекс в социальной структуре общества (по работам Т. Парсонса) // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 54-67.
10. Романов П., Ярская-Смирнова Е. Идеологии профессионализма и социальное государство / Антропология профессий, или посторонним вход разрешен. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011.
11. 12. Хьюз Э. Профессии // Под ред П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2012, С. 31-46.

Борисов В. В., Ставрополь
Лелюхин С. В., Саратов

Цели медиаобразования как проекция потребностей общества

Аннотация

В статье в рамках функционалистского подхода изучен общественный интерес к профессиональной деятельности медиапедагогов. Объединив теоретические парадигмы в две модели медиаобразования, развития критического мышления и развития медиа-коммуникативных способностей, авторы сравнили модели, используя теорию хабитуса П. Бурдьё. Анализ глубинных интервью с педагогами школ Ставропольского края позволил оценить место медиаобразования в современной школе. Установлено, что оно обеспечивает высокий уровень качества процесса учебной деятельности, став инструментом развития школьников. Среди педагогов нет единого мнения о том, какую модель медиаобразования поддерживать. На формирование их отношения влияет личная система ценностей учителей, их педагогические интересы и приоритеты. Авторы делают вывод, что будущее за моделью развития медиа-коммуникативных способностей, которая рассматривается как новая ступень в медиаобразовании.

Ключевые слова: медиаобразование, медиапедагог, критическое мышление, медиа-коммуникативные способности, хабитус

В рамках функционалистского подхода процесс профессионализации рассматривается как реакция со стороны профессиональных групп на потребности общества [1]. Фокус исследовательских интересов в этом случае сосредоточен на анализе соответствия профессиональной деятельности задачам осуществления функций, направленных на достижение социально-значимых целей [2]. Используя предложенный Г. Миллерсоном инструментарий в рамках парадигмы атрибутивного подхода [3], мы сделали вывод, что деятельность медиапедагогов вписывается в контекст современного образования, соответствует атрибутам профессии [4], отметив, что медиакомпетентные учителя способны вносить существенный вклад в развитие учащихся.

Реагируя на общественные потребности, медиапедагоги осуществляют профессиональную деятельность, посредством которой достигаются социально-значимые цели. Систематизируя цели медиаобразования, мы обратились к работам Н. Кирилловой [5] и Е. Чельшевой [6], в которых нашли список из десяти теоретических парадигм. По признаку развития критического мышления мы отнесли к первой группе целей идеологическую, культурологическую, эстетическую и этическую парадигмы, теорию гражданской защиты и теорию критического мышления. Во второй группе целей развития медиа-коммуникативных способностей практическая, социокультурная, семиотическая парадигмы и теория потребления.

В научном дискурсе тема медиаобразования представлена, в основном, трудами педагогов, культурологов, психологов, и лишь изредка встречаются работы социологов. Независимо от научного поля исследований доминируют публикации сторонников развития критического мышления. Центральное место в этом подходе занимают труды Л. Мастермана, который настаивает на том, что вопросы художественной ценности не должны иметь места в медиаобразовании. Их следует отодвинуть из центра педагогического внимания, сфокусировавшись на цели развития понимания медиатекстов, чтобы учащиеся умели оценить, в чьих интересах они создаются, как представляют окружающую их реальность [7].

Именно этот аспект активно обсуждается в работах А. Фёдорова [8], который отметил важность обучения аудитории анализу и выявлению манипулятивного воздействия медиа. Он считает, что для ориентации в информационном потоке современного общества, отличающегося переизбытком информации, необходимо научить людей грамотно воспринимать ее, понимать, анализировать, и иметь представление о механизмах и последствиях ее влияния на зрителей, читателей и слушателей.

Отмечая формирование у людей «мозаичной памяти» и «мозаичного сознания» вследствие потребления семантически «разноголосой» телеинформации, Т. Хагуров обращает внимание на актуализацию развития способности критически воспринимать и производить информацию [9]. Для своевременного выявления негативных последствий продукции средств массовой коммуникации Е. Ермизина предлагает использовать специальный инструментарий в рамках семиосоциопсихологии, который позволяет реализовать социально ориентированное управление коммуникационными процессами на практике [10]. Делая вывод о проблематичности запретов на просмотр школьниками сцен насилия на экране и возрастающий интерес молодежи к масс-медиа, Е. Чельшева высказывает идею, что развитие умения школьников самостоятельно, критически оценивать различные медиатексты, пробуждение их способности к восприятию и аргументированной оценке получаемой информации будет способствовать адекватной оценке сцен насилия [11].

Признавая распространенность в Европе и в России теории критического мышления, Н. Хлызова подробно разбирает концепцию развития медиа-коммуникативных способностей [12]. Представители этого подхода полагают, что значение критического мышления сильно преувеличено,

и указывают на имманентное свойство коммуникации развивать у индивидуумов способности к взаимодействию, практическому освоению новых технических средств, невербальным способам общения, умению максимально использовать средства массовой коммуникации в соответствии со своими потребностями.

В рамках этой концепции придается большое значение креативности, формированию визуальной грамотности, делается акцент на визуальных формах коммуникации. Целью медиаобразования провозглашается формирование культуры взаимодействия индивидуума и медиа, и, как следствие, образовательная программа включает изучение теории медиа и истории средств массовой коммуникации, она базируется на таких методологических приемах, которые способствуют развитию творческих способностей, овладению формами самовыражения, умению воспринимать, анализировать и интерпретировать информацию.

Развитию этого подхода посвящены работы А. Шарикова, который щедро снабжает нас примерами сравнительного анализа двух концепций [13]. Критическое мышление оценивает медиа как источник всех зол для подрастающего поколения, противопоставляет индивидуума и медиа и учит человека защищать себя от информации. Способность к критическому мышлению является неотъемлемой частью медиа-коммуникативных способностей, состоящих в умении вести медиатизированный диалог с другими людьми, создавать и передавать сообщения посредством технических и семиотических систем. Изучая процессы формирования информационно-коммуникативной культуры молодежи в системе высшего образования, Д. Коваленко сделал вывод, что овладение навыками эффективной работы с новыми видами информационных потоков и медиатекстов требуют наличия развитой информационно-коммуникативной культуры [14].

Вдохновителем концепции медиа-коммуникативных способностей в медиаобразовании является М. Маклюэн, который высказал идею появления образовательной дисциплины, обучающей тому, как жить в информационную эпоху [15]. Если индивидуум будет продолжать пребывать в состоянии фрагментированной бессвязности в процессе обучения, то он не будет способен понять тот мир, в котором он живет. Информацию, распространяющуюся с мгновенной скоростью, открывающей перед человеком весь мир, прошлый и нынешний, М. Маклюэн сравнивает с растущим растением в ускоренном кинофильме. Единообразно обученные и гомогенизированные граждане, по его оценке, становятся обузой для информационного общества. Он отметил возрастающее давление на образование, подталкивающее его на обретение глубины и взаимосвязи, приводящее к его либерализации. С приходом электричества и автоматизации люди превращаются в «кочевых собирателей знания», вовлеченных в тотальный социальный процесс.

Таким образом, мы установили, что существует две модели медиаобразования, причем концепция развития медиа-коммуникативных способностей является расширенной формой модели развития критического мышления. Для сравнительного анализа двух выявленных моделей, мы

обратились к теории хабитуса П. Бурдьё [16]. Хабитус, являясь одновременно и системой схем производства практик, и системой схем восприятия и оценивания практик, обладает свойствами сепаратора информации, алгоритма отбора важного от неважного, выстраивания обыденных действий. Хабитус, структурируя практику агента и его представлений, формирует у него готовность и склонность воспринимать и транслировать опыт тем или иным способом.

Для хабитуса учащихся, воспитанных медиапедагогом в рамках модели развития критического мышления, характерны такие черты, как стремление к изоляции в информационном пространстве, практика формирования барьеров и фильтров. Критическое мышление развивает навык «примерки» шаблона к оценке ситуации, что характерно для традиционных моделей обучения. Выход за рамки критического мышления формирует у агентов иной хабитус, для которого присущи открытость ко всему новому, способность к синтезу, толерантность к неопределенности, развитие креативности и интуиции, приобретение новых профессиональных навыков. Все это отличает либеральные модели обучения, к которым с уверенностью может быть отнесена и концепция развития медиа-коммуникативных способностей.

Чтобы понять, какое место медиаобразование занимает в современной школе, какие из выявленных моделей представляют больший интерес, на что сформирован социальный заказ, мы провели исследование в форме глубинного интервью. Нашими информантами стали 10 педагогов Ставропольского края, которых мы набирали по методу снежного кома, начав со своих знакомых. Обязательными критериями отбора участников исследования были практические знания о медиаобразовании. Дополнительно информант должен был соответствовать хотя бы одному из трех признаков: быть учителем информатики, осуществлять классное руководство, вести школьный кружок. Интервью были проведены в период с 7 по 9 июня 2012 г.

Мы установили, что педагоги признают сложности в школьном образовании: *«... школа учит не тому, что нужно...это ведёт к созданию каких-то биологических роботов на заказ»* (интервью 3), и дают весьма высокую оценку медиаобразованию, ставшему *«одним из аспектов образования согласно современным требованиям, обеспечивая более качественный процесс учебной деятельности»* (интервью 8). Объясняя преимущества медиаобразования, информант в интервью 7 указывает такие его особенности, как *«больше источников получения информации, больше задействовано ресурсов, каналов восприятия информации, целостный образ восприятия мира ребёнок будет получать»*. Учителя единодушны в оценке значимости медиаобразования как инструмента развития школьников, но не солидарны в оценках его моделей. Мы полагаем, что причина противоположных мнений обусловлена личной системой ценностей учителей, их педагогическими интересами и приоритетами.

Одна группа педагогов считает, что более востребована модель критического мышления. *«Потребность именно в критическом мышлении, моделировании жизненной ситуации, в которой ты совершаешь выбор»*

(интервью 1). *«Именно критическое мышление учит выбирать то, что нужно для достижения цели, отбрасывая ненужное»* (интервью 2). *«Не все могут оценить критически, нужно ли ему что-то. Только единицы. На мой взгляд, критическая модель востребована. Дети должны осознавать, что не все то золото, что блестит. Важна адекватная оценка сцен насилия, сейчас, когда тв-картинка почти на 100% состоит из сцен насилия»* (интервью 4). *«Иметь критическое мышление, значит, уметь отделить зёрна от плевел»* (интервью 5).

Объясняя мотивы своей оценки, педагоги из первой группы отмечают возможность развития посредством медиаобразования навыков принятия решения в ситуации выбора, *«правильно формулировать вопрос, чтобы потом получить на него ответ»* (интервью 7), осмысливать, обрабатывать информацию.

Во второй группе один из педагогов считает, что *«дети сами стремятся к модели медиа-коммуникативных способностей. Почему? Потому что понимают, что эти навыки пригодятся в общем образовании»* (интервью 6). Вывод этого информанта поддержан другим педагогом, который отметил, что ко второй модели образования *«дети готовы с 1-го класса. Работают по планшетам, могут включить моноблок и перезагрузить его»* (интервью 8). Развитию медиа-коммуникативных способностей отдает предпочтение и информант в интервью 9, который, отвечая на вопрос *«Какая модель образования представляет больший общественный интерес?»*, с уверенностью заключил: *«Конечно, освоение новых технологий, вдобавок, это ещё интересно»*.

Сравнивая две модели, педагог в интервью 10 отмечает, что *«если критическому мышлению можно обучить, то креативности научить нельзя. Её можно развить у ребёнка»*. Информант подчеркивает, что *«технология критического мышления нацелена на формирование навыков и умений, которые ученик может применить в практической жизни, в практическом опыте и позволяет развить креативность»*. По мнению педагога, обе модели взаимосвязаны, поскольку развитие медиа-коммуникативных способностей не существует без критического мышления, стимулирующего творческое мышление учеников.

Оценивая содержание социального заказа, педагог в интервью 10 полагает, что *«он ориентирован на модель медиа-коммуникативных способностей. А связано это с формированием компетенций новых, ...только критического мышления не достаточно»*. Одно из объяснений состоит в том, что *«сейчас скромный и сознательный (как раньше) ребёнок далеко не пойдёт. А почему? А потому, что мир жесток стал. Надо работать в группе, быть коммуникабельным, мобильным, гибким, предприимчивым, инициативным и конечно дисциплинированным, ответственным»* (интервью 8).

Функционалистский подход анализа профессиональной деятельности медиапедагогов позволил нам достичь поставленной цели выявления содержания общественного интереса к медиаобразованию. Объединив теоретические парадигмы в две группы целей, развития критического мышления и развития медиа-коммуникативных способностей, мы изучили

опыт предшественников, которые обратили вектор своего исследовательского интереса к пониманию целей медиаобразования. Используя теорию хабитуса П. Бурдьё, мы сравнили две модели, сделав выводы о разнице социального поведения, навыки которого формируются у школьников.

Концепция развития критического мышления фокусируется на анализе медиатекстов с целью выявления манипулятивного воздействия медиа, на умении оценить негативное последствие продукции СМИ и дать адекватную оценку сценам насилия в получаемой информации. Критическое мышление оценивает медиа как источник всех зол для подрастающего поколения, противопоставляет индивидуума и медиа и учит человека защищать себя от информации. Концепция развития медиа-коммуникативных способностей, включая задачу развития критического мышления, способствует практическому освоению новых технических средств коммуникации, развитию визуальной грамотности и умения интерпретировать информацию. Она фокусирована на способности вести медиатизированный диалог с другими людьми, создавать и передавать сообщения посредством технических и семиотических систем.

Оценивая место медиаобразования в современной школе, мы провели исследование в форме глубинного интервью с педагогами учебных заведений Ставропольского края. Это позволило нам сделать вывод о том, что медиаобразование обеспечивает высокий уровень качества процесса учебной деятельности, став инструментом развития школьников. Среди педагогов нет единого мнения о том, какую модель медиаобразования поддерживать. На формирование их отношения влияет личная система ценностей учителей, их педагогические интересы и приоритеты. Но мы с уверенностью можем сделать вывод, что будущее за моделью развития медиа-коммуникативных способностей, которая рассматривается нами как следующая ступень медиаобразования, позволяющая развивать у школьников новые компетенции, поскольку навыков только критического мышления недостаточно для будущего молодых людей.

Список информантов

- Интервью 1. М., 27 лет, учитель информатики, г. Ставрополь.
- Интервью 2. Ж., 56 лет, учитель географии, классный руководитель, г. Ставрополь.
- Интервью 3. М., 25 лет учитель информатики, г. Ставрополь.
- Интервью 4. Ж., 32 года, учитель информатики и физики, г. Ставрополь.
- Интервью 5. Ж., 45 лет, учитель информатики, г. Ставрополь.
- Интервью 6. М., 40 лет, учитель информатики, г. Михайловск.
- Интервью 7. Ж., 36 лет, учитель информатики, г. Михайловск.
- Интервью 8. Ж., 40 лет, учитель немецкого языка, завуч по научно-учебной работе, г. Михайловск.

- Интервью 9. М., 43 года, учитель дополнительного образования – руководитель музыкальной студии при школе, г. Ставрополь.
- Интервью 10. Ж., 38, учитель истории, г. Ставрополь.

Библиографический список

1. Мансуров В.А., Юрченко О.В. Социология профессий. История, методология и практика исследований // Социологические исследования. 2009. № 8, С. 36-46.
2. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Мир профессий: пересмотр аналитических перспектив // Социологические исследования. 2009. №8. С. 25-35.
3. Ярская-Смирнова Е.Р. Профессионализация социальной работы в России // Социологические исследования. 2001. № 5. С. 86-95.
4. Лелюхин С.В., Борисов В.В. Медиапедагог: профессионализация деятельности / Социально-политическая реальность XXI века: проблемы и перспективы. Сб. научн. статей. Ставрополь: Ставролит, 2012. С. 67-68.
5. Кириллова Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. М.: Академический проект, 2006.
6. Чельшева И.В. Теория и история российского медиаобразования. Таганрог: Кучма, 2006.
7. Masterman L. A Rationale for Media Education // Kubey R. Media Literacy in the Information Age: Current Perspectives. New Brunswick: Transaction Publishers, 2001. p. 15-68.
8. Федоров А.В. Развитие медиакомпетентности и критического мышления студентов педагогического вуза. М.: Изд-во МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2007.
9. Хагуров Т.А. Образование в стиле «пепси» (полемические заметки) // Социологические исследования. 2010. № 7. С. 96-103.
10. Ермизина Е.В. Социальная ответственность средств массовой коммуникации в аспекте семиосоциопсихологической парадигмы // Вестник РУДН, Серия «Социология». 2009. № 1. С. 37-42.
11. Чельшева И.В. Подростки и медийное насилие: причины и последствия // Медиаобразование. 2011. № 4. С. 21-29.
12. Хлызова Н.Ю. К вопросу о целях медиаобразования: теоретический аспект // Педагогическая теория, эксперимент, практика. Иркутск: ИПКРО, 2009. С. 97-104.

13. Шариков А.В. Цели медиаобразования: мнения экспертов / Шариков А.В. Медиаобразование: мировой и отечественный опыт. М.: Изд-во Академии педагогических наук, 1990. С.44-64.
14. Коваленко Д.Г. Коммуникации молодежи в Интернет-среде: феномен массовости // Социология власти. 2011. № 4. С. 75-83.
15. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2011.
16. Бурдьё П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 40-58.

Веденеева Я. В., Саратов

Модернизация правоохранительных органов с точки зрения концепции социального капитала

Аннотация

В статье рассматриваются различные аспекты процесса модернизации системы органов охраны общественного порядка. Внедряемые новшества неоднозначно могут повлиять на функционирование ведомства, и государства в целом. Основное внимание уделяется трансформациям взаимодействия силовых структур с обществом.

Ключевые слова: реформа МВД, милиция, полиция, социальный капитал, доверие

Правоохранительная система является основным компонентом, обеспечивающим устойчивость государственного устройства. В этой связи вопросы функциональной модернизации данного ведомства необходимо анализировать с различных точек зрения, учитывая сложную структуру изучаемого объекта. Внедряемые трансформации призваны оптимизировать деятельность института власти. Для этого коренным образом меняется устоявшаяся форма организации рабочего процесса силовиков. Оценивая успешность реформирования органов охраны правопорядка, важно определить истинную суть реформы МВД в целом, и составляющих ее элементов.

Усиливая требования к отбору кадров, система МВД укрепляет общественные убеждения о квалифицированности сотрудников и наличии у них специализированных навыков, позволяющих осуществлять профессиональную деятельность. Так происходит монополизация профессии защитника правопорядка. Внедряя в массовое сознание идеи о сложности выполняемой ими работы, силовики закрепляют устойчивость образа профессии милиционер/полицейский. Клиенты, то есть представители населения, не должны знать алгоритма действий при решении той или иной профессиональной задачи сотрудника органов охраны правопорядка. Так как «профессиональные процедуры не должны быть полностью предсказуемы – иначе клиенты смогут оценить степень сложности задачи и даже выполнить ее сами» [1, с. 67].

Система охраны общественного порядка, может рассматриваться как инструмент государственного управления. Вот почему все действия, происходящие в данном ведомстве обязательно согласовываются с руко-

водством страны. Даже формирование профессии происходит в рамках предписанного шаблона. Одним из механизмов контроля процесса профессионализации можно считать аттестацию сотрудников органов внутренних дел, цель которой отобрать из числа профессионалов тех, кто способен полностью соответствовать требованиям профессии.

В ходе реформирования системы органов охраны правопорядка неизбежно должна была измениться и профессиональная идеология. Официально взят курс на демократизацию и гуманизацию полиции, выраженную в отказе от силовых методов работы. Особое значение имеет переориентация функций данной структуры от карательно-репрессивных к оказанию услуг гражданам по защите их законных интересов и прав, что зачастую называют превращением полиции в «социальный сервис».

Идея реформы мотивируется потребностью общества, уставшего от неэффективной системы охраны правопорядка. Логично, что новшества закладываемые в работу стражей порядка должны отвечать запросам предъявляемым представителями социума. На сколько успешно это было учтено при конструировании новой системы охраны общественного порядка, вопрос спорный.

С другой стороны, однозначно утверждать о том, что реформа разработана исключительно для удовлетворения потребностей населения нельзя. Ведь модернизация МВД таит в себе множество латентных механизмов, укрепляющих полномочия представителей закона, и содержащих в себе способы усиления власти силовых ведомств. Статья 23 Федерального Закона «О полиции» [2] закрепляет расширенный перечень обстоятельств, дающих сотруднику право применять оружие. Немаловажно, что в новой редакции закона впервые официально появился запрет на критику сотрудниками полиции своего ведомства. Это можно трактовать как ограничение их свободы слова. Внедряемые изменения ориентированы на интересы самой системы, нежели на ее участников.

Публичное обсуждение проекта Закона «О Полиции» позволило вынести на поверхность недоработки, которые усугубляют столкновение интересов охранного ведомства и гражданского общества. Речь идет не только о мерах ограничивающих возможности противоправного поведения сотрудников полиции, но и необходимости наладить взаимодействие системы МВД с институтами гражданского общества. Последнее особо примечательно для теоретических центров правоохранителей, так как новая модель оценки эффективности деятельности сотрудников предполагает учет общественного мнения, по поводу качества работы Полиции. Данная мера приоткрывает занавес и позволяет получить доступ к информации о деятельности МВД. Однако не стоит упускать из внимания важный нюанс: вся информация дается дозировано, тематически и без возможности удостовериться в ее достоверности.

В современном научном дискурсе существует мнение о том, что полиция и гражданское общество противопоставлены друг другу. МВД выступает в роли карательно-репрессивного органа [3, с. 62]. В то время как служба призванная защищать интересы граждан должна служить народу. На практике МВД берет на себя функции наказания и контроля, что формируется образ о потенциальной опасности взаимодействия с ними [4, с.86].

Одной из долгосрочных целей модернизации системы МВД является укрепление взаимодействия силовых структур и гражданского общества на предмет установления доверия. Анализ роли доверия занимает особое место в концепции социального капитала. По мнению Ф. Фукуямы, доверие представляет собой «возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами» [5, с. 136]. Эффективные интеракции силовых ведомств с населением, должны основываться на осознании общих правил, по которым взаимодействие будет происходить. В настоящий момент представители общества опасаются незапланированных контактов с сотрудниками полиции, ввиду непредсказуемости их поведения. Средства массовой информации регулярно освещают подобные прецеденты, когда правоохранители, превышая свои должностные полномочия наносят вред гражданам.

Не стоит оставлять без внимания вызовы представителей гражданского общества адресованные профессионалам МВД. На сегодняшний день существует немалое количество общественных объединений, отслеживающих работу правоохранительных органов, в целях нивелирования противоправных методов работы и разрешения спорных ситуаций путем привлечения общественности. С одной стороны такие организации нужны и востребованы, ведь это единственный способ, в некоторой степени воздействовать на закрытое ведомство. С другой стороны наличие подобных организаций активизирует процесс противопоставления гражданского общества и МВД. Таким образом, создавая такие объединения, общество должно было сделать шаг на пути к балансу и равнозначности во взаимоотношениях силовиков и населения. А в итоге это еще более усугубило и без того сложную ситуацию. Теперь к деятельности профессионалов МВД предъявляется больше претензий. Их оценивают не только системная верхушка, но и общественное мнение. Подобное положение сотрудников внутренних дел, характеризуется повышенным вниманием со стороны вневедомственных критиков продуцирует тенденцию закрытости системы МВД. Возможно, именно поэтому взят курс на модернизацию. Формальное ограничение публичных комментариев происходящих в системе трансформации введенное для сотрудников, укрепило тенденцию закрытости доступа к информации о МВД. Это является способом укрепления монополии профессии.

Библиографический список

1. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Идеология профессионализма и социальное государство// Антропология профессий или посторонним вход разрешен/ Под редакцией П.Романова, Е.Ярской-Смирновой (Библиотека Журнала исследований социальной политики). М: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011. С.64-83.
2. ФЗ N-3 «О Полиции» от 07.02.2011 // правовая система Консультант плюс URL: <http://www.consultant.ru/popular/police/> (Дата обращения: 1.06.2012).
3. Гудков Л. Дубинин Б. Приватизация полиции // Вестник общественного мнения№1(81). 2006. С.58-71.
4. Черкасов Р.В. СМИ и общественное мнение о милиции// Социологические исследования. №4, 2006. С.85-88.
5. Фукуяма Ф. Социальный капитал // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л.Харрисона, С.Хантингтона. М: Московская школа политических исследований. 2002. С.129-149.

Вербилович О. Е., Москва

Родитель–гражданин: переопределение границ личного и политического¹

Аннотация

В статье рассматриваются возможные траектории взаимодействия родительского сообщества и организации, отстаивающей права инвалидов в России. Основной акцент делается на стратегиях активизма, которые выбирают родители детей с инвалидностью, включаясь в деятельность общественной организации. На основании материалов, собранных в ходе нарративных интервью с представителями родительского сообщества, представлена типологизация и анализ ключевых проблем, с которыми сталкиваются люди с инвалидностью в современном российском обществе.

Ключевые слова: инвалидность, общественная организация инвалидов, перформативность, публичная сфера, инклюзия, мобилизация гражданской активности, родительское сообщество, коллективное действие, стратегии активизма

В 2008 году Российская Федерация подписала Конвенцию ООН «О правах инвалидов», а 23 апреля 2012 года произошла ее ратификация, тем самым государство утвердило готовность к принятию международных принципов построения социальной политики в отношении людей с инвалидностью и формированию соответствующих условий её реализации. Ратификация Конвенции гарантирует исполнение базовых прав инвалидов, даже если они не фигурируют сегодня в российском законодательстве: инклюзивное образование, интеграция в общество через трудоустройство, информирование общества о людях с инвалидностью, доступ к досугу. Происходит актуализация необходимости предпринимать конкретные шаги, свидетельствующие об изменениях в социокультурной политике в отношении инвалидов: отход от патерналистской, сегрегационной ориентации, стремление к расширению социального участия инвалидов.

¹ В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Публичная сфера в современной России: аспекты социальной инклюзии, идентичности и мобилизации», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012 году, грант № 12-05-0012.

Государственная инициатива нуждается в сотрудничестве и контроле гражданского общества, как на уровне общественных организаций, так и на уровне рядовых граждан.

Как отмечают специалисты в области защиты прав людей с инвалидностью, по большей части активность общественных организаций инвалидов в России не направлена на организацию системных изменений, не побуждает востребовать и контролировать такие изменения. В масштабах России совершенно невозможно организовать контроль за реализацией огромного объема необходимых услуг «сверху». Единственный эффективный механизм контроля в этой ситуации – контроль «снизу», со стороны самих людей с инвалидностью и их окружения. Однако подавляющее большинство общественных организаций, особенно тех, в которых ключевыми агентами деятельности являются родители детей-инвалидов, зачастую проявляет тенденцию выступать в качестве «группы самопомощи». Однако, очевидно, что такая деятельность не имеет тенденции перерасти в системную. Зачастую она направлена на насущные инструментальные нужды, но не нацелена на долгосрочное планирование всех этапов жизни человека с инвалидностью, не дает импульс активности родителей во внешнем мире. Если такая активность и есть, то это выражается в форме «прошений» к власти о поддержке тех или иных мероприятий и программ самопомощи [4].

Как происходит взаимодействие родительского сообщества и общественных организаций? Какую роль выбирают для себя родители, и каким образом деятельность общественной организации способствует развитию активистского потенциала родителей детей с инвалидностью?

Для ответа на эти вопросы в период с декабря 2011 по июнь 2012 года в рамках кейс-стади общественной организации РООИ «Перспектива» был проведен ряд интервью с представителями родительского сообщества, сплоченного вокруг указанной организации, которая является ключевым агентом общественного движения людей с инвалидностью в современном российском обществе.

В качестве рабочего определения общественного движения людей с инвалидностью будем опираться на определение Дж. А. Винтера, согласно которому движение в защиту прав людей с инвалидностью преследует следующие цели:

1. Помочь людям с ограниченными возможностями обрести право голоса и влияние в решении своих проблем.
2. Повлиять на социальную политику и практику: остановить маргинализацию социальной группы инвалидов, способствовать социальному включению этой группы в «мейнстрим».

При этом, необходимо учесть специфику формирования идентичности индивида исключенной группы, о чем говорит Н. Фрейзер при описании «статусной модели» утверждения идентичности члена угнетенной группы. По мнению исследовательницы, исключенная социальная группа солидаризируется на основе категоричных ультиматумов, требуя однозначного равноправия и признания, что может провоцировать усиление дис-

танции между социальными группами, эскалацию конфликта и борьбы за власть внутри самой исключенной группы. По сути, как утверждает исследовательница, призывы равного перераспределения заменяются призывами равноправия и признания исключенной группы, однако эти же призывы приводят к «реификации» идентичности исключенной группы [9; 23-24]. В конечном итоге, индивиды, принадлежащие к меньшинству, вынуждены испытывать моральное давление и необходимость интернализации норм конформистской культуры. Согласно подходу Н. Фрейзер, ключевое внимание необходимо уделить процессу формирования идентичности индивида как члена угнетенной группы, но способного принимать равноправное участие в институциональных процессах принятия решений («статусная модель» утверждения идентичности исключенной группы). «Признание в терминах статуса означает возможность пересмотреть институционализованные паттерны и культурные образцы по отношению к индивидам, участвующим на равных правах в процессе интеракции и конструирования норм социальной жизни» [9; 29]. Фокусируясь на культурных ценностях в терминах социальных паттернов, такая политика признания предлагает преодолеть исключение через пересмотр этих самых ценностей, которые регулируют процессы социального взаимодействия на различных институциональных уровнях.

Иными словами, человек с инвалидностью, родительское сообщество, общественная организация инвалидов выступают в нашем исследовании как равноправные агенты публичного диалога с целью утверждения своего статуса в процессах социального взаимодействия на различных институциональных уровнях. Более того, агенты не просто требуют признания равенства своих прав, но и предпринимают конкретные шаги для изменения и пересмотра институциональных практик и образцов взаимодействия, построения взаимодействия на принципах рационального диалога и инклюзии.

В качестве яркого примера можно привести резонансное дело родителей детей с синдромом Дауна против журналиста А. Никонова и его статьи «Добей, чтобы не мучился» [1], о котором, в том числе, пишет американская исследовательница С. Оатс. В статье «From Parent to Protestor on the Post-Soviet Internet: Locating and Evaluating Political Web Spaces for Families of Children with Genetic Disabilities in Russia» [11] анализируется два ключевых примера: Downside Up – площадка координации усилий родителей детей с синдромом Дауна и два веб-сайта, посвященных заболеванию мукополисахаридоз (MPS) (генетическое нарушение, вызванное систематическим разрушением клеток, влекущее инвалидность и преждевременную смерть). Группы отличаются внутренними веб-линками и форматом, но, тем не менее, их присутствие в Интернет-пространстве свидетельствует о политизации вопросов здравоохранения и жизни в обществе людей с инвалидностью. В то же время, некоторые дискуссии о проблеме опираются на идеи о правах инвалидов как уязвленного слоя населения, нежели об активных борцах против несправедливого отношения общества. Тем не менее, важен тот факт, что рождающийся политический голос родителей в любом из вариантов может быть услышан.

В качестве альтернативных методов утверждения собственного статуса агенты публичной сферы инвалидности выбирают соответствующие механизмы мобилизации и прямое коллективное действие. Полагаясь на мнение Т. Шекспира [12; 249-254], отметим, что *потенциал прямого коллективного действия* заключается в следующем:

1. Это путь сфокусировать внимание на тех институтах и окружении, которое конструирует феномен инвалидности.
2. Это публичное политическое действие, демонстрирующее, что инвалидность – вопрос социальных отношений, а не медицинских условий.
3. Для людей с инвалидностью это шанс говорить от своего лица и действовать самостоятельно.
4. Для участников это процесс, наделяющий правом голоса, властью, способствующий солидаризации, выдвигению единых целей, предающий движению силу и развитие.

Коллективное действие, как действие, совершаемое в пространстве публичной сферы, обладает такой характеристикой как перформативность. Перформативность – это конструирование идентичности через выражение действия [7; 64]. В широком смысле публичная сфера непрерывно производится и изменяется самими участниками в процессе коммуникации (посредством языка, жестов, символов), а не существует в готовом виде. В узком смысле перформативность отражает связь с искусством и соответствующими средствами выражения идей и требований (дестигматизация путем производство и воспроизводство новых культурных кодов и образцов мышления/поведения через кино, театр, танец, фото).

Под инклюзией мы понимаем «демократическую акцию включения индивида или группы в более широкое сообщество с целью приобщения к определенному действию или культурному процессу. [...] Инклюзия в современном обществе становится новым кодовым знаком для обозначения стремления к преодолению неравенства, обретения свободы и нового качества жизни» [6; 11]. Социальная инклюзия на индивидуальном уровне предполагает включенность в группу (как на уровне группы, так и на уровне самоопределения, собственного чувства принадлежности) и реальную включенность в деятельность группы.

Инклюзии способствует личностная (как впрочем, и социальная) активность, общительность, развитый круг интересов. Очевидным пусковым механизмом в современном обществе может стать Интернет, который значительно упрощает формирование сообществ и их дальнейшую мобилизацию, поскольку само по себе виртуальное пространство, в отличие от физического способно привлекать людей, не озираясь на их географическую локализацию и разные графики.

Выбор организации для исследования неслучаен и продиктован рядом факторов:

1. Организация действует на принципах социальной модели инвалидности, предлагающей переопределение проблемы инвалидности в терминах отношения общества, повседневных установок и стереотипов людей, необходимости их трансформации для решения проблемы на системном уровне. В свою очередь, подобная деятельность требует привлечения символического, коммуникативного потенциала публичной сферы общества, конструирования новых образов, норм и ценностей.

2. Ведет комплексную системную деятельность: правозащитная деятельность, образование, трудоустройство, спортивная и социокультурная политика, направленную на долгосрочные изменения

3. «Низовая» инициатива - большинство сотрудников «Перспективы» - это люди с инвалидностью, которые, в том числе, занимают и позиции менеджеров проектов. Организация осуществляет механизмы контроля действий государства «снизу»: отслеживает исполнение законопроектов и инициирует новые, актуализирует проблему инвалидности в СМИ, проводит конференции, семинары и тренинги для информирования и повышения уровня компетентности государственных чиновников, представителей социальных служб, учителей, журналистов.

4. Образована НЕ «по принципу диагноза» - основание для комплексного системного подхода, ликвидирует сегрегацию, импульс к конструированию единой «проактивной» идентичности (не пассивные клиенты социальных служб)

5. Относительно самостоятельна и конкурентоспособна, в отличие от организаций «советского типа» (ВОИ, ВОЗ, ВОГ), которые зависят от государственного финансирования

6. Имеет широкую сеть волонтеров, сотрудничает с наиболее активными общественными организациями в регионах

7. Занимает одну из самых авторитетных позиций в публичном пространстве инвалидности (один из самых активных агентов, организующих на постоянной основе массовые публичные мероприятия и акции прямого коллективного действия, привлекается в качестве эксперта для обсуждения резонансных вопросов на различных публичных площадках, активно сотрудничает со СМИ (проект по трудоустройству совместно с ТВ-каналом «Дождь») и лидерами общественного мнения))

Выбор социокультурных проектов в качестве основных для данного исследования обусловлен пониманием того факта, что, как правило, над такими проектами в организациях совместно работает сразу несколько отделов, т. к. социокультурные проекты, как правило, призваны работать на поддержание долгосрочной миссии организации — работа по изменению отношения к людям с инвалидностью со стороны общества в терминах «равный», «талантливый», «активный», «действующий».

В общем виде «проект» можно понимать как «обособленную совокупность ресурсов и видов деятельности» [8;170], подлежащих внедрению в определенный контекст. Под **социокультурными проектами** в данной работе понимаются мероприятия, направленные на развитие коммуникативных навыков людей с инвалидностью, расширение их круга общения, приобретение нового опыта социального взаимодействия. Такого рода проекты задействуют коммуникативные и символические ресурсы публичной сферы (перформативность, потенциал дискуссионности, открытость публичных площадок и равноправие участия, каналы СМИ, язык искусства и творчества).

Опираясь на мнение исследователей в этой области [2; 27], можно утверждать, что при проведении в жизнь таких мероприятий использование СМИ, средств рекламы, PR и других форм социальных коммуникаций способствует формированию позитивного общественного мнения относительно людей с инвалидностью, расширяя их шансы включения в общества и усиливая их гражданскую позицию (кинофестиваль «Кино без барьеров», акция «Дети должны учиться вместе», благотворительные танцевальные фестивали).

Было проанализировано восемь интервью с родителями детей с инвалидностью – участниками социокультурных мероприятий организации РООИ «Перспектива» (дети с ментальной инвалидностью (в частности, синдром Дауна) и дети с диагнозом ДЦП или иными опорно-двигательными нарушениями, не затрагивающими интеллектуальное развитие). Среди опрошенных были как постоянные участники, так и те, кто присоединяется к мероприятиям впервые.

Люди с ментальной инвалидностью являются наиболее уязвимой группой внутри сообщества инвалидов, т. к. в отношении этой категории инвалидов в современной российской публичной сфере отсутствуют эффективные каналы артикуляции проблемных зон, образ человека с ментальной инвалидностью в наибольшей степени сопряжен с устойчивыми стереотипами «безмолвия», «бессмысленности существования», «страха» (в силу исторически сложившейся в культуре традиции «замалчивания» темы ментальной инвалидности в публичной сфере). В связи с этим необходимо обратить особое внимание на позиции и роли родителей детей с ментальной инвалидностью в ходе анализа их нарративных историй (N=4 интервью). Также, необходимо учесть тот факт, что стратегия поведения родителей во многом предопределяется тем или иным видом инвалидности ребенка, его собственной активностью и уровнем проблем, с которыми приходится сталкиваться в зависимости от статуса той или иной категории инвалидности внутри сообщества, а также степени развитости соответствующей сферы социальных и государственных услуг по отношению к людям с этим типом инвалидности. Поэтому, для сравнения различных траекторий поведения родителей и их ролей, в качестве информантов были также выбраны родители детей с диагнозом детский церебральный паралич (ДЦП) или иными опорно-двигательными нарушениями, не затрагивающими интеллектуальное развитие (N= 4 интервью).

Анализ интервью производился согласно качественной парадигме обоснованной теории [5; 50]. Отправной точкой аналитического процесса стал следующий тип кодирования: «разбиение интервью на конкретные части, наблюдение и другие формы преобразования необходимых данных в отдельные единицы значений, которые служат для формирования единой теории» [10; 74]. Осуществлялось подробное изучение полевых записей интервью, учитывая каждое суждение, фразу. Целью такого кодирования стало обнаружение ключевых понятий, которые объединялись в описательные категории согласно поставленным задачам исследования. Затем, в процессе анализа, после переоценки системы отношений понятий друг с другом, формировались категории более высокого порядка. В результате выделенные концепты были подчинены укрупненным категориям, отражающим ключевые группы проблем, на которые обращают внимание родители:

- Проблема информированности о возможных вариантах реабилитации и лечения, о диагнозе как таковом при рождении ребенка (квалифицированного обслуживания специалистов различного уровня (врачей и медицинских работников, учителей, психологов и логопедов, коррекционных специалистов)).

- Проблема социальной изоляции и поиска «позитивного социального окружения».

- Проблема обучения в общеобразовательных и спецучреждениях (доступ в общеобразовательные школы, наличие спецшкол как таковых, некомпетентность учителей).

- Проблема профессиональной социализации и трудоустройства.

- Проблема закрытых учреждений и самостоятельной жизни ребенка после смерти родителей.

Остановимся более подробно на каждой из выделенных проблем.

Проблема информированности о возможных вариантах реабилитации и лечения, о диагнозе как таковом при рождении ребенка

Все участницы исследования отмечают, что рождение ребенка с инвалидностью является испытанием с самой первой минуты, т. к. по сути, понимание ситуации, диагноза, необходимых действий и возможного результата может приходить месяцами, а порой и годами ввиду отсутствия квалифицированной консультативной помощи, источников информации и соответствующих мест, где эту информацию можно получить. Особенно остро эта проблема стояла перед женщинами, ставшими матерями во второй половине 1980ых – начале 1990ых гг., что обусловлено полным отрицанием наличия проблем людей с инвалидностью, как и в целом существо-

вания этой социальной группы в обществе советского типа. Для родителей детей с ментальной инвалидностью единственным «квалифицированным» советом служило предложение отказаться от ребенка ввиду невозможности его дальнейшей реабилитации и включения в общество.

«Мне сразу предложили отказаться. Потом прошло еще какое-то время. Я пришла в поликлинику для консультации по какому-то вопросу к нашей участковой. Она что-то долго говорила, а потом предложила снова отказаться от Вити. Я даже не успела еще понять, что она говорит и почему, а она уже набирала номер какой-то. Слышу, что об отказе спрашивает. И тут меня как обожгло! Мне стало обидно и стыдно за нее и за себя, я сказала, что никогда этого не сделаю и потом уже старалась вообще к ней не обращаться больше, если только в крайних случаях» (Валентина, 60 лет, замужем, на пенсии, ребенок с диагнозом синдром Дауна).

Проблема социальной изоляции и поиска «позитивного социального окружения»

Ситуация информационного вакуума и безысходности, в которой единственным выходом, предлагаемым государством и обществом, является игнорирование и замалчивание проблемы, ставило родителей в положение полной социальной изоляции, в котором единственным источником помощи и поддержки могли стать лишь близкие люди (родственники, знакомые, супруг). Однако именно они попадали в зону давления стигмы в первую очередь в силу, как уже было сказано в работе, восприятия обществом того, кто «понимает» инвалидность, как самого стигматизированного инвалида, что во многих случаях провоцирует ситуацию «замыкания» матери ребенка с инвалидностью в узком приватном мире, зачастую состоящим только из отношений «мать – ребенок с инвалидностью».

«Сразу родственники стали побаиваться общения, реже звонить, приходиться. Семья у нас была довольно статусная, обеспеченная, поэтому говорить обо мне и Лене было непринято. Потом с мужем расстались. Но все произошло интеллигентно, он иностранец, уехал в Испанию, но отношения поддерживаем, с Леной он тоже общается иногда» (Светлана, 59 лет, администратор досугового центра для детей с синдромом Дауна, разведена, ребенок с диагнозом синдром Дауна).

Выход из круга «молчания» в нарративах участниц исследования становится возможным в ходе поиска и знакомства с «родителями с такими же проблемами». Чаще всего в сообществе выделяется один или несколько родителей-лидеров, которые объединяют небольшую группу родителей с целью лоббирования прав своих детей. В рассматриваемом случае родителей детей с синдромом Дауна в Москве таким лидером стал общественный активист Сергей Колосков (в настоящее время член экспертного совета уполномоченного по правам человека Общественной палаты РФ, член ра-

бочей группы Комитета Госдумы по образованию), которому удалось при помощи тайно снятого документального фильма об условиях содержания детей с синдромом Дауна в российских учреждениях закрытого типа вывести проблему на уровень публичного обсуждения и спровоцировать соответствующую реакцию общественности (в первую очередь зарубежной) о необходимости принятия конкретных шагов по защите прав инвалидов в России и на постсоветском пространстве. По словам одной из участниц исследования, именно инициатива Колоскова помогла сплотить родителей, привлечь средства иностранных фондов для решения нарастающих проблем.

«Мы объединились с родителями веры Колосковой и решили, что нашим детям необходим досуг. Эту то проблему мы решить в состоянии сами. Трудоустройство и образование для нас недоступно тогда было, а вот организация досугового центра – задача посильная. Пригласили хороших педагогов, обратились в иностранные фонды за финансовой поддержкой» (Светлана, 59 лет, администратор досугового центра для детей с синдромом Дауна, разведена, ребенок с диагнозом синдром Дауна).

Приведенная цитата наглядно демонстрирует процесс конструирования механизмов солидаризации через практики мобилизации гражданской активности (создание досугового центра как социокультурный проект и форма коллективного действия).

Для родителей детей с ДЦП либо иными опорно-двигательными нарушениями, не затрагивающими интеллектуальное развитие указанные проблемы взаимоотношения с государством и обществом имеют меньшую степень напряженности, но, тем не менее, как только встает вопрос оформления ребенка с ДЦП в детский сад или ребенок начинает обучение в школе (если это позволяет степень инвалидности и инфраструктура образовательных заведений) напряженность и степень социального исключения начинают резко возрастать.

Проблема обучения в общеобразовательных и спецучреждениях (доступ в общеобразовательные школы, наличие спецшкол как таковых, некомпетентность учителей)

Некоторые родители принимают несовершенство системы интеграции и инклюзии государственных образовательных учреждений в случае, если уровень проблем, связанный с имеющейся степенью инвалидности, не достигает критической точки и не ставит под вопрос обучение ребенка в школе в целом. В ситуациях же, когда доступ в общеобразовательное учреждение затруднен, родители пытаются привлекать силы общественных организаций, в нашем конкретном случае – РООИ «Перспектива», которая оказывает соответствующую юридическую и методическую помощь для преодоления возникающих барьеров на пути к инклюзии (лоббирован-

ние права конкретного ребенка обучаться в той или иной школе, «уроки доброты» для учеников и учителей с целью трансляции аттитюдов и образцов поведения по отношению к людям с инвалидностью в соответствии с этикой «независимой жизни», организация специальных культурных и спортивных мероприятий на принципах равного участия).

«Мой сын хорошо играет в футбол, ему нравится отслеживать все события в мире футбола. Я долго просила руководство школы создать футбольный клуб или секцию, чтобы он мог ходить вместе с другими ребятами туда. Не важно, что дефект физический есть, так-то он выносливый. Но реакции не было. И только благодаря «Перспективе» удалось организовать секцию. Теперь его даже старшие мальчишки зауважали – видят, как он играет, как делится с ними всеми новостями, которые даже они не знают из мира футбола» (Ольга, 42 года, разведена, отпуск по уходу за ребенком-инвалидом, ребенок с диагнозом ДЦП, в семье один ребенок).

Из слов участницы исследования видим, как трансформируется отношение окружающих к ребенку с инвалидностью, снижается давление стигмы, «переформатируется» ее содержание: не «калека» и «ограниченный», а активный и творческий.

Так как для детей с ментальной инвалидностью обучение в общеобразовательной школе воспринимается сегодня как невозможное, родители говорят о том, что социокультурные проекты изучаемой общественной организации выступают единственными площадками, способствующими включению людей с ментальной инвалидностью в социальные интеракции, даже при осознании проблемы «замкнутости» этих площадок на данный момент.

«Сегодня для нас это единственное место, где мы можем собраться хотя бы вместе, все мы тут друг друга знаем, это как наша семья. У нас есть возможность не чувствовать себя одинокими. Мне здесь на мероприятии сегодня Влад сказал: «Мама, свобода!» Вы понимаете? Для меня и для него это многое значит!» (Татьяна, 45 лет, замужем, отпуск по уходу за ребенком-инвалидом, ребенок с диагнозом синдром Дауна).

Иллюстрация слов матери ребенка с синдромом Дауна, как и в описанном выше случае создания досугового центра, демонстрирует процессы солидаризации и формирования сообщества вокруг определенной публичной площадки социокультурного проекта изучаемой организации (в данном случае речь идет о танцевальном фестивале).

Проблема профессиональной социализации и трудоустройства

В нашем исследовании необходимо также коснуться проблемы трудоустройства людей с ментальной инвалидностью, так как участницы исследования считают эту проблему неразрешимой только лишь силами

общественной организации. На данном этапе все существующие со стороны общественной организации инициативы по трудоустройству инвалидов упираются в институциональные барьеры, создаваемые государством.

Дима ходит в кафе подрабатывать волонтером. Это нам «Перспектива» посодействовала. Я знаю, что и со стороны владелицы кафе есть свои выгоды – определенные налоговые льготы. Мы очень рады, что он имеет возможность работать. Но... если оформлять все это законодательно – нам снимут пенсионные выплаты по инвалидности. А так рисковать мы не можем. Я не знаю, насколько серьезны планы нашего работодателя. (Ольга 47 лет, замужем, секретарь в общеобразовательной школе, ребенок с диагнозом синдром Дауна)

Очевидно, что существующие правовые нормы регулирования трудоустройства людей с инвалидностью требуют тщательного пересмотра, однако, по мнению участников исследования. Это задача, прежде всего государства, которое сегодня не предпринимает в этом направлении никаких действий.

Проблема закрытых учреждений и самостоятельной жизни ребенка после смерти родителей

Еще одной «неподъемной» для общественной организации проблемой является организация центров независимого проживания для людей с инвалидностью. Родители отмечают, что здесь также необходимы совместные усилия государства, общества и общественных организаций. Существующие примеры таких центров единичны и не всегда соответствуют ожиданиям родителей. В этой связи особенно важна артикуляция вопроса в публичной сфере, где возможен поиск вариантов социального партнерства и принятия на этой основе соответствующих решений.

Понять, какую роль играют сами родители детей с инвалидностью в поле деятельности общественной организации «Перспектива» и внутри сообщества людей с инвалидностью в целом поможет представленная ниже схема. Схема иллюстрирует возможные роли, которые могут «примерять на себя» родители в процессе включения в деятельность изучаемой общественной организации. Типология ролей предложена на основе изучения методологии исследования К. Клеман траекторий деятельности в 2005–2008 гг. в России активистов профсоюзного движения и движения в защиту прав собственников жилья в свете реформы ЖКХ [3].

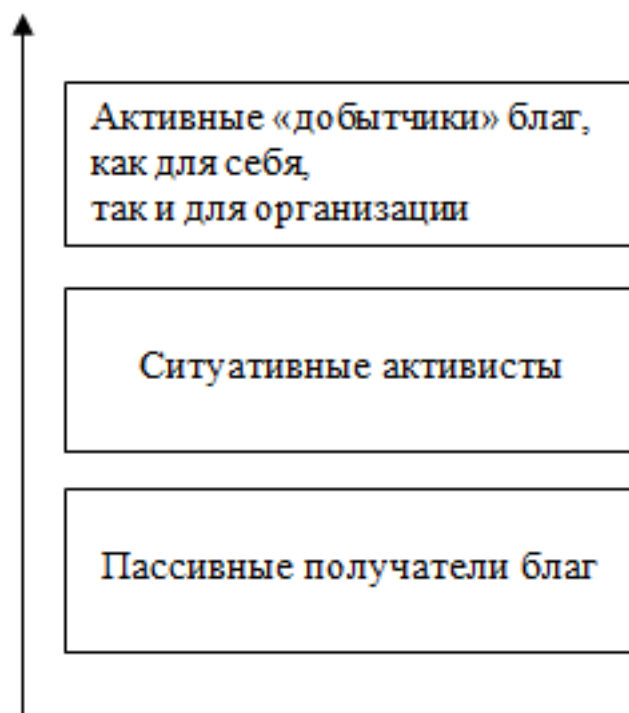

Рис. 1. Схема. Роли родителей детей с инвалидностью в поле деятельности НКО

Указанная схема демонстрирует основной набор ролей или позиций, выделенный в данном исследовании, который, тем не менее, не является безусловным. Более того, одни и те же агенты могут занимать разные позиции по степени включения в деятельность организации в разные периоды времени. Каждой позиции соответствует тот или иной набор ценностей и установок действия. Приведем иллюстрации таких позиций, опираясь на слова участников исследования:

Пассивные получатели благ

«Сейчас у меня нет желания принимать активное участие в организации мероприятий. Пока мне хочется просто отдохнуть, чтобы меня не трогали, пожить для себя и для ребенка» (Ольга, 42 года, разведена, отпуск по уходу за ребенком-инвалидом, ребенок с диагнозом ДЦП, в семье один ребенок).

Ситуативные активисты

«Я могу подключаться к каким-то семинарам, выездам, помогать в организации, но это зависит от графика моей работы, плюс есть еще второй ребенок, которому тоже надо уделить время. Но, например, когда встал вопрос закрытия нашей школы, я, конечно, стояла намертво, призывая всех сделать это, если даже не для нас, то для будущих школьников» (Ольга 47 лет, замужем, секретарь в общеобразовательной школе, ребенок с диагнозом синдром Дауна).

Активные «добытчики» благ, как для себя, так и для организации

«Я не считаю, что на государстве лежит ответственность. Мне кажется, она преувеличена. Мы многое можем и сами, просто наше общество пока не готово принять некоторые вещи. Мы создали наш центр практически «с нуля», обращались по многим вопросам к чиновникам и в принципе, они нам не отказывали. Сегодня есть альтернативы, главное искать их» (Светлана, 59 лет, администратор досугового центра для детей с синдромом Дауна, разведена, ребенок с диагнозом синдром Дауна).

На основе анализа биографий родителей и историй знакомства с организацией можно предположить, что ключевыми факторами, влияющими на выбор той или иной роли/позиции, могут быть:

- *семейная ситуация* (полная/неполная семья, финансовое положение)

- *персональный «социокультурный опыт»* (образование, особенности воспитания, модель родительства, повлиявшая на формирование соответствующей системы ценностей и др.)

- *вид инвалидности и степень сложности заболевания ребенка*

- *характер проблем, которые сопровождают определенную категорию инвалидов* (к примеру, для детей с ментальной инвалидностью долгое время не существовало даже спецшкол, в то время как дети с ДЦП даже в советское время могли обучаться в обычной среднеобразовательной школе)

Анализ нарративных интервью помог выделить ключевые проблемы, которые нуждаются в артикуляции в публичной сфере общества, найти конкретные иллюстрации практик мобилизации родительского сообщества для решения перечисленных проблем, определить возможные траектории активистских практик родителей и тех факторов, которые влияют на выбор той или иной стратегии поведения. Кроме того, удалось разграничить группы проблем, которые, по мнению родителей успешно решаются общественной организацией, и те проблемы, для решения которых необходимы совместные усилия гражданского общества и государства, выявлены определенные «провалы» ввиду отсутствия эффективного взаимодействия (отсутствие налаженного механизма работы с родителями детей с инвалидностью с самого рождения ребенка, барьеры инклюзии в образовании, проблемные стороны правового регулирования процесса трудоустройства людей с инвалидностью, вопрос возможности самостоятельного проживания людей с инвалидностью, особенно людей с ментальной инвалидностью).

Вывод

Как видно из представленных материалов интервью, большая часть проблем на пути к инклюзии людей с инвалидностью в общество имеет в своем основании сложившиеся исторически аттитюды и культурные стереотипы, которые до сих пор «блокируют» тему инвалидности в публичном дискурсе, а значит, не дают оснований для диалога между теми акторами действия, от которых зависит проведение в жизнь ожидаемых социальных изменений. Под давлением стигмы родители детей с инвалидностью попадают в режим социальной изоляции, не позволяющий почувствовать за собою право претендовать на «опубликование» «личных» проблем, затрудняющий поиск возможностей солидаризации для изменения ситуации. Общественная организация и реализующиеся ею проекты выступает уникальным каналом трансляции новых аттитюдов и образцов поведения, решая проблемы досуга, образования и трудоустройства людей с инвалидностью, однако ключевые проблемы, обозначенные в ходе интервью с родителями, такие как проблема самостоятельного проживания, правовое регулирование процесса трудоустройства людей с инвалидностью, создание инфраструктуры в образовательных учреждениях, профессиональное консультирование и сопровождение родителей детей с инвалидностью от самого момента рождения ребенка, остаются в поле государственных решений и механизмов действий. Рассмотренные стратегии активизма родителей детей с инвалидностью («Пассивные получатели благ», «Ситуативные активисты», «Активные добытчики благ, как для себя, так и для организации») подчеркивают необходимость разработки эффективных стратегий социального партнерства родительского сообщества, общественных организаций и государственных структур, ввиду наличия активистского потенциала внутри исключенных групп. Публичная сфера при этом выступает в роли катализатора процессов социального взаимодействия, усиливая общественный резонанс поднимаемых проблем, активизируя деятельность агентов различных сфер интересов (Интернет-активность в социальных сетях родителей детей с инвалидностью, пример документального фильма об условиях содержания в закрытых учреждениях людей с синдромом Дауна, снятый представителями родительского сообщества).

Библиографический список

1. Дело «С. Митина и С. Штаркова против газеты «Спид-Инфо»// Общественная коллегия по жалобам на прессу//URL: http://www.presscouncil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=365&Itemid=101&limit=1&limitstart=1 (Дата обращения: 19.01.2012).
2. Карпова Г., Ярская-Смирнова Е. Социокультурная политика в отношении инвалидов: от законодательства к общественному мнению// Образование для всех: политика и практика инклюзии. Сборник научных статей и научно-методических материалов. Саратов: Научная книга, 2008.
3. Клеман К., Мирясова О. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Европа, 2010.
4. Особое детство: шаг навстречу переменам. Опыт работы Центра лечебной педагогики. М.: Теревинф, 2006// URL: http://www.osoboedetstvo.ru/rights/idprav/files/St_inv_org.htm (Дата обращения: 12.03. 2012).
5. Страусе А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. и послесловие Т. С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
6. Ярская В.Н. Инклюзия – новый код социального равенства // Образование для всех: политика и практика инклюзии. Сборник научных статей и научно-методических материалов/ Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, Е.П. Антоновой, И.Б. Кузнецовой-Моренко. Саратов: Научная книга, 2008.
7. Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. N.Y., L.: Routledge, 1990.
8. Fowler A. Assessing NGO Performance: Difficulties, Dilemmas and a Way Ahead// Beyond the magic bullet: NGO performance and accountability in the Post-Cold War World/ Ed. By M. Edwards, D. Hulme. West Hartford, CT: Kumarian Press, 1996.
9. Fraser N. Rethinking recognition: overcoming displacement and reification in cultural politics// Recognition struggles and social movements/ Ed. by B. Hobson. Cambridge: Cambridge University, 2003.
10. Goulding, C. Grounded Theory: A Practical Guide for Management, Business and Market Researchers. London: Sage. 2002.
11. Oats S. From Parent to Protestor on the Post-Soviet Internet: Locating and Evaluating Political Web Spaces for Families of Children with Genetic Disabilities in Russia// URL: <http://www.media-politics.com/publications.htm> (Date of access: 18.01.2012).
12. Shakespeare T. «Disabled People’s Self-organisation: a new social movement?»//«Disability, Handicap and Society». Vol. 8, N.3, 1993 P. 249-269.

Гаврилова М. К., Москва

Производство коллективной памяти в публичном пространстве¹

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению механизмов конструирования коллективной памяти в публичном пространстве. Для концептуального определения коллективной памяти автор обращается к работам Я. Ассмана, Е.Ю. Рождественской, В.В. Семеновой, М. Хальбвакса. В качестве иллюстрации теоретических аспектов темы, автор приводит примеры из деятельности правозащитных организаций г. Москвы и их региональных подразделений.

Ключевые слова: коллективная память, публичное пространство

Степень научной разработанности

Концепция социального капитала постоянно пополняется теоретическими и методологическими данными, расширяется и уточняется понятийный аппарат, в связи с тем, что концепция является достаточно новой, существует много различных подходов к рассмотрению самого феномена.

Для концептуального определения социального капитала автор обращается к работам П. Бурдьё, который отмечает, что накопленный индивидом социальный капитал является залогом успешной деятельности [2, с. 34]. П. Бурдьё считает, что находясь в группе, индивид накапливает ресурсы, являющиеся базовыми для дальнейшей деятельности [1]. Теоретические основания исследования коллективной памяти в данной работе заложены трудами Я. Ассмана, Е.Ю. Рождественской, В.В.Семеновой, М. Хальбвакса. В международном дискурсе вслед за ними, используется понятие «коллективная память», которая понимается как ««живая» память отдельных индивидов или групп, как память «по свежим следам», когда эпоха еще жива и живы свидетели, которые в ходе своих коммуникативных практик формируют свои представления о прошлом и определенных событиях» [6, с. 29]. Актуальность выбранной темы обу-

¹ В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Публичная сфера в современной России: аспекты социальной инклюзии, идентичности и мобилизации», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012 году, грант № 12-05-0012.

словлена повышенным интересом СМИ и аналитических центров к различным аспектам социального капитала и коллективной памяти как средствам воспитания активной гражданской позиции у молодого поколения. Память о прошлом необходима для социального взаимодействия, поскольку она в качестве культурно-обработанного продукта закладывается в представление о «должном» характере социального действия. Известно, что ведется кампания дискредитации общественных организаций в глазах населения страны, усиливаются инструменты контроля, создаются новые квазиобщественные структуры [5]. Социологическое исследование является особенно актуальным, в связи с тем, что история сегодня вновь используется государством как средство пропаганды. Новая государственная идеология предлагает не критиковать и не анализировать прошлое, а гордиться им.

Социологическая концептуализация понятия «коллективная память»

Мы живем в эпоху «торжества памяти». В последние десятилетия все пережили глубокое изменение традиционного отношения к прошлому. Память о прошлом необходима для социального взаимодействия, поскольку она, в качестве культурно-обработанного продукта, закладывается в представление о «должном» характере социального действия. Особое внимание вопросам памяти стало уделяться с 20-х годов XX в. Было введено понятие «коллективной» памяти. Формированию новой парадигмы, связанной с понятиями «память», «воспоминание» способствовало присоединение многих ученых к процессу *«memory boom»* [10]. Культурная память обсуждается в основном немецким историком Я. Ассманом, а социальная и коллективная память французскими философами и социологами Э. Дюргеймом, М. Хальбваксом, П. Рикером и историком П. Нора. В отечественной социологии вопросами памяти активно занимаются Е.Ю. Рождественская и В.В. Семенова.

М. Хальбвакс принадлежит к дюркгеймовской социологической школе. Его самая первая работа в этой области «Социальные рамки памяти» положила начало новому научному направлению, которое называется «социологическое исследование памяти». После его смерти была опубликована известная работа «Коллективная память». М. Хальбвакс считает, что «индивидуальная» («внутренняя», «личная») и «коллективная память» («внешняя», «социальная») могут проникать друг в друга. По его мнению, «коллективной памяти» свойственно сохранять единое сообщество и его воспроизводство. Ее границы не должны ограничиваться датами, именами и формулами. Им необходимо быть воплощением течения мысли и опыта, в которых люди находят свое прошлое [8]. М. Хальбвакс представляет подробный анализ «живой памяти», говоря о том, что ее носители обречены умереть, а ее богатство — исчезнуть. Традиционный образ памяти «как архива и хранилища» преобразуется Хальбваксом в идею коллективного «фонда воспоминаний», образующего основу социального порядка

[7, с. 31]. М. Хальбвакс говорит и о понятии «социальных рамок памяти», под которыми понимаются личные воспоминания, имеющие тенденцию к исчезновению в случае не соединения с другими, подкрепленными коллективной функцией. Он считает, что воспоминания, которые стали частью коллективного сознания будут жить на протяжении веков, ввиду частого воспоминания. Как представитель французского позитивизма, М. Хальбвакс главным образом рассматривал интерес к «привилегированному статусу особых моментов прошлого» [7, с. 31]. Память о некоторых событиях является результатом статуса, который эти события получает в отношении других в ходе совокупного процесса коллективных памяти/забвения. М. Хальбвакс делает допущение о том, что коллективное запоминание и забвение зависят друг от друга и взаимно конституируются [7, с. 30]. П. Рикер также рассматривает забвение, как часть фундаментальной триады (память-история-забвение), в качестве угрозы памяти, но и как с чем-то «с чем память должна заключать договор» [7, с. 31].

В 1980-х годах французский историк Пьер Нора выдвинул программу изучения «мест памяти», которая и была реализована в многотомном коллективном труде. Нора предложил создать историю «символических объектов», с которыми нация связывает свои воспоминания и ценности [6, с. 29]. Поль Рикёр в своем труде «Память. История. Забвение» рассматривает память как деятельность, работу. По его мнению, память осуществляется как внутри, так и вне индивидуального сознания, не только на уровне отдельного человека, но и на уровне общества [6, с. 29].

В отечественной социологии Е.Ю. Рождественская и В.В. Семенова занимаются изучением проблем: объект и субъект социальной памяти, отношения между социальной памятью на национальном уровне и коллективными концепциями памяти на уровне коллективного и индивидуального. По мнению, Е.Ю. Рождественской и В.В. Семеновой «коллективная память» призвана сохранять коллектив и транслировать общей для него «архив»; «историческая память» больше построена на «документальном закреплении событий далекого прошлого», «культурная память» определяет набор фиксированных элементов прошлого [6, с. 30].

В международном дискурсе вслед за Я. Ассманом и М. Хальбваксом используется понятие коллективная память, которая понимается как «живая» память отдельных индивидов или групп, как память «по свежим следам», когда эпоха еще жива и живы свидетели, которые в ходе своих коммуникативных практик формируют свои представления о прошлом и определенных событиях [6, с. 29]. Хальбваксом, как основателем социологии памяти, точно обозначена главная функция коллективной памяти, которая заключается в сохранении сообщества и его воспроизводство [8].

Контраст между коммуникативной и культурной памятью, рассматриваемый Я. Ассманом, тесно связан с тезисом М. Хальбвакса о фундаментальной роли группы в формировании воспоминаний индивида. Эта роль основана на эффективной коммуникации между членами, на «повседневном соприкосновении с другими» [7, с. 33]. Я. Ассман отмечает значимость культурной трансляции памяти посредством масс медиа, книг, музеев и фильмов.

Коллективная память в публичном пространстве

В настоящее время правозащитные организации посредством организации круглых столов, просмотров фильмов и сбором архивных данных способствуют реабилитации памяти о прошлом в публичном пространстве. В нашей стране правозащитные организации можно считать агентами поля политики культурной памяти. Их участниками формируется своя собственная идентичность, которая основывается на воспроизводстве и переживании коллективной культурной памяти. Посредством использования механизмов перформативного подхода осуществляется процесс коммуникации и распространения информации о культурной памяти среди населения страны. Во время данного процесса на протяжении многих лет шло формирование общего понимания идей, задач и манеры преподнесения информации последующим поколениям. Это явилось фундаментом к созданию и накоплению социального капитала многих общественных и правозащитных организаций. Публичное пространство выступает в качестве коммуникативной среды, «предназначение которой способствовать установлению широких и многомерных связей», которые являются социальным капиталом организаций [4, с. 126]. Ю. Хабермас представляет публичное пространство как «область социальной жизни, где могут обсуждаться дела, представляющие общий интерес, где различия во мнениях могут регулироваться рациональными аргументами, а не обращением к устоявшимся догмам и обычаям» [3]. В настоящее время в нашей стране деятельность правозащитных организаций как агентов поля осуществляется в рамках публичного пространства, при этом часто некоторые каналы СМИ остаются закрытыми, например, телевидение. Результаты многих конференций, круглых столов, семинаров и выставок, посвященных теме памяти, размещены в Internet источниках. На официальных сайтах можно познакомиться с реализуемыми проектами, их результатами и мониторингом тем, посвященных исторической памяти. Эти материалы «становятся предметом дискуссии, которая идет в обществе», что является полем действия публичного пространства [3].

Проект экскурсионной программы «Диссидентская Москва»

Авторским вкладом в развитие данной темы будет разработка и внедрение проекта экскурсионной программы «Диссидентская Москва» с использованием мемориальных досок по г.Москве. Проект будет нацелен на освещение основных вопросов исторических фактов, связанных с репрессиями в XX веке и на формирование активной гражданской позиции у молодого поколения. В разрабатываемом проекте экскурсионной программы было решено использовать мемориальные

доски, как один из важных объектов информации. Проблемный характер выбранной темы определяется тем, что многие важные мемориальные доски находятся в запущенном состоянии, что снижает возможности их использования в экскурсионных программах, размывает городскую культуру и идентичность.

Основная целевая аудитория, на которую рассчитана данная экскурсия: молодое поколение: школьники и студенты высших учебных заведений г. Москвы и Московской области. Направлена программа именно на этот сегмент населения, в виду развития информационного общества и потери интереса к традиционным способам проведения экскурсий, а так же в связи с тем, что данную целевую аудиторию сложнее всего заинтересовать и чем-то увлечь.

Основная целевая группа: школы и институты, находящиеся в центре г.Москвы.

Дополнительная целевая группа: школы, находящиеся в отдаленных районах города, которые будут арендовать автобус, чтобы добраться до места проведения экскурсионной программы.

Латентная целевая группа: туристы, которые приехали в город на 1-2 дня и спонтанно решили посетить экскурсию с детьми; путешествующие на теплоходе; люди, приехавшие к своим родственникам с детьми и т. д.

Объективные характеристики: школьники с 1-го по 11 классы, студенты ВУЗов с 1 по 5-й курсы. Пол и национальность не имеют значения. Место жительства – любой район города Москвы и Московской области. Уровень дохода средний.

Субъективные характеристики:

1. Молодые люди, делающие акцент на активный способ получения информации во время экскурсионной программы.

2. Основные коммуникационные каналы получения информации: Internet; пресса; реклама.

3. Социальная значимость проекта.

4. Воспитание патриотизма и любви к родному городу у молодого поколения.

5. Формирование полной картины исторических событий в памяти людей.

6. Изучение архитектурных памятников и мемориальных досок города.

7. Развитие навыков работы в команде.

8. Повышение статуса профессии экскурсовода среди школьников и студентов.

9. Повышение культурного уровня развития молодого поколения.

Использование мемориальных досок в процессе экскурсионной программы способствует лучшей ориентации в городе, обращению внимания на «малые архитектурные формы» и стремление к изучению истории города и страны в целом. Проект экскурсии нацелен на восстановление памяти о важных исторических событиях XX века и на пробуждение в обществе гражданской активности, особенно у молодого поколения.

В нашей стране правозащитные организации представляют собой институт гражданского общества, способствующий инклюзии политически репрессированных тем в пространство публичной дискуссии. На наш взгляд, важно способствовать реабилитации табуированных тем в сознании людей, полноценного конструирования коллективной памяти в городском пространстве и в публичном пространстве в целом. В связи с этим, авторская разработка проекта экскурсионной программы с использованием мемориальных досок, имеет значение не только в экскурсионных практиках, но и служит своеобразной историко-культурной памятью города, связывая прошлое и настоящее, помогает в формировании городской идентичности, в продвижении ценностей городской культуры. Мы живем в эпоху «торжества памяти». Память о прошлом необходима для социального взаимодействия, поскольку она, в качестве культурно-обработанного продукта, закладывается в представление о «должном» характере социального действия.

Библиографический список

1. Бурдые П. Формы капитала. Экономическая социология Том 3, № 5, ноябрь 2002 С. 66 [Электронный ресурс]. URL: http://ecsoc.hse.ru/data/670/586/1234/ecsoc_t3_n5.pdf#page=60 (Дата обращения: 26.11.2011).
2. Градосельская Г.В. Сетевые изменения в социологии: Учебное пособие / Под ред. Г. С. Батыгина. М.: Издательский дом Новый учебник, 2004.
3. Красин Ю.А. Розанова Ю.М. Публичная сфера и государственная публичная политика в современной России (круглый стол) С. 86 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/10-2000/Krasin.pdf>.
4. Мотрошилова Н.В. О лекциях Юргена Хабермаса в Москве и об основных понятиях его концепции // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1992 С. 126.
5. Мемориал сегодня. Миссия и цели «Мемориала» [Электронный ресурс]. URL: <http://www2.memo.ru/d/25.html>.
6. Рождественская Е.Ю., Семенова В.В. Социальная память как объект социологического изучения // ИНТЕР №6, 2011.

7. Трубина Е. Учась вспоминать: векторы исследований памяти // Власть времени: социальные границы памяти / Под. ред. В.Н. Ярской и Е.Р. Ярской – Смирновой. М.: ООО Вариант, ЦСПГИ, 2011.
8. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас №2-3/ 2005. С.-40-41 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (Дата обращения: 29.11.2011).
9. Хабермас Ю. Социальная трансформация публичной сферы. Реферативный перевод Т. Тягуновой. В печ.
10. Kirk S. History, Memory, and Monuments: An Overview of the Scholarly Literature on Commemoration, by Kirk Savage, University of Pittsburgh (web archive: June 2006) . An OAH Bibliographic essay on the National Park Service's Research & Education page. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nps.gov/history/history/resedu/savage.htm> (Дата обращения: 29.11.2011).

Денисов В. Г., Самара

Основа эксплицитности в социологии

Аннотация

В краткой статье рассматриваются вопросы структурности и динамичности становления теоретической социологии. Упомянуты несколько прикладных аспектов, где теоретические выкладки приносят наибольший эффект с эмпирическим материалом.

Ключевые слова: стратификация, социальный закон выживания, государство, дифференциация, стратегия, транспарентность, сегменты государственной пирамиды

Социология в данное историческое время, родившись на потребности общества познать мотивации и движения социальных явлений между людьми, обществами и государствами, находится в глубоком и продолжительном научном застое. Это же состояние наблюдается и у других социальных и гуманитарных дисциплин.

Многоаспектный сбор эмпирического материала в отсутствии теоретических основ не решает задач научно – верифицированного прогнозирования, как краткосрочных, так и стратегических, что отражается на планах динамичного государственного развития.

Одна из причин создавшегося положения скрывается в признанной многими форме стратификации государства. Какая стратификационная государственная пирамида сегодня доминирует в социологии? Это, предложенная Аристотелем (384–322 до н.э.) пирамида, разделенная на три не пропорциональные страты – бедных, богатых и середняков. Все крупные восстания и революции были направлены на изменение существующего вида государства и за отмену не равенства. Но общество постоянно возвращалось к этому состоянию, даже если при этом менялась элита государства. Над вопросом этого феномена трудились многие и многочисленные поколения представителей науки разных стран, основываясь на различные аспекты жизнедеятельности – экономику, политику, культуру, религию и различные комбинации перечисленного.

Результат практически нулевой, если не брать во внимание серьезные успехи в области естественных наук. Здесь достижения науки видны не вооруженным глазом. Это радует, если бы не отсутствие научного закона социального развития общества и государства. К сожалению, до сих пор

социологическая наука не имеет представление о законе эволюционного развития и о этапах становления общества и государства. Отсутствие научного закона пути развития приведет к естественному вымиранию от естественных дисциплин, не сдерживаемые никакими нормами и ограничениями со стороны социальных и гуманитарных наук. И этому никто и ничто не в силах воспрепятствовать. Социология должна быть координатором и контролером для естественных наук. Культурные, моральные, этические нормы и правила, никто ещё не отменял ни для каких дисциплин. Эти правила есть, но требуются социологические законы развития общества и государства для обоснования и утверждения их в научной жизни людей. Но вместо верифицированных законов социология предлагает мультипарадигмальные конструкции и мнения о сложности понятия социального. Это недопустимо в любом научном и здравомыслящем обществе. Общество, не зная своего будущего, постоянно сталкивается с аналогиями своего прошлого, неся огромные материальные, моральные и человеческие потери. Сохраняющийся в последнее время радикально - либеральный экономический курс, ориентированный на уход государства из экономики не способствует повышению перспектив стратегического развития.

Можно много и с различными подходами размышлять на любую общественную и государственную тему, выделяя то один то другой аспект, но они будут на грани фантазии в отсутствии верифицированной формы государства. В свою очередь форма государства зависит от теории развития государства, основы, которой с давних пор ожидаются.

В последнее время всё чаще ссылаются на недоразвитость гражданского общества в России. То один, то другой лидер демократического или протестного направления кивает на гражданское общество в странах Запада, в качестве примера к какому общественному состоянию необходимо стремиться. В тоже время в науке отсутствуют четкие представления на этот феномен. Гражданское общество идет параллельно политическому, но как разделить и совместить эти два понятия в одном государстве. Решение этого вопроса ждет своего часа.

Но эти и многие другие проблемы решаемы, если использовать иной вид дифференциации социально - стратификационной государственной пирамиды. Релевантный сдвиг в решении проблем социологии, нам дает теоретическая работа по исследованию законов развития общества и государства и верифицированное представление социально - стратификационной дифференциальной государственной пирамиды. На рисунке представлена эскизная форма государственной пирамиды (вид изнутри). Что предлагается? Не отказываясь от принципа стратификации в государстве все профессии дифференцировать по нескольким профессиональным сегментам государственной пирамиды. Пирамида представляет собой конструкцию из четырех больших сегментов - **«производственного»**, **«интеллектуального»**, **«управления»** и **«защиты и нападения»**. Каждый сегмент находится в строго определенном естественным развитием месте. Во всех сегментах сформировались, выработанные веками, особые стратификационные формы неравенства.

Теоретическая работа открывает границы трансцендентности и транспарентности возможностей социологии. Невозможно перечислить все достоинства. От объяснения дефиниции «социального», далее социологического закона выживания человека, до концепции закона развития общества и государства, с возможностью выделения периодов развития. Современные недостатки социологии переходят в ряд её достоинств. Работа показала, что многие социальные и гуманитарные дисциплины входят в социологию и являются неотъемлемой её частью. Аналогично физике, математике или химии, состоящих из множества направлений, социология состоит из множеств дисциплин.

Данная схема дифференциации государства открывает новые перспективные возможности социологии.

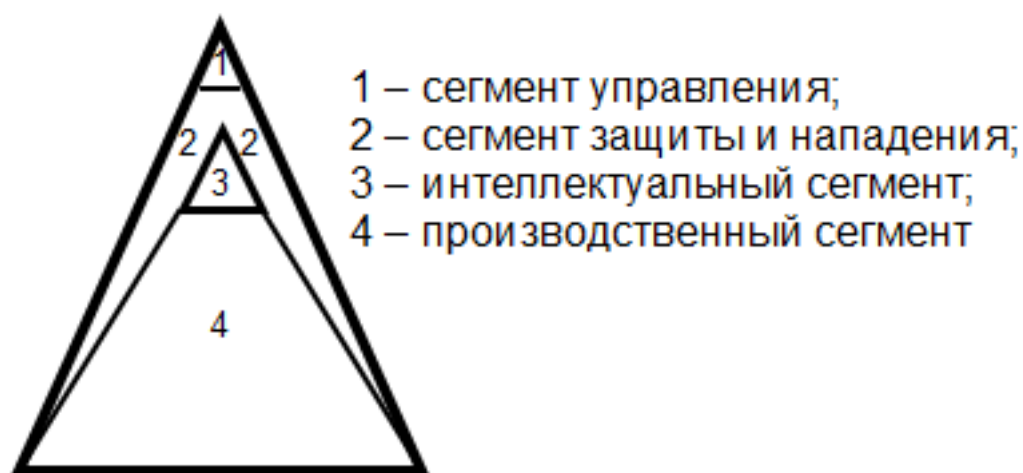

Рис. 1. Схема дифференциации государства

Обращаясь к современному состоянию России, невозможно не обнаружить, что стратегические планы формируются, основываясь на «среднюю температуру в больнице». Предлагаемая схема позволяет видеть все болевые точки (экономики, политики, власти, социальной политики, безопасности и т. д.) на любом уровне государства и на любой стадии развития.

В наш беспокойный исторический период времени очень важно быть впереди геополитических событий, используя закон развития государства, который един для всех на многие века. Теоретическая работа способствует раскрытию сути дефиниций демократии, плюрализма, либерализма и прочих аспектах, что никакие лозунги не имеют возможности закамouflировать истинную цель.

Жучкова М. А., Саратов

Профессиональная деятельность стоматолога в контексте социального государства

Аннотация

В статье рассматривается влияние государственного регулирования на сферу стоматологии. Освещается отношение пациентов к деятельности муниципальных стоматологических поликлиник, качества обслуживания клиентов. Эмпирическую базу исследования составили интерпретация интервью с зубными врачами бесплатных стоматологических поликлиник, а также анализ интернет форумов.

Ключевые слова: стоматолог, профессионализация, стоматологическая поликлиника, престиж, контроль, социальное государство

Организационные, экономические, правовые особенности работы учреждений здравоохранения подчиняются главному закону Российской Федерации №5487-1 от 22.07.1993г. «Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан». Он признает, что здоровье граждан — это неотъемлемое условие жизни общества, государство берет на себя ответственность за сохранение здоровья населения, а также качество оказываемых услуг в городских поликлиниках. Данный закон утверждает соблюдение прав граждан в отношении здоровья, доступности медицинской помощи, а также социальной защищенности со стороны государственных структур.

Система здравоохранения является одним из направлений деятельности государства, которая обеспечивает граждан правом на медицинское обслуживание. Большинство муниципальных стоматологических поликлиник оказывают своим клиентам ряд бесплатных услуг в рамках обязательного медицинского страхования. Однако возникают проблемы в области организации приема пациентов (предварительная запись на прием к врачу, проведение длительного времени пациентом в поликлинике в ожидании своей очереди), используемых материалов, а также отношении самих врачей к пациентам. В настоящее время стоматология переживает стремительное внедрение современных технологий и методик, что приводит к повышению качества предлагаемых услуг, а также их удорожанию. Значительная часть

пациентов прибегает к услугам государственных и муниципальных стоматологических учреждений, так как не в силах оплатить лечение за счет личных средств.

Фокус нашего внимания сосредоточен на изучении основных направлений сотрудничества стоматологии и государства, а также анализе результатов данного взаимодействия. Решение данной исследовательской проблемы предполагает поиск ответов на следующие вопросы. С какими трудностями сталкиваются зубные врачи в процессе своей профессиональной деятельности в муниципальных поликлиниках? Каким образом потенциальные потребители стоматологических услуг оценивают доступность и качество бесплатной медицины? Какие существуют неформальные классификации пациентов в типичных городских стоматологических поликлиниках?

В качестве источников анализа выступили интервью с зубными врачами муниципальных стоматологических поликлиник, а также отзывы на интернет-форумах, в которых потенциальные потребители услуг обмениваются своим опытом и мнением на тему бесплатного медицинского обслуживания в сфере стоматологии. Метод интервью позволит нам получить «глубокую и развернутую панораму субъективного мира опрашиваемых»¹. Синтез данных методов позволит нам рассмотреть исследовательскую проблему с противоположных позиций – потребителей услуг (пациентов) и врачей. Наше внимание обращено на деятельность муниципальной стоматологической поликлиники, финансирование которой происходит за счет средств государства, однако она имеет дополнительную лицензию на оказание платных медицинских услуг.

В стенах учреждения существует дифференциация по способу оплаты стоматологического лечения: на платное и бесплатное отделения. Данные отделения существуют подобно самостоятельным и независимым институтам, соприкасаясь друг с другом только в случае делегирования пациентов, проявляющие желание в той или иной стоматологической услуге. Виды пломбировочных материалов, современность специализированной аппаратуры, инструментов и другие составляющие комфорта пациентам разнятся в зависимости от вида страхования. В соответствии с законом РСФСР №1499-1 от 28.06.91г. «О медицинском страховании граждан РФ» страхование может осуществляться в двух видах – обязательном и добровольном. Обязательное медицинское страхование (ОМС) наделяет правом всех граждан страны одинаковыми возможностями в получении медицинских услуг, в том числе и стоматологических. Наличие дополнительного медицинского страхования дает право на более широкий спектр услуг (*«все дорогостоящие, импортного производства материалы»*), которые находятся в списках платного отделения.

Постановлением Правительства РФ от 13.01.1996г. №27 «Об утверждении правил предоставления платных медицинских услуг населению медицинскими учреждениями» регламентируются принципы и порядок предоставления дополнительных услуг, которые являются добавочными

¹ Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара: «Самарский университет», 1995. С.185.

к медицинской помощи по ОМС. Отличие платного отделения от бесплатного в поликлинике состоит в видах материалов, однако *«оборудование одно и то же, руки одни и те же»*¹. Таким образом, пациенты, имеющие дополнительную страховку, пользуются услугами платного отделения, однако компенсация лечения происходит со стороны страховой организации. В стенах одной стоматологической поликлиники производится перераспределение пациентов по виду страхования.

Пациенты стоматологического кабинета муниципальной поликлиники: повседневные классификации

Существует как формальная, так и неформальная классификация пациентов внутри стоматологической поликлиники. Формальная классификация клиентов утвердилась благодаря обязательному медицинскому страхованию. Как отмечает информант, обязательное медицинское страхование затрагивает такие категории людей, как *«детей, студентов, пенсионеров, беременных, участников войны, ветеранов труда, инвалидов, работающих, матерей, находящихся в декретном отпуске по уходу за ребенком до 3 лет, медработники»* [Интервью 3]. По результатам интервью были выделены такие типы пациенты, как *«первичный/повторный/постоянный»* [интервью 3], отличительной чертой которых является частота посещений. Врачи – стоматологи выделяют по ходу работы другую профессиональную классификацию своих клиентов: *«неудобные пациенты (»пациенты с острой болью, приходят прямо под конец рабочего дня»* [интервью 3]; *«приезжие пациенты (»те пациенты, которые приезжают из других городов летом или зимой»* [интервью 3]; *«залетные» (»пациенты, которые случайно зашли на осмотр»* [интервью 4]; *«пациенты по рекомендациям» (»город небольшой, поэтому все идет на лечение по знакомству, узнают о врачах друг по дружке»* [интервью 4]; *«всезнающие» (»хорошо осведомленные пациенты в стоматологии»* [интервью 5]; *«дотошные» (»пациенты, которые не сидят спокойно, постоянно крутятся как на иголках»* [интервью 5]. Пациентами государственной стоматологии являются различные категории населения, имеющие полис об обязательном медицинском страховании. Благодаря ему государство предоставляет возможность всем гражданам страны получать ряд бесплатных медицинских услуг, исключением не является и стоматология.

Социальное государство оказывает влияние на профессиональную деятельность стоматологов, так как государство регламентирует их трудовую деятельность за счет приказов по вопросам оказания медицинской помощи. Оно берет на себя ответственность за качество услуг предоставляемых гражданам, а также *«должно гарантировать обеспечение населения*

¹ Форум о бесплатной стоматологии / URL: http://forum.stom.ru/topic/6242-besplatnaja-stomatologija/page_st_20 (Дата обращения: 05.07.2012).

необходимым количеством врачей»¹. В государственных поликлиниках, пациенты, проходящие лечение по обязательному медицинскому страхованию, могут столкнуться с огромными очередями (потребитель услуг оставил следующий комментарий на интернет-портале «*в муниципалках очереди огромные, да еще и запись на несколько недель вперед*»). Лечащие врачи стараются выполнять свою работу по возможности быстро, но в связи с этим уровень качества может падать.

Лечение пациентов в государственных поликлиниках: анализ интернет-форумов

На интернет-форумах многие пользователи услуг делятся своим опытом прохождения лечения в бесплатных или платных стоматологических клиниках. Государственная стоматология характеризуется потенциальными клиентами следующим образом: государственный контроль за качеством услуг («*Государственная клиника надежнее, там хоть претензии принимаются*»); прием производится профессиональными врачами, у которых имеется государственное разрешение на деятельность «*я больше доверяю государственным, в частную пойду только по рекомендации - а то их столько развелось*», а также все врачи имеют диплом специалиста государственного образца. Е.Р.Ярская – Смирнова и П.В.Романов, говоря об интеграции современного государства и традиционных видах занятости, пришли к выводу, что профессии «получая от него (государства) поддержку и ресурсы, подкрепляется доверием и уважением со стороны общества в целом»². Муниципальная стоматология ассоциируется у клиентов с защищенностью, так как ее работа легитимна, поддерживается законодательно.

Многие пользователи интернет-сетей отмечают свой «опыт советской бесплатной медицины», который зачастую упоминается как неприятный. В связи с этим у многих клиентов развивается негативное отношение в отношении муниципальной стоматологии («*бесплатно только сыр в мышеловке*», «*Зубы у нас на всю жизнь*»³), выражая готовность к потреблению платной стоматологии. Наблюдается практика со стороны пациентов по совмещению и платной стоматологии, и муниципальных поликлиник. Она состоит в том, чтобы «*идти на «разведку» в городскую поликлинику, наблюдая за поведением врача, оборудованием, а затем сравнить услуги в платной клинике*»⁴.

¹ Сакс М., Олсон Дж. Социология профессий: государство, медицина и рынок в Великобритании. // Профессиональные группы интеллигенции / URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/18171705> (Дата обращения : 11.07.2012).

² Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Идеологии профессионализма и социальное государство // Антропология профессий, или Посторонним вход разрешен / Под. Ред. П.В.Романова, Е.Р.Ярской-Смирновой. М: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011.С.75.

³ Форум о бесплатной стоматологии / URL: http://forum.stom.ru/topic/6242-besplatnaja-stomatologija/page_st_20 (Дата обращения: 05.07.2012).

⁴ Там же.

Отношение к пациенту в поликлиниках значительно варьируется в зависимости от способа финансирования (*«за денежку хоть отношение как к человеку, врачи все расскажут, посоветуют»*). Деятельность зубных врачей в муниципальной поликлинике зачастую носит локальный характер, тогда как платная стоматология характеризуется индивидуальным подходом к каждому пациенту *«в платной клинике, по крайней мере, человеком себя чувствуешь»*, а также совместной работой врача и медицинской сестры (*«персонально с тобой работает доктор и медсестра»*), дороговизной услуг, *«зубы в частной клинике получаются золотые...»*. Как правило, в государственных поликлиниках периферийных городов отсутствует практика работы врача и медицинской сестры *«в четыре руки»*, бывает, что на одну медсестру приходится несколько зубных врачей. Данная ситуация приводит к тому, что врачу приходится совмещать несколько ролей одновременно.

Стоматологическая помощь в муниципальных учреждениях оказывается гражданам страны только при наличии полиса об обязательном медицинском страховании. При его предъявлении пациент может получить услуги зубных врачей. Доступность медицинских услуг включает в себя такие составляющие, как загруженность врача *«на прием к врачу нужно записываться иногда за несколько недель»*, *«когда срочно надо, то не попадешь»*, оснащенность оборудованием и материалами *«в бесплатной поликлинике пломбировочные материалы плохие, а за хорошие нужно доплачивать в кассу»*, иногда имеет место ожидание приема *«приходится в очереди сидеть по несколько часов, чтобы врач принял»*. Важным условием работы стоматолога, от которого зависит качество услуг, является материально-техническая база поликлиник, оснащение врачей материалами необходимыми для лечения.

Формальные и неформальные практики работы стоматологов

Особое место в бесплатной стоматологии занимают неформальные платежи. Неформальная оплата бесплатных стоматологических услуг считается существенным пробелом в социальной политике системы здравоохранения. Причинами данного явления, как пишет Е. Александрова, считается *«материальная зависимость врача, его ориентация на личную прибыль»*¹. Со стороны пациента, основным поводом послужило желание получать услуги в соответствии с их оплатой. Данные обстоятельства провоцируют нас рассматривать здоровье как *«предмет рыночной сделки в медицине»*². Понятие «здоровья» стало трансформироваться в условиях развития рынка стоматологических услуг. Факторами, влияющими на установление неформальных цен на услуги, становятся очередность визита к зубному врачу (*«я своим постоянным клиентам делаю скидки на лечение, потому что они*

¹ Александрова Е. Неформальные платежи в государственной стоматологии: откуда берется «цена»? // Социальная реальность. №11, 2006. С.38.

² Там же С.39.

у меня и лечатся по несколько лет, и рекомендует своим знакомым приходить ко мне» [Интервью 5]), способ попадания больного к тому или иному врачу («пациент по рекомендациям» уже косвенно осведомлен о цене от своих знакомых» [Интервью 4]), возраст пациента («пенсионеры, как правило, не ставят импортные пломбировочные материалы, очень дорогие, поэтому и за работу, если берет, то по-минимуму» [Интервью 5]). Таким образом, врач пытается найти баланс между своими субъективными интересами и интересами больных. Здоровье больных вплетается в канву повседневности стоматологов, становясь главным объектом их работы.

Профессия стоматолога обладает «точками наименьшего престижа», которая «всегда имеется тенденция сохранять фронтальную видимость, скрывающую под собой внутреннюю начинку вещей: фронтальную пелену названий, уклончивости, секретности»¹. В стоматологии имеются характерные сложности, одной из которых является ведение документации и амбулаторных карт («Жалко то потраченное на оформление бумаг время, когда это время можно было бы посвятить пациентам» [интервью 1]), другая - испытывать контроль со стороны вышестоящих по должности «кругом одни проверки: то заведующая обходы делает, то главврач, то какие-нибудь комиссию приезжают» [интервью 2]. Оснащение кабинетов зубных врачей муниципальных поликлиник производится только строго необходимыми лекарствами «раз в несколько лет нам выдают новые инструменты, но они такие устаревшие, что даже ими не хочется работать. В поликлинику заказывают все самое дешевое» [интервью 2]. Государство является главным источником финансирования поликлиник. В его власти находятся материальные ресурсы, которые оно направляет только на те стоматологические медикаменты и нужды, которые считаются базовыми, составляющими основу работы стоматологов.

Материальный ресурс стоматологов муниципальных поликлиник зависит от поставленного плана, по предполагаемому количеству приема пациентов, установленного руководством больницы. Установка определенного плана приема пациентов, выдвигаемая медицинским работникам, выступает своеобразной формой контроля над деятельностью персонала поликлиник со стороны руководства. В государственных поликлиниках предоставляется сотрудникам полный социальный пакет, в который входит оплачиваемый отпуск, четко регламентированный график работы, официальная заработная плата. Социальный пакет выступает в качестве предмета конструирования корпоративной культуры организации, создавая целевые установки перед своим персоналом. Благодаря данному факту муниципальная поликлиника становится привлекательным местом работы для стоматологов со стороны защищенности и дополнительных услуг.

Организации, финансируемые за счет государственных средств, имеют особый статус на рынке услуг. Они занимают отдельный удельный вес в системе здравоохранения, заручаясь поддержкой со стороны государства. В условиях внедрения новых методов и методик работы в сфере

¹ Хьюз Э.Ч. Работа и человеческое Я // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. 2003, № 4. С. 140.

стоматологии значительно возрастает необходимость повышения эффективности и качества работы специалистов за счет оснащения бюджетных стоматологических поликлиник. В настоящий момент развернулась «борьба за пациентов» между государственными и коммерческими стоматологическими поликлиниками, каждая из которых имеет свои достоинства. Именно пациент оценивает качество оказываемых ему услуг на рынке.

Профессиональная деятельность зубных врачей в условиях социального государства в России имеет характерные особенности, которые состоят в формировании факторов, способствующих укоренению или преграждению процессов, делая ее противоречивой. В качестве активаторов деятельности выступает статус специфического знания врачей, которое носит сакральный характер, развитая профессиональная субкультура, способствующая реагентом для создания каких-либо классификаций (типологизации пациентов) внутри группы, а также поддержка со стороны государства, обеспечивающее качественную помощь всем гражданам страны в рамках обязательного медицинского страхования. Преградами бесплатной медицины становятся недостаточная оснащенность качественными материалами и аппаратами, небольшой штат сотрудников в поликлинике, что приводит к созданию больших скоплений больных возле кабинетов врачей.

Описание полевых данных

- Интервью 1. Зубной врач высшей профессиональной категории. Муниципальная стоматологическая поликлиника среднего российского города. Женщина, 41 год, 2012 год.
- Интервью 2. Зубной врач высшей профессиональной категории. Муниципальная стоматологическая поликлиника среднего российского города. Женщина, 47 лет, 2012 год.
- Интервью 3. Зубной врач высшей профессиональной категории. Муниципальная стоматологическая поликлиника среднего российского города. Женщина, 43 года, 2012 год.
- Интервью 4. Зубной врач высшей профессиональной категории. Муниципальная стоматологическая поликлиника среднего российского города. Женщина, 41 год, 2012 год.
- Интервью 5. Зубной врач высшей профессиональной категории. Муниципальная стоматологическая поликлиника среднего российского города. Женщина, 49 лет, 2012 год.

Библиографический список

1. Александрова Е. Неформальные платежи в государственной стоматологии: откуда берется «цена»? // Социальная реальность. №11, 2006. С.38-55.
2. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Идеологии профессионализма и социальное государство // Антропология профессий, или Посторонним вход разрешен / Под. Ред. П.В.Романова, Е.Р.Ярской-Смирновой. М: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011. С.64-83.
3. Сакс М., Олсоп Дж. Социология профессий: государство, медицина и рынок в Великобритании./ Профессиональные группы интеллигенции / URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/18171705>.
4. Хьюз Э.Ч. Работа и человеческое Я // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. 2003, № 4. С. 138-151.
5. Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара: «Самарский университет», 1995.

Иконникова Н. К., Москва

Объективация и овеществление профессиональных и публичных практик: современные теоретические перспективы¹

Аннотация

В статье рассматриваются современные теоретические подходы к исследованию процессов объективации социальных практик, и формирование специализированной предметной среды как формы овеществления профессиональных и публичных практик. Акцент делается на критическом анализе различных вариантах критики модерна и акторно-сетевой теории.

Ключевые слова: объективация, вещи, предметная среда, символ, коммуникация

Основные тезисы доклада

Социальные практики неизбежно нуждаются в объективации, овеществлении, только так они формируют открытые действия и встроенные в них сообщения, доступные для восприятия и затем понимания, в т. ч. и исследователями. Тема объективации, материализации общества была одной из ключевых в ранних и классических социологических работах. Семиотический категориально-теоретический аппарат, все шире используемый в сегодняшних исследованиях, анализ знаковой среды (неотделимый от символического анализа) возвращают нас к изучению форм объективации. Вместе с тем социальные теории учитывают новый уровень средств — технологий — создания знаковой и в целом вещественной среды. Технология сама по себе становится одним из знаков, а не только нейтральным служебным средством. Эти проблемные точки и будут обсуждаться в докладе.

Для овеществления социальных действий и складывающихся в конце концов из них практик используются различные проводники (П. Сорокин [1: 193, 192; 2, 42]), что позволяет использовать коммуникативную перспективу

¹ В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Публичная сфера в современной России: аспекты социальной инклюзии, идентичности и мобилизации», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012 году, грант № 12-05-0012.

как один из подходов к их анализу. Коммуникация рассматривается нами как трансляция социальных идентичностей (Р. Мертон и П. Лазерсфельд [3, 146]) и установление границ и дистанций (воспроизводство социальных культур и неравенств – структурирование символического пространства) (П. Бергер и Т. Лукманн [4: 41, 43-44], П. Бурдьё [5: 73, 75], Ж. Бодрийар [6: 20-21, 26]). Коммуникация – сложный структурированный набор намеренных и испускаемых (И. Гоффман [7: 174-175, 177-178]) сообщений: различные адресаты воспринимают и понимают одни и те же сообщения по-разному. При этом носителем сообщений с точки зрения коммуникации становится любой функциональный фрагмент предметной среды (одна из ярких иллюстраций содержится в эссе Б. Латура [8], посвященной дверному доводчику, в котором и доводчик, и дверь также кодируют смыслы как и текст) (см. также Дж. Ло [9: 227, 229], Г. Киен [10, 18-19]).

Мы рассматриваем вещную среду как комплекс взаимосвязанных «вещей», т. е. материальных объектов, имеющих сложноинтегрированные свойства утилитарных (функционально полезных) предметов, товаров и благ, символически упорядоченных и составляющих условие социальных действий индивидов и сообществ. Вещная среда конструируется и осваивается разными субъектами, что позволяет выделить в ней основные социоструктурные пласты: а) фоновые повседневные практики; б) профессионализированные практики, выделенные особыми местами, временем, ситуациями исполнения. Фоновые практики основываются на выработке привычек, рутинных отношений к вещам, они по мере опривычивания (габитуализации) порождают неформальные нормы, служащие неявной грамматикой, упорядочивающей знаки повседневного поведения (как бы автоматически, на основе методов повседневного знания, по Г. Гарфинкелю [11]). Профессиональные практики институционализируются и тяготеют к формализации их знаковой системы, закрепляемой в положениях, законах, корпоративных и подобных актах, утвержденных проектах, брендовой политике, положениях о должностях, профессиональном статусе и знаках различия и проч.

Объекты, составляющие сегодняшнюю вещную среду, характеризуются как сложные – с точки зрения технологий и техники – продукты коллективной деятельности. Их сложность и высокотехнологичность рассматриваются как важные качества, дискурсивно обосновывающие их полезность и право на появление, распространение, замещение ранее имевшихся вещей. При этом технически сложные вещи (хотя, видимо, для каждого этапа развития культуры и техники можно вводить собственные критерии «сложности») могут быть уподоблены «троянскому коню»: внешняя «оболочка» из дизайна и демонстрируемых полезных свойств содержит значительный объем скрытой информации, касающейся ценностей, картины мира, норм, социальной организации. В этом скрытом контексте можно выделить несколько аспектов. Во-первых, внедрение новых объектов в вещную среду и формирование новой предметной среды приводят к трансформации культурных смыслов, нормативной иерархии, структурирования позиций индивидов, т. е. совокупности видимых изме-

нений. Во-вторых, распространяемые как следствие изменений вещей и среды технологии следует рассматривать как «черный ящик» неявных знаний и смыслов (подходит метафора «Троянского коня»). Любое устройство сублимирует не только явные знания, фиксируемые в инструкции для пользователя или технической схеме для «эксперта» по обслуживанию и ремонту, но и набор скрытых установок, ценностей, паттернов мышления и поведения.

Диффузия осуществляется не только в логике горизонтальных связей, но и вглубь социальной организации, т. е. меняются технологические основы бытия любых сообществ, присущий им характер ассоциации. Социальные связи, опосредованные новыми технологиями, создают новые социальные формы.

Любые материальные, в смысле вещные, компоненты социокультурных систем являются знаками уже сложившихся смыслов: социальных различий, неравенств, ценностей. Границы построены на латентном символическом различии, но стремятся быть явным образом маркированными. Коммуникация позволяет маскировать и демонстрировать социальные различия вторичной социальностью культуры, порождающей разные социальные культуры.

Диффузия вещей и техник влияет на культурные смыслы, символический капитал и нормативную иерархию в социальном пространстве, что приводит к изменениям социального структурирования позиций индивидов и групп и принципов организации социальной системы (ассоциации) в целом.

Библиографический список

1. Сорокин П.А. Структурная социология // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
2. Сорокин П.А. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
3. Lazarsfeld P.F., Merton R.K. Mass communication, popular taste and organized social action // Mills B., Barlow D.M. Reading Media Theory. Thinkers, approaches and contexts. 2d ed. Pearson Education Limited, 2012.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Academia-Центр» «МЕДИУМ», 1995.
5. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдьё П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.
6. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Библион-Русская книга, 2003.

7. Гофман Э. Психические симптомы и публичный порядок // Гофман Э. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу. М.: Смысл, 2009.
8. Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // Социология вещей. Сборник статей. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006.
9. Ло Дж. Объекты и пространства // Социология вещей. Сборник статей. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006.
10. Kien G. Global Technography. Ethnography in the age of Mobility NY: Peter Lang 2009.
11. Гарфинкель Г., Сакс Х. О формальных структурах практических действий // Социальные и гуманитарные науки. Серия 11. Социология. 2003. № 2. С. 94-136.

Кононенко Р. В., Москва

Профессионализация народных исполнителей: фольклор в публичном пространстве

Аннотация

Народные исполнители из сел и станиц, когда у них появляются контакты с фольклористами, обретают новую социальную роль, - роль «носителя фольклора». Внимание, которое они получают, заставляет их искать то, что привлекает его, - песни, костюм... Впоследствии некоторые народные исполнители, стремясь подчеркнуть уникальность – собственную или их коллектива, – выработывают свой образ, который становится чем-то вроде бренда. В данной статье мы наметим некоторые аспекты профессионализации народных исполнителей. Вначале мы обозначим основные определения профессии и профессионализации. Затем рассмотрим это явление на примере кейсов из наших экспедиций и интервью с экспертами. Мы будем здесь применять идеи нескольких подходов в социологии профессий, а также опираться на интервью с народными исполнителями и экспертами-фольклористами.

Ключевые слова: публичное пространство, профессионализация, фольклорное движение, традиция, народные исполнители, фольклор

Мы рассматриваем здесь «профессию» и «профессионализацию» как метафору, но видим, что здесь есть сходные черты с профессионализацией в мире специализированных занятий. Поэтому мы можем привлечь некоторые приемы антропологии и социологии профессий [10] и проверить, как они работают в данном случае. Профессия – специализированное занятие, закрепленное за определенной общественной группой [12], а в соответствии с атрибутивным подходом, или теорией черт социологии профессий [14], профессионализация – это приобретение формальных атрибутов специализированного и высокостатусного вида занятий, т. е. «профессии». Получение статуса фиксируется дипломами, сертификатами, которые символизируют признание в публичном пространстве, а поскольку в данном случае деятельность связана со сценическим исполнением, значит, еще и выступают атрибутами известности, славы.

Е.Р. Ярская-Смирнова и П.В. Романов, вслед за Джулией Эветтс выделяют два взгляда на идеологию профессионализма: «во-первых, как на нормативную ценностную систему, необходимую для сплоченности и стабильности, и, во-вторых, как на систему аргументов, направленных на оправдание власти и доминирования профессионалов» [13]. Нормативная ценностная система, в которую входит вид занятий «народный исполнитель», включает факторы значимости традиций для общества в целом или каких-либо сообществ, символической ценности исполнителей и произведений для тех или иных сегментов потребительского рынка, а также их рыночной стоимости.

В рассматриваемом нами случае важна не только профессионализация народных исполнителей как певцов, музыкантов, но еще и признание их как источников фольклора – приезжают ли к ним фольклористы и как думают информанты, зачем это надо, и что при этом чувствуют сами информанты. Иными словами, мы можем рассматривать их метафорически как «профессиональных народных исполнителей» и «профессиональных источников фольклора».

История профессионализации народных исполнителей

Пожалуй, главным примером профессионализации народных исполнителей в истории России является создание М.Е. Пятницким крестьянского хора в 1911 году. Талантливые крестьяне из разных областей страны были привезены в Москву и интегрированы в один коллектив, руководил которым профессионал-музыкант. Традиционное бытование пения было нивелировано новой обстановкой сцены и репетиций, а уникальные исполнительские особенности каждого музыканта утеряны на фоне разных манер и традиций исполнения. Пятницкий сам запевал все песни поставленным оперным голосом. В советское время хор им. Пятницкого, после того, как умерли первые участники из крестьян, стал профессиональным коллективом, исполняющим советские или популярные народные песни в специальной обработке и сценических костюмах. Сегодня этот хор считается «ведущим профессиональным коллективом народного музыкального искусства» [15].

Если понимать профессионализацию народных исполнителей как процесс специализации, т. е. выделения специализированных родов занятий, представители которых предоставляли услуги за деньги и передавали ученикам свои умения, – то это явление не новое. Широкую известность имеет факт существования переходных музыкантов, сказителей, зачастую слепых, исполнявших былины за деньги. Гармонисты, скрипачи и другие музыканты всегда пользовались хорошей репутацией в сельских сообществах. Информанты подчеркивают, что на свадьбах, вечерках и кулачных боях такие люди традиционно пользовались особым уважением, таким образом социальная роль музыканта была очень значима для человека и для общины. Но это была профессионализация «снизу».

Важный вклад в профессионализацию народных исполнителей «сверху» внесли фольклористы — собиратели словесного и музыкального народного творчества, этнографы, интересовавшиеся бытом и обрядностью народов, многие из которых выступали одновременно и первыми «продюсерами» артистов из народа. «В дореволюционные годы заметным направлением в науке о “живой старине” было изучение сказителя» [7]. Этот подход выражался как в методологии исследования, так и в принципах издания эпоса и сказок, которые были в то время главным объектом изучения фольклористики. Такой исследовательский взгляд породил своеобразное «присвоение авторства» фольклорным произведениям, которое, безусловно, нельзя понимать как характеристику научного осмысления фольклора, а можно назвать неосознанным порождением научного дискурса. Следующим шагом на этом пути стало издание сборников «произведений» одного сказителя [там же]. С династией сказителей Рябининых связаны и первые опыты организации того, что в 60-е гг. XX века было названо «этнографическими концертами»: в декабре 1871 г. Т.Г. Рябинин впервые выступил в Петербурге на заседании Отдела этнографии Российского географического общества и получил за выступление денежное вознаграждение.

Между тем, этот подход никогда не подразумевал, что сюжет и другие устойчивые элементы текста могли быть плодом индивидуального творчества; осознавалась традиционность и устойчивость исполняемых сказителями текстов, подчеркивалась роль конкретного носителя и его характера лишь в передаче сказок и былин и расцвечивании их подробностями. В советское время с его новыми установками и потребностями была взят курс на народных исполнителей как авторов произведений: «в 1930-е гг. отечественная наука, выполняя идеологический заказ государства, научится преодолевать неумение сказителей создавать “былины на новые темы”» [там же]. Методологией такой работы со сказителями было выявление наиболее способных создавать что-то вроде «сочинений на заданную тему» в традиционном стиле, дальнейшее постоянное общение с ними и культурно-политическое просвещение, совместное редактирование произведений, представление произведений перед публикой на концертах. Созданные таким образом произведения стали называть «новинами» — по аналогии с былинами, а некоторых их создателей со временем сделали членами Союза писателей, подкрепив их индивидуализированную творческую деятельность профессиональным статусом [6; 9]. Это один из примеров «изобретения традиций», по Э. Хобсбауму, «совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели — повторение. <...> Специфика «изобретенных» традиций заключается в том, что их связь с историческим прошлым по большей части фиктивная» [11]. Отметим, что ценностные установки, находящиеся в основе внимания к «народному», по своей сути здесь были разными: если в XIX — начале XX в. они развивались под влиянием идей

романтизма с его «открытием» фольклора, то в советское время народное стало использоваться и контролироваться, создаются дома культуры, клубы, народная культура начинает быть связана с государственными учреждениями, а начиная с 1960-х, вновь поднимается интерес к народной культуре – как реакция на засилье технократии и авторитаризма [16].

Сценический образ и репертуар как маркеры профессионализации

В понятие профессионализации можно включить накопление знаний и других символов, отличающих группу от других: особенный репертуар, специфические приемы пения или танца, внешняя атрибутика. Например, национальная одежда, которую носят как участники фольклорного движения, так и народные исполнители в деревнях. Зачастую у сельских жителей не сохраняются костюмные комплексы от родителей и прародителей. В этом случае, для сцены используются костюмы, сшитые на заказ, зачастую не соответствующие традиционной одежде, характерной для данного села, региона. Это костюмы унифицированные, яркие, в быту и на праздник не носимые, одним словом, сценические.

Сегодня фольклористы в своих экспедициях сталкиваются с тем, что народные исполнители не различают фольклорные песни и авторские. В этом случае зачастую в их репертуаре встречаются и эстрадные песни прошлых десятилетий. В принципе, аутентичная культура может поглотить любые инновации, переработать их и превратить в фольклор. Но в связи с этим можно выделить различные стратегии народных исполнителей в рамках профессионализации: как правило, положение «народных исполнителей», или «фольклорного ансамбля», например, при сельском ДК, обязывает исполнять, например, только «старые» песни. Или, например, в селе Самойловка Саратовской области и в соседних селах, которые являются местом проживания переселенцев из Украины, в случае приезда экспедиции, или какого-то официального концерта считается правильным петь только украинские песни. Решение об этом могут принять как руководитель коллектива – профессионал с образованием, – так и рядовые участники. Здесь играет роль национальный колорит и особенность локального национального состава.

Большую роль в этом играет формирование так называемой местной социокультурной идентичности: она включает традиционный «культурный ландшафт», созданное людьми культурное наследие, артефакты коллективной памяти, истории, фольклор, местные ремесла, искусство, традиционные события, а также более современные примеры культурного производства, местное чувство собственного достоинства (самооценка), культурное самосознание [1].

Противоположный пример влияния национальной составляющей на состав репертуара можно наблюдать в истории ансамбля «Бурановские бабушки»: широкую известность они получили, включив в свой репертуар

песни популярных российских исполнителей, спев их на удмуртском языке. Павел Поздеев был инициатором перепевов Бурановскими бабушками песен В. Цоя на удмуртском языке: «Я человек очень попсовый, и поп-культура на меня сильно повлияла. Как образец — группа «Иван Купала». Я крутил их песни на дискотеках, и в один момент я подумал — почему нельзя транслировать эти песни на удмуртском языке?» [8]. Поздеев говорит, что идеологически дошёл до понятия «wow-национализм», вслед за Пелевиным понимая его как эффект креативного подхода на рекламном рынке. В пространстве национально-культурных отношений он применил те же инструменты, что в рекламе товаров или услуг: «И это работает — проверено! Я называю себя «wow-националистом» в своей деятельности» [там же].

Мы наблюдали такое явление в экспедиции в деревне Самойловка, когда народные исполнители жаловались, что их побуждают петь определенные песни, которые никогда не бытовали у них в селе. Появление таких новых традиций становится частью коммерческих и даже политических проектов по созданию национальной идентичности.

Кроме локального национального принципа, встречается классификация репертуара в зависимости от контекста: праздники, приемы гостей, официальных делегаций. По данным интервью в с. Самойловка Саратовской обл. при постановке праздника Иван Купала в местном ДК репертуар ансамбля изменяется под жестким контролем руководства, специально разучиваются песни, традиционно не бытовавшие на территории села. Однако во время обычных посиделок у народных исполнителей остается возможность исполнять песни по желанию, будь то традиционные, или полюбившиеся им эстрадные.

С появлением и широким распространением городских фольклорных ансамблей, а также концертной и гастрольной деятельностью коллективов народных исполнителей, опыт концертной деятельности добавляет новые принципы формирования репертуара: «Ансамбль с. Нижняя Покровка, выступая в Москве вместе с другими коллективами и самостоятельно, стал петь песню «Порушка-Параня» в конце концертов. Постепенно, эта песня из спокойной превратилась в быструю и бравурную, и следующие экспедиции в Нижнюю Покровку записывали уже измененную песню» (из интервью с В.Н. Никитиной-Медведевой). Так действует принцип формирования репертуара «для сцены»: на окончание представление ставится эффектное произведение. Затем, постоянные концерты видоизменяют и саму песню, в 1980-х превратившуюся в настоящий шлягер молодежных городских фольклорных коллективов под влиянием ансамбля Дмитрия Покровского, который был еще одним важнейшим агентом продвижения фольклора на профессиональную сцену. Кроме того, эта же песня исполнялась в 1980е годы ансамблем «Русская песня» и ВИА «Ариэль».

Новые формы бытования традиционных песен в формате фольклорных ансамблей при сельских домах культуры (ДК) обусловили и появление новых структур передачи знания: из передачи из уст в уста вид передачи знания стал зачастую формален: в ансамблях — руководитель, иногда

с высшим образованием в области культуры, или музыкальным образованием, профессионал. В данном случае «знание» относится не к представлениям о жизни вообще, а именно о том, как петь («играть»), плясать, зачем и для кого.

Фольклористы как агенты профессионализации

Народный исполнитель, являясь носителем ценных знаний и умений, сам по себе становится символической ценностью, - этому способствует внимание к ним не столько фольклористов-собирателей, которые могут относиться к ним как источникам — «записал и забыл», — сколько энтузиастов, которые стремятся вывести исполнителей в свет, сделать их известными, приглашают их на концерты и фестивали, издают звукозаписи и снимают фильмы. Получается, что людей, которых знало «все село», могут узнать далеко за его пределами, и они попадают в поле культурной политики, в том числе и в субполе культуриндустрии, где их могут оценивать и в терминах рыночной стоимости.

Фольклористы порой ездят в деревни по несколько раз к одним и тем же информантам, потому что всю информацию от них невозможно получить за одну экспедицию. В результате этого формируются устойчивые связи «исследователь-информант», в ходе которого роль народного исполнителя прочно закрепляется за человеком. Про этих людей снимают фильмы, вывозят их на фестивали, на концерты в другие села, города, в Москву, иногда — за границу. Собиратели фольклора в деревне — не всегда профессионалы — этнографы, антропологи или фольклористы. Их деятельность обусловлена порой не научными целями, а стремлением к сохранению народной культуры, это могут быть участники фольклорного движения [16]. Несмотря на разнородность исследователей и собирателей фольклора, местными жителями они воспринимаются как профессионалы: у них присутствуют и необходимые атрибуты: тетради с записями, диктофоны, видеокамеры, фотоаппараты.

Фольклорное движение как таковое тоже повлияло на становление профессионализации народных исполнителей: многие участники движения разделяли идеологию «возврата к корням» и «оживления традиций». В рамках этого подхода, они стараются найти или создать в городской среде ситуации, благоприятные для исполнения и привлечения зрителей к участию в традиционных песнях и танцах [5]. Постепенно движение вовлекло сельских исполнителей в практики, которые в ряде случаев носят смешанный характер: с одной стороны, сельские жители (или станичники) могут быть «носителями» традиции, знающими ее с детства, а с другой стороны, по духу, целям и способам работы такие объединения следуют образцу городских коллективов, объединяясь в певческие ансамбли и собирая песенный материал в своем селе и соседних населенных пунктах [там же]. Однако этот вариант песенного коллектива пока мало распространен. Чаще всего встречаются коллективы при местном ДК, где есть руководитель, или

концертмейстер, зачастую, профессионал с музыкальным образованием, и участники-местные жители. В среде народных исполнителей как в селе, так и в городе, есть четкое разделение на профессионалов и непрофессионалов. И музыканты со специальным образованием пользуются большим уважением у рядовых граждан.

В экспедиции в Самойловский район Саратовской области мы столкнулись с ситуацией, когда группа сельских жителей стеснялась петь свои песни в присутствии ансамбля «профессионалов» из соседнего села. В Саратове существует давняя традиция, согласно которой каждую неделю в Детском парке или на Сенном Рынке собираются местные гармонисты и другие люди, как правило, пожилого возраста, играют и поют. Традиционный для города инструмент, - саратовская гармошка, - уже довольно редкий и сам по себе уникальный, есть уже у единиц и умеют на нем играть немногие. Однако в один из наших визитов на эту встречу, пожилой гармонист, при наличии саратовской гармошки, отказывался играть на ней в присутствии баяниста, так как тот считается в этой среде профессионалом и его инструмент считается более совершенным, а его творчество ставится на порядок выше игры на саратовской гармошке или гармони-хромке.

В глазах же (и под влиянием) некоторых фольклористов и представителей фольклорного движения, исполнители становятся правообладателями песен, которые от них записали. Один из примеров такого авторства является знаменитый среди фольклористов Ефим Тарасович Сапелкин, - житель села Афанасьевка Алексеевского р-на Белгородской обл. По словам В.Н. Никитиной-Медведевой, его знание традиционного пения, особая манера исполнения, привлекли фольклористов-собрателей к многочисленным экспедициям в это село. Кроме того, его, вместе с другими жителями села, возили в Москву и другие города, устраивали концерты с их участием. Ефим Тарасович создал свой стиль исполнения и манеры одеваться: к традиционной белгородской рубашке у него была уникальная жилетка с узорами, которая стала его фирменным брендом. Она не является обязательным атрибутом белгородского мужского костюма и не вписывается в общую локальную традицию, однако стала примером для многих участников фольклорного движения и их собственного национального костюма. Изначально песни атрибутировались для систематизации записанного материала. Однако автора песни, по словам В.Н. Никитиной-Медведевой, оставляют других исполнителей и соседние села в тени: *«Надо учитывать, что разные села в разной степени задействованы в этой активной культуре. Сапелкин – его все знают, и <...> ассоциируются песни персонально с ним»* (из интервью).

То, что мы наблюдаем на этом примере, - это, с одной стороны, профессионализация народных исполнителей и систематизация фольклорного материала для научных целей, а с другой стороны - приобретение фольклором нефольклорных черт. Подобные процессы, скорее, относятся к дефольклоризации, когда исполнителю присваивается авторство. Фольклор, по своей сути, анонимен [3]. Человека идентифицируют как «народного исполнителя» или «носителей культурных традиций».

Карьера, статус и конкуренция

Кроме профессионалов и фольклористов-любителей, следует упомянуть еще и таких агентов культурной политики и индустрии культуры, как директора и работники домов культуры (ДК), отделов и комитетов по культуре, а также всевозможные продюсеры, менеджеры некоммерческих и бизнес-проектов в сфере культуры. Процесс превращения крестьян в «народных исполнителей» происходит под влиянием этих агентов и сопровождается эстрадизацией, т. е. приобретением черт, характерных для самодеятельных и профессиональных артистов, выступающих со сцены.

Когда народные исполнители попадают в публичное пространство, в их практики и самоощущение приходит конкуренция, они попадают в поле действия рыночных законов. Песенная составляющая народной культуры и институт домов культуры заставляет народных исполнителей ставить себе высокую планку соответствовать уровню эстрадных коллективов: *«А мы поем, как и артисты разные. А чем мы не артисты?»* (Жительница с. Залесьянка Самойловского р-на Саратовской обл). Сельские коллективы ездят на конкурсы, фестивали, готовятся, репетируют, делают специальные наряды для шоу. «Бурановские бабушки» для «Евровидения» выучили песню на английском языке, а для шоу у них были аутентичные наряды. Сегодня репертуар народных исполнителей стал пересекаться с репертуаром эстрадных певцов.

Профессиональная деятельность фольклорных коллективов, состоящих из народных исполнителей, не ограничивается лишь репетициями и концертами в ДК. На кейсе села Самойловка мы рассмотрели явление борьбы за повышение статуса. Люди любой профессии стремятся завоевать престиж, признание, а также экономический и властный ресурс. Например, народных исполнители села Самойловка очень заботит «карьерный путь» их ансамбля.

Еще одна характеристика профессионализации народных исполнителей — в том, что певческая деятельность стала ассоциироваться с деньгами, оплатой за работу за исполнение:

«А они ведь нам ничего не платят. И вот были выбора как-то — никто не едет на выбора — нас, бабушек. И вот, значит, мы поехали по выборам, три участка... и по семь песен. И вот мы двадцать одну песню пропели. Вот мы пропели — переезжаем в другое... Вживую! Приезжаем в другое место, десять минут едем, опять поем, еще десять минут проехали, опять поем. А ездил за нами директор, он только пришел к нам, и он следил, думал, что здесь халтура какая-то. Потом приехал, говорит: «На тебе триста рублей, срочно купи торт девочкам и вино. Я не думал, что они на это способны!» А мы ж вживую поем, не просто так халтурим» (жительница с. Самойловка Саратовской обл.).

Оплата может заменяться другим вознаграждением: либо получением особого статуса «попасть в тройку» лучших исполнителей, либо признание со стороны начальства («купить девочкам торт и вино»).

Нередко проводятся фестивали местного и всероссийского значения, выезды в города на концерты и конкурсы. Причем, народные исполнители чувствуют статусность этих мероприятий, и для них эти поездки очень важны. Для наших респондентов из села Суморьево, Вознесенского района Нижегородской области, идеалом являются «Бурановские бабушки» — участницы Евровидения 2012 года:

«Мы часто ездим на фестивали разные. Но вот в Москве не были. Мечта — в Америку попасть.»

— Ты сначала в Москву попади! На Евровидение... с Бурановскими (смеются)» (Жительницы с. Суморьево, Вознесенского района Нижегородской области).

У поселковых клубов, у администраций сел и районов не всегда хватает денег на поездки в другие районы, в областные центры, коллективы народных исполнителей из бедных районов завидуют своим соседям, или более известным коллективам, которые прославились на конкурсах или фестивалях. Так, «Бурановские бабушки» вызывают у наших респондентов не только одобрение, но и чувство конкуренции:

«А чем мы хуже Бурановских?»

Уже б мы Бурановских бабок и обскакали, может быть!» (жители с. Самойловка Саратовской обл.).

Ансамбль «Бурановские бабушки», известный своим удачным выступлением на Евровидении в 2012 году, можно считать своеобразным апогеем профессионализации народных исполнителей в современном мире российского и мирового шоу-бизнеса.

Профессионализация народных исполнителей вытекает из их взаимодействия с фольклористами (профессионалами и любителями), властями. Местные, региональные, а подчас и федеральные власти в лице сельсоветов, комитетов по культуре, министерства культуры привлекают народных исполнителей (как солистов, так и в коллективах) к участию в различных смотрах, конкурсах, концертах. Здесь следует сказать и об интересе местных властей: такие конкурсы повышают авторитет сел, администраций. Кроме того, в некоторых случаях бизнес стремится извлечь выгоду и тем самым вносит вклад в индустрию народной культуры. Народная культура приобретает черты массовой культуры благодаря механизмам маркетинга. При этом она выполняет роль национального символа, а бизнес в сфере культуры делает этот символ «wow-фактором», стремясь удивить и заинтересовать массового зрителя в потреблении — в символических и экономических терминах. Попадая в публичное пространство, народные исполнители профессионализируются по законам, властвующим в поле культурной политики и индустрии культуры.

Библиографический список

1. Roca Z. Local Identity, Globalisation and Rural Development: Searching for Empirical Evidence. Conference «European Rural Policy at the Crossroads», University of Aberdeen, 2000 // URL: www.abdn.ac.uk/irr/arkleton/conf2000/papers/roca-z.doc.
2. Архипова А.С., Неклюдов С.Ю. Фольклор и власть в закрытом обществе // Новое литературное обозрение. 2010. №101. С.84-103.
3. Богатырев П. Г. Активно-коллективные, пассивно-коллективные, продуктивные и непродуктивные этнографические факты. // Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М.: 1971. С. 384-386.
4. «Бурановские Бабушки» на «Евровидении» - народный прогноз. ВЦИОМ – всерос центр изуч общ мнения пресс выпуск URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112785>.
5. Жуланова Н. Молодежное фольклорное движение // Самодеятельное художественное творчество в СССР. Очерки истории. Конец 1950-х – начало 1990-х годов. СПб., 1999. // URL: <http://www.ruplace.ru/kuljtura/molodezhnoe-foljklornoe-dvizhenie.-zhulanova-n.i-3.html>.
6. Иванова Т.Г. Сказитель и официальная политика в области фольклористики в 1930-е годы (о жанровой природе песенного советского эпоса) // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера (доклады III Международной научной конференции «Рябининские чтения-99»). Петрозаводск: 2000. С. 84-91.
7. Иванова Т.Г. История русской фольклористики XX века. 1900 – первая половина 1941 г. М.: Дмитрий Буланин, 2009.
8. Ижболдин К. Бурановские бабушки – «неоконченный сериал» URL: <http://www.myudm.ru/interview/izhboldin/pozdeev>.
9. Марковская 2010 – Марковская Е.В. Сказители Карелии и новые произведения эпического склада 1930-1950-х годов // “Калевала” в контексте региональной и мировой культуры. Материалы международной научной конференции, посвященной 160-летию полного издания “Калевалы”. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 221-226.
10. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Антропологические исследования профессий // Антропология профессий. Саратов: Научная книга, 2005. С. 13-49.
11. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. №1(8). С. 48.

12. Щепанская Т.Б. Сравнительная этнография профессий: повседневные практики и культурные коды (Россия, конец XX — начало XXI в.). СПб.: «Наука», 2010.
13. Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Идеологии профессионализма и социальное государство // Антропология профессий, или посторонним входразрешен / Под редакцией П. Романова, Е. Ярской-Смирновой (Библиотека Журнала исследований социальной политики). М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011. С. 64.
14. Мансуров В.А., Юрченко О.В. Перспективы профессионализации российских врачей в реформирующемся обществе // Социологические исследования. №1, 2005. С.66-77.
15. Путин учредил гранты для коллективов народного искусства РИА Новости 26.06.2012 // URL: <http://www.ria.ru/culture/20120626/685375732.html>.
16. Кононенко Р.В., Карпова Е.Ю. // Власть времени: социальные границы памяти / Под ред. В.Н. Ярской и Е.Р. Ярской-Смирновой, 2011. С. 157.

Кульчицкая Э. А., Москва

Протестное искусство как коммуникативное действие: анализ социальных отношений в сообществе художников-активистов¹

Аннотация

В данной статье представлены результаты качественного социологического исследования современного российского протестного искусства с точки зрения особенностей взаимодействия основных его акторов – художников-активистов и кураторов – между собой, а также с обществом и государством.

Ключевые слова: протестное искусство, художники-активисты, коммуникативное действие, социальный активизм, инклюзия, коллективное действие, социальные движения, сообщество, медиа-активизм, медиа-эффект, государство, культурная политика

С середины 2000-х гг. в России получили широкое распространение разнообразные театрализованные формы протеста – флешмобы, хэппенинги, перформансы. В крупных городах образуются арт-группы, являющиеся инициаторами такой деятельности. Их творческая и политическая активность часто стоит на грани нарушения норм и законов, из чего вытекает особое внимание и отношение к ним со стороны властей и общества. Аресты и уголовные преследования участников протестных арт-групп («Война», «Бабушка после похорон», «Pussy Riot»), эмиграция с целью скрыться от правоохранительных органов (А. Плущер-Сарно, О. Мавромати, Д. Тер-Оганян) – реальные последствия их деятельности, которые сегодня активно обсуждаются в публичной сфере.

Актуализация протестных движений, произошедшая в 2011-2012 году в связи с парламентскими и президентскими выборами, обосновывает важность изучения различных акторов этого процесса, в числе кото-

¹ В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Публичная сфера в современной России: аспекты социальной инклюзии, идентичности и мобилизации», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012 году, грант № 12-05-0012.

рых находятся художники-активисты — и как участники общегражданских акций протеста, и как организаторы собственных мероприятий такой направленности.

В данном исследовании протестное искусство рассматривается как продукт коллективной деятельности (на основе теорий Г. Беккера, Г. Кестера, Т. В. Рида и др.). В качестве метода эмпирического исследования использовалось полужформализованное глубинное интервью. Основной гипотезой выступает тезис о том, что современное российское протестное искусство ориентировано на взаимодействие именно в сообществе и фокусирует внимание на организованных проявлениях активности, поэтому становятся важными вопросы инклюзии, идентичности, координации действий, наличия определенной структуры и ресурсов, а также особенности интеракции художников-активистов и других участников сообщества.

В качестве каузальных условий, предпосылок возникновения протестного искусства, было выявлено наличие внешней мотивации художников-активистов в виде существующих социально-политических проблем (социальные, политические проблемы и проблемы региональной и городской политики) и внутренней мотивации в виде чувства социальной ответственности, которое может быть эгоистической (подразумевает стремление художника-активиста преобразовать окружающую действительность в первую очередь для личного комфорта) и альтруистической природы (исходит из собственно заботы об окружающих). Цели художественно-активистского сообщества можно представить в континууме от частных, прикладных (например, обустройство городского пространства), к целям психологического воздействия на зрителя и, наконец, к цели более глобальной и абстрактной — консолидации общества. Само сообщество находится на стадии формирования и имеет определенные проблемы — однообразие выставок протестного искусства, относительная закрытость к сотрудничеству с международными представителями (нет постоянного тесного контакта и взаимодействия, регулярных совместных проектов, выставок иностранного протестного искусства).

Художники, в отличие от политических активистов, в своем протесте не выдвигают прямых требований, используя скорее иронический косвенный намек на несправедливость, абсурдность существующей ситуации. Таким образом, первичной для художника является задача «открыть глаза» обществу на определенную проблему, изобразить ее, вывернуть наизнанку разрушительный смысл того или иного актуального явления, используя яркие художественные образы. В качестве таких художественных образов и форм чаще всего используются митинги и пикеты с элементами перформанса, а также музыкальные концерты, выставки, собственно перформансы.

Сегодня практически единогласно все придерживаются мнения о важности документации акций для ее дальнейшего распространения в масс-медиа. В этом заключается т. н. медиа-активизм: присутствие непосредственных наблюдателей отходит на второй план, главное — широкая аудитория, которая достигается именно путем трансляции в СМИ, блогах,

социальных сетях и т. д. Художники-активисты ориентируют свои действия на три социальные категории: власть, интеллигенция и широкие слои общества. Власть в данном случае выступает «мишенью», объектом критики. Общество — аудиторией, которая должна воспринять сигнал и осознать проблему и необходимость ее решения. А интеллигенция — как бы референтной группой, от которой ожидаются поддержка и солидарность.

Художники-активисты часто объединяются в творческие коллективы, которые формируются на основании общности социально-политических взглядов и личных симпатий в целях более эффективной и масштабной деятельности (благодаря возможности вести дискуссию, наличию в коллективе профессионалов из разных сфер деятельности — художники, фотографы, журналисты). Эмпирические данные демонстрируют, что арт-группы обладают размытой структурой, неформальными лидерами, иногда — сетевым принципом организации (если члены коллектива живут и работают в разных городах). Но такие группы отличаются высоким уровнем организации и мобилизации. В связи с оппозиционным, часто незаконным характером действий, необходима очень слаженная схема работы в группе, которая достигается путем разделения труда, закрепления ролей и функций. В критических ситуациях происходит активизация всех сил и ресурсов, объединение с другими художниками и коллективами для оказания поддержки людям, оказавшимся в тяжелом положении, или для проведения акции, посвященной определенной проблеме.

Одним из аргументов в пользу понимания протестного искусства как интересубъективного коммуникативного действия является описание информантами процесса подготовки к художественным акциям протеста, который занимает довольно длительный период времени, берущий начало от зарождения образа в сознании художника как реакции на какую-либо ситуацию. Затем идея подробно обсуждается в группе в рассмотрении ее со всех сторон, чтобы понять, насколько она интересна, актуальна, обдумываются все детали, все варианты, определяются участники акции и ее координаторы, только затем акция проводится.

Арт-группы по своему инклюзивному потенциалу различаются как открытые и закрытые, а именно: открытые группы доступны для новых участников, в отличие от закрытых, которые замкнуты на конкретных участниках и не предполагают включения новых. Открытые арт-группы в свою очередь тоже можно поделить на две модели. Первая — это когда есть некий «костяк» группы, куда входят постоянные активные участники, лидеры группы (два-пять человек), и в рамках каждой акции к ним присоединяются разные люди, заинтересованные в направленности проекта, получается такое «разовое сотрудничество». Безусловно, в итоге некоторые такие участники могут оставаться в группе, принимая участие и в последующих акциях и таким образом также оказываются в ядре коллектива. Вторая модель — это арт-группы с относительно постоянным составом, но которые в ходе своего развития могут по разным причинам лишаться старых участников и принимать новых.

Закрытые арт-группы имеют неизменный состав участников, подчеркивают, что их коллектив — это конкретные три (к примеру) человека. Было выявлено, что в некоторых закрытых коллективах (не во всех) есть особенности принятия решения, резко отличающие их от открытых коллективов. Эта особенность заключается в решающей роли мнения либо большинства, либо неформального лидера, то есть здесь, безусловно, остается пространство для дискуссии, но итоговое решение принимается не методом поиска консенсуса, а такой довольно жесткой процедурой.

Современное российское протестное искусство развивается в достаточно тяжелых условиях, среда оказывает ему свое сопротивление — как общество, так и государство. Повышенное внимание со стороны правоохранительных органов и других представителей власти постоянно воспроизводит репутацию художника-активиста как девианта — правонарушителя, хулигана, экстремиста, опасного элемента общества. И это серьезно отражается на их образе жизни в целом: они вынуждены всегда быть крайне осторожны — если они не приемлют «осторожности» в искусстве (отказ от провокационности, высказываний и призывов на грани экстремизма), то вынуждены находиться в тени, скрываться от властей (как это сейчас происходит с петербургскими представителями арт-группы «Война»).

Функционирование именно в публичных пространствах, часто в эпатажной манере, привлекает внимание общества, СМИ и властей. Широкое освещение в СМИ создает медиа-эффект, который порождает множество дискуссий в публичной сфере, формирование лагерей противников и сторонников. Когда общественная дискуссия достигает такого масштаба, предполагается, что власть не может не реагировать на это и должна каким-то образом работать над решением проблемы. Таким образом, общественный резонанс, медиа-эффект для художников-активистов являются главным инструментом оказания реального влияния на власть. Но в действительности мы, как правило, наблюдаем обратную реакцию властей, которые в ответ на деятельность художников-активистов предпринимают попытки ликвидации протестного искусства и его представителей — подвергая их уголовным преследованиям, препятствуя проведению выставок, акций и мероприятий, не оказывая финансовой поддержки проектам. На Западе же ситуация существенно отличается: там протестное искусство комфортно и легально существует в различных художественных институциях, в том числе государственных, художники-активисты получают гранты и стипендии. Культурную политику России можно охарактеризовать как харизматическую, консервативную — поддержка государства адресована отдельным направлениям и персоналиям, социально одобренным ценностям, в обход нетрадиционным видам искусства, особенно радикального, протестного характера.

Лазебная К. П., Москва

Интерпретация жизненного пути П. А. Сорокина в поле публичной активности и применение его теории символического в осмыслении механизмов построения социальной солидарности¹

Аннотация

В статье осуществляется интерпретация жизненного пути П. А. Сорокина в поле публичной активности, а также попытка переосмысления его подхода к роли символических и физических проводников социального взаимодействия в контексте анализа феномена родовой и расширенной социальной солидарности.

Ключевые слова: теория символического П. А. Сорокина, символический проводник, символ, социальная солидарность, публичная сфера

Питирим Сорокин в поле публичной активности: прошлое и настоящее

Питирим Сорокин является одним из немногих социологов - классиков, чья научная, общественная и личная деятельность имели столь тесные связи [8; 11]. Идеи Сорокина, изложенные в теоретических научных и публицистических работах, находили отражение не только в научной, но и в его гражданской деятельности. Публичная активность Сорокина всегда была связана с его желанием быть не только услышанным научным сообществом, но и полезным обществу в целом.

В период написания своих первых фундаментальных работ в области общей социологии в России (1914-1922) [21; 25] Сорокин принимает участие в революционных событиях, к которым не может оставаться равнодушным. Стремительное изменение социальных реалий, политические и экономические изменения, гражданская война, голод,

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Публичная сфера в современной России: аспекты социальной инклюзии, идентичности и мобилизации» программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012 году, грант № 15-05-0012.

смерть и массовые кровопролития провоцируют появление сорокинских статей, в которых острые темы «на злобу дня» излагаются им не только с социологической, но и с моральной точки зрения настоящего патриота своей отчизны. Среди тем, которые затрагивает Сорокин: критика и противостояние деятельности большевиков, национальные вопросы, революционные события и их последствия для российского народа и др. [См., напр.: 17; 28; 12 и др.].

Революционные события в России Сорокин переосмысливает на страницах своих последующих книг, посвященных социологии революции, а также влиянию голода, войн и социальных бедствий на общественный порядок и развитие личности [27; 29; 18; 36; 31].

Патриотический дух не оставляет Сорокина на протяжении всей его жизни, даже после успешной научной карьеры в США, куда он эмигрирует после избежания смертной казни и высылки из России в связи со своей активной деятельностью в качестве ярого противника режима большевиков. Он продолжает интересоваться происходящими событиями на родине и публикует ряд работ о США и СССР - двух мировых державах, оказавших значительное влияние на жизнь ученого и формирование его взглядов [40; 20].

В обеих странах его идеи находили отклик, как в научных, так и в общественных кругах. «Начало профессиональной социологии в России у истоков которой стоял Пителир Сорокин было непосредственно связано с образовательной практикой среди различных общественных групп. Социология в начале века в России привлекала внимание самых широких слоев населения. Отсутствие нынешней информационной среды приводило к тому, что лекции на социологические темы были такими же востребованными как театральные представления. Пителир Сорокин являлся регулярным участником публичных лекций в Вологде, собирая полные залы, защита его докторской диссертации в Петрограде была публичным событием, собравшим большое количество самой разной публики. Позднее, в эмиграции в Праге и Берлине лекции на социологические темы были чрезвычайно популярны и сопровождались объявлениями в периодической печати. Продолжая образовательную традицию Сорокиным наряду с другими учеными обществоведами были записаны магнитные пленки с лекциями об альтруизме, кризисе модернизма (на основе Социальной и культурной динамики) и другие. Запись была сделана компанией World Campus в Калифорнии и распространялась через сеть книжных магазинов» [7].

Вторым исторически событием, оказавшим значительное влияние на мировоззрение Сорокина и развитие направления его научных и публицистических работ стала Вторая Мировая Война. Помимо известных сорокинских книг того времени, отражающих состояние общемирового кризиса гуманизма и упадка чувственной культуры [См., напр.: 40; 41; 37; 36; 32 и др.], следует обратить внимание также на общественную деятельность семьи Сорокиных, которые вместе с видными общественными деятелями того времени (Э. Рузвельтом, А. Эйнштейном, Ч. Чаплином, С. Рахманиновым и другими) принимали активное участие в работе Фонда помощи воюющей России (Russia War Relief, Inc. USA) [5].

Следует еще раз подчеркнуть, что любая идея Сорокина, так или иначе, находила свое отражение в публикациях адресованных широкому кругу читателей. Его позиция в этом вопросе была обоснована уверенностью в том, что научное исследование должно найти свое практическое применение. Первым шагом к достижению данной цели является распространение научного знания в публичной сфере, для которой работы Сорокина всегда сохраняют свою актуальность. Например, следует отметить самые первые работы Сорокина 1913 года, изданные в серии Миниатюрная библиотека «Наука и жизнь». Они были написаны в публицистической форме и посвящены социальным аспектам самоубийства, преступности, роли символов в жизни общества, многожеству и многоженству [22; 23; 24; 19]. В дальнейших работах Сорокина (1922 – 1967) нашли отражение и оценку, например, такие социальные явления как сексуальная революция, кризис семьи, проблемы общества массового потребления и проч. [См., напр.: 33; 34; 41 и др.]

Последние десятилетия профессиональной деятельности Сорокина 60 – 70-е годы XX века были посвящены изучению возможности преобразования общества посредством морального, нравственного и духовного преобразования человека, как проводника-символа, способного к появлению бескорыстного альтруизма по отношению не только к людям своей семьи, города, нации, но к любому нуждающемуся в помощи и поддержки. Сорокин начинает глубокое изучение феномена социальной солидарности, альтруизма и, связанных с этими явлениями, ценностей Любви, Красоты и Добра. Он публикует ряд работ ставших классическими по социологии любви, социальной солидарности и альтруизму [42; 38; 43] и в 1949 году организует «Гарвардский исследовательский центр по изучению созидательного альтруизма» на базе одноименного университете, в котором в 30-х годах Сорокин создал социологический факультет.

На сегодняшний день его научная и, что в данном контексте следует особенно отметить, публичная деятельность продолжает находить последователей во всем мире¹, основная задача которых заключается в сохранении, передаче и распространении не теряющих актуальность знаний, содержащихся в книгах Сорокина. Таким образом, его наследие становится вкладом в развитие современного этапа социологической науки в области публичной сферы.

Глубокое переосмысление роли Сорокина в качестве публичного социолога, основанное на ключевых положениях публичной социологии Майкла Бурового, осуществляет на сегодняшний день Винсент Джеффрис [2; 3; 4]. В рамках организованной им секции в Американской

¹ Например, в конце 2011 года в Италии вышла книга социолога Валерио Мерло «Чудо человеческого альтруизма». В 2010 году Республику Коми посетил японец Кобе Митикуни Оно, почетный профессор университета Киото Татибана. В рамках проекта Японского общества продвижения науки он проводит исследование «Возможности культурной социологии: Питирим Сорокин». (См.: Valerio Merlo. Il miracolo dell'altruismo umano. La sociologia dell'amore di P. A. Sorokin. Roma: Armando Editore, 2011; Сорокина помнят в Японии (о визите в Республику Коми японского социолога) // Информационный портал «Питирим Сорокин». URL: <http://www.pitirimsorokin.org/component/content/article/1-2009-09-30-15-48-15/94-2010-09-15-08-51-38.html> (Дата обращения: 12.04.2012)).

Социологической Ассоциации (первое заседание секции состоялось в августе 2011 года) происходит «реинкарнация» и переосмысление многих идей Сорокина относительно значения общественной деятельности в области развития созидательного альтруизма и социальной солидарности. На страницах выпускаемого секцией информационного электронного издания [10] данные идеи Сорокина обсуждаются и подвергаются анализу.

В. Джеффрис, наряду с М. Буравым, Т. Николсом, Е. Тириакияном и сыном Сорокина – Сергеем Сорокиным является членом наблюдательного совета Фонда Питирима Сорокина, основанного в 2011 году в Винчестере (штат Массачусетс, США). Одними из приоритетных задач Фонда являются популяризация научного творчества Питирима Сорокина и помощь в проведении благотворительных, научных и образовательных мероприятий в рамках популяризации творчества Питирима Сорокина. Активную работу по выполнению данных задач ведет Павел Кротов, исполнительный директор Фонда. При его содействии за последние несколько лет вышли в свет следующие издания, иллюстрирующие активную деятельность Сорокина и его семьи в публичной сфере: «Питирим Сорокин: избранная переписка» и «От войны к миру: у истоков теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина» [9; 5].

Данные книги увидели свет также благодаря Центру имени Питирима Сорокина - «Наследие» (г. Сыктывкар, Республика Коми), созданному при поддержке правительства республики. Одной из приоритетных задач Центра в ближайшие годы является издание первого в мире полного собрания сочинений Сорокина, подготовкой которого последние десять лет занимается известный российский исследователь Вадим Сапов, автор статей о Сорокине, переводов и редакции многих его книг, изданных в России в течение последних двух десятилетий [13; 14; 15; 16].

Применение концепта символического в теоретическом осмыслении механизмов построения и поддержки социальной солидарности

Открытым остается один из главных вопросов о роли и значении идей Сорокина при рассмотрении различных социальных проблем, лежащих в основании дискурса о возможностях социологии в области публичной сферы. К одному из таких проблемных комплексов относится механизм создания и поддержки социальной солидарности.

Проблемы социальной солидарности, гражданской мобилизации и общественного самоопределения встают наиболее остро в периоды социальных катастроф: войн, голода, природных катаклизмов и т. д. Именно в этих условиях проявляются те человеческие качества, которые позволяют сохранять групповые единства, поддерживать национальную сплоченность не только благодаря инстинкту самосохранения и рациональному выбору. Эти качества выходят за пределы *ratio* и связаны с альтруистиче-

ской деятельностью, бескорыстной помощью, расширением границ родовой (племенной, семейной, национальной, этнической) солидарности. Социологическому осмыслению данного индивидуального и группового поведения Сорокин посвящает свои известные работы [43; 35; 42 и др.]. Как известно, он является одним из основоположников изучения феномена революции, голода, горячей и холодно войны, государственных внешнеполитических и межнациональных отношений, а также возможностям поддержания и сохранения мира [27; 28; 29; 12; 18; 20; 37; 32 и др.].

Исследование феномена солидарности в его работах пересекается с изучением, например, таких проблемных областей как механизм образования и поддержания коллективных единств в процессе взаимодействия индивидов и групп или сохранение целостности и интеграции социокультурных суперсистем. Рассмотрение этих вопросов связано, в первую очередь, с понятием «социальное взаимодействие» и его составляющими элементами – «акторами», «актами», «символическими и физическими проводниками». Предлагается рассмотреть подобных примеров с позиции теории символического Сорокина. Применение данного подхода объясняется возможностью освещения обозначенных вопросов посредством раскрытия значимой роли символических проводников в социальном взаимодействии. Понятие «символический проводник» или «символ» является центральным в настоящем подходе, задача которого связана с фиксацией основных идей Сорокина относительно роли и места символов в обществе, а также с функцией символического объединения в процессе поддержки социальной солидарности и культурного единства.

Одним из основных понятий в социологии Сорокина является понятие социального взаимодействия. Социальное взаимодействие определяется им как простейшее социальное явление, основными элементами которого являются акторы, акты и проводники социального взаимодействия. По мысли Сорокина, любое психическое и физическое взаимодействие между индивидами может быть осуществлено только посредством проводников, то есть любых средств, благодаря которым психическое переживание или мысль, исходящая от одних индивидов, передается и доходит до других [24; 21, с. 96 – 111; 25, с. 131]. Согласно Сорокину, любое физическое явление, предмет или человек могут стать проводником социального взаимодействия между индивидами. Проводники являются основой всякой человеческой культуры.

Проводники рассматриваются Сорокиным как обязательные участники социального взаимодействия, они являются элементами, обеспечивающими контакт индивидов. Наиболее значимой ролью проводников в социальном взаимодействии является объединение индивидов, поддержка коллективных и культурных единств, сохранение межпоколенных связей [24; 25, с. 299 - 328]. По мысли Сорокина, в основе формирования коллективного единства находится «связь многих индивидов с одним и тем же символом, связывающим их друг с другом» [25, с. 314]. Следует подчеркнуть, что характер данной связи будет зависеть от тех свойств и функций проводника, которые индивиды используют в процессе взаимодействия. Поэтому, основываясь на различии Сорокиным физических и симво-

лических проводников, возможно выделить их две основных функции, участвующие в формировании и поддержке социокультурных единств: функция физического и функция символического объединения.

Если в процессе взаимодействия индивиды используют только прямые физические свойства проводников¹, то такие проводники Сорокин называет «физическими проводниками» и связь будет носить лишь механический характер. Например, брошенный в кого-то камень, отправка почтового голубя или поездка по железной дороге. Если в процессе взаимодействия индивид стремится передать другому свое психическое состояние, переживание, мысль, то используемый им проводник будет называться «символическим проводником» (Сорокин также использует понятия «проводник-символ» или просто «символ»). Связь индивидов, опосредованная символами, носит характер ментальной связи. Символическими проводниками могут быть названы любые проводники: звуки, слова, жесты, материальные объекты, а также люди, при условии наделения их дополнительным символическим значением [25, с. 133-135].

Таким образом, *объединение индивидов и характер взаимодействий посредством физических проводников можно рассматривать только в связи с увеличением либо спадом интенсивности контактов между индивидами, обусловленной количеством и концентрацией проводников. Объединение индивидов посредством символических проводников отличается более тесными эмоциональными и ментальными связями. Подобное объединение характерно для условий социальной солидарности, единства социокультурной системы. Солидарность или солидаристическое взаимодействие понимается Сорокиным как «взаимодействие где одна сторона стремится побудить другую на такие акты, которые стремится совершить и другая сторона»; по характеру солидаризирующихся групп можно различать солидарность семейную, сословную, государственную и т. д. [25, с. 214]. Следует отметить, что солидарность, как свойство группового единства, по мысли Сорокина, может быть различной. Различия в свойствах солидарностей разных групп основаны на особенностях тех символических проводников, то есть системы ценностей, материальных символов, которые объективируют данные единства, и особенностях группового поведения при реализации биологических инстинктов, и потребностей (инстинкт самосохранения, дух соперничества и т. д.) [44, с. 467]. Кратко отметим, что Сорокин различает родовую солидарность, другими словами солидарность, ограниченную только внутригрупповыми потребностями (внутригрупповой альтруизм), связанными с системой ценностей чувственной культуры, и расширенную родовую солидарность, для которой характерно альтруистическое поведение по отношению к другим группам и ориентация на идеалистическую систему ценностей [44, с. 467 - 468].*

Согласно Сорокину, *point fixe ограниченной родовой солидарности или, другим словами, эгоистичной внутригрупповой солидарности является рост группового благосостояния и укрепление уровня фетишизации родовых сим-*

¹ О критическом описании физических проводников и их классификации см. Зюзев Н.Ф. *Философия Питирима Сорокина / Николай Зюзев. – Сыктывкар: Экском, 2004.*

волов, зачастую посредством вражды с другими социальными объединениями [44, с. 468 - 469], будь то «холодная» или «горячая» война между странами, социальная напряженность между богатыми и бедными, привилегированными слоями населения и аутсайдерами, управляющими и управляемыми. Одной из движущих сил поддержки единства обществ с доминирующим типом ограниченной родовой солидарности является соперничество, борьба за обладание материальными символами власти и успеха, которые признаются позитивно значимыми в системе сенситивных ценностей данных обществ. Людями – символами ограниченной родовой солидарности являются, например, политические лидеры, обманывающие своих оппонентов, военные герои, имеющие награды за убийство своих врагов или ученые, изобретающие средства уничтожения [44, с. 472].

На мой взгляд, *наиболее значимым отличием при сравнении ограниченной и расширенной родовой солидарности является разница в длительности участия их проводников в межпоколенном взаимодействии.* Например, Сорокин сравнивает ограниченную продолжительность существования объединений с эгоистической родовой солидарностью (государства, политические партии, экономические корпорации, королевская аристократия и богатейшие семьи и т. д.) с сообществами, существующими тысячелетиями и основанными на расширенной альтруистической солидарности (Буддизм, Иудаизм, Конфуцианство, Христианство и т. д.). Одной из основных причина длительного сохранения расширенной солидарности, по мысли Сорокина, является ее ориентацию на более укорененные в человеческом сознании стремления к любви, гармонии, взаимопомощи, Богу или другим высшим моральным силам [44, с. 456]. Длительное сохранение в межпоколенном взаимодействии символических проводников идеациональной культуры, доминирующих в расширенной альтруистической солидарности свидетельствует об их более глубоком укоренении в общечеловеческой памяти. Другими словами, возвращаясь к теории символического, это иллюстрирует *более высокий уровень фетишизации данных символов, то есть более тесные связи между материей и дополнительными символическими значениями, которые не теряют своей значимости и поддерживаются в процессе взаимодействия поколений.*

Данное заключение, на мой взгляд, возможно рассматривать как дополнительное основание для предположения Сорокина о необходимости расширения родовой солидарности, увеличения неэгоистического альтруизма, бескорыстной помощи и установления общечеловеческой «сети любви» («network of love») [44, с. 464], преодолевающей национальные, государственные, расовые, возрастные и культурные различия между людьми. Основная идея в определении неэгоистического альтруизма и бескорыстной любви и взаимопомощи заключается как раз в обязательном расширении солидарности, преодолении группового эгоизма, в принесении пользы другим [44, с. 463; 2, с. 68 - 69], что может поддерживаться не только соответствующим индивидуальным и групповым поведением на микро-, мезо- и макроуровне межгосударственного взаимодействия (глобальный альтруизм) [46; 409 - 427], но и усилением внимания к свойствам

символических проводников, которые могут быть использованы при поддержке расширения групповой солидарности. Таково краткое описание возможностей теории символического Сорокина как одной из областей его социологического наследия, содержащего значимые концептуальные ресурсы для выработки подходов к решению актуальных проблем, стоящих перед социологией публичной сферы.

Библиографический список

1. Valerio Merlo. Il miracolo dell'altruismo umano. La sociologia dell'amore di P. A. Sorokin. Roma: Armando Editore, 2011.
2. Jeffries V., Johnston B.V., Nichols L.T., Oliner S.P., Tiryakian E., Weinstein J. Altruism and Social Solidarity: Envisioning a Field of Specialization. *American Sociologist*, Fall 2006, Vol. 37 Issue 3.
3. Jeffries V., Pitirim A. Sorokin's integralism and public sociology. *American Sociologist*. 36.3-4 (Fall-Winter 2005), pp. 66-87.
4. Jeffries V., The Scientific System of Public Sociology: The Exemplar of Pitirim A. Sorokin's Social Thought // *Handbook of Public Sociology* / edited by Jeffries V. - Rowman & Littlefield Publishers, 2009. pp. 107-120.
5. Кротов П.П., Долгов А.Ю. От войны к миру: у истоков теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина. Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина. - Сыктывкар; Вологда: Древности Севера, 2011.
6. О критическом описании физических проводников и их классификации см. Зюзев Н.Ф. *Философия Питирима Сорокина* / Николай Зюзев. - Сыктывкар: Экском, 2004.
7. *Общественная социология* // ПИТИРiМ [Электронный ресурс] URL: <http://www.pitirim.org/index.php/theories-pitirim-sorokin/public-sociology> (Дата обращения: 9.04.12).
8. Lawrence T. Nichols. Science, politics and moral activism: Sorokin's integralism reconsidered. // *Return of Pitirim Sorokin*. International Kondratieff foundation. - M., 2001. - P. 217-237.
9. *Питирим Сорокин: избранная переписка* / Под ред. П. П. Кротова. - Вологда: Древности Севера, 2009.
10. NEWSLETTER OF THE ALTRUISM & SOCIAL SOLIDARITY. SECTION-IN-FORMATION OF THE AMERICAN SOCIOLOGICAL ASSOCIATION. 2009: Volume 1, 2010: Volume 2, 2011: Volume 2, 3. URL: <http://www.csun.edu/~hbsoc126/> (Дата обращения: 12.04.2012).
11. Ponomareva I. Pitirim A Sorokin: The interconnection between his life and scientific work // *International Sociology*. November 2011. Vol. 26, № 6. Pp. 878-904.

12. Причины войны и пути к миру // Прив.-доц. Питирим Сорокин. Петроград: Н.Н. Карбасников, 1917.
13. Сапов В.В. «Зырянский заповедник» // Социологические исследования. 1991. № 8. С. 118-120.
14. Сапов В.В. «Магический кристалл» социологии // Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Питирим Александрович Сорокин; пер. с англ., вст. статья и комментарии В.В.Сапова. - М.: Астрель, 2006. С.3 - 18.
15. Сапов В.В. В начале «длинного пути» // Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / вст. статья и комментарии В.В.Сапова. - М.: Астрель, 2006. С. 3-38.
16. Сапов В.В. Питирим Сорокин: моментальный снимок на фоне России и Америки // Социологические исследования. 1996. № 2. С. 140-143.
17. Сорокин П. Заметки социолога. Социологическая публицистика. - СПб.: Алетейя, 2000.
18. Сорокин П.А. Забытый фактор войны // Социологические исследования. 1999. № 11. С. 3-12.
19. Сорокин П.А. Брак в старину: Многомужество и многоженство. Рига: Наука и жизнь, 1913. 11. - (Миниатюрная библиотека «Наука и жизнь»; № 26).
20. Сорокин П.А. Общие черты и различия между Россией и США // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 133-145.
21. Сорокин П.А. Общие черты и различия между Россией и США // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 133-145.
22. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / П.А. Сорокин; с англ., вст. статья и комментарии В.В. Сапова. - М.: Астрель, 2006.
23. Сорокин П.А. Преступность и ее причины. Рига: Наука и жизнь, 1913. 11. - (Миниатюрная библиотека «Наука и жизнь»; № 22).
24. Сорокин П.А. Самоубийство как общественное явление. Рига: Наука и жизнь, 1913. 11. - (Миниатюрная библиотека «Наука и жизнь»; № 9).
25. Сорокин П.А. Символы в общественной жизни. Рига: Наука и жизнь, 1913. 11. - (Миниатюрная библиотека «Наука и жизнь»; № 32).
26. Сорокин П.А. Система социологии / П.А. Сорокин; вст. статья и комментарии В.В.Сапова. - М.: Астрель, 2008.
27. Сорокин П.А. Социальная мобильность / Пер. с англ.М.В. Соколовой. Под общей ред. В.В. Сапова. - М.: Academia; LVS, 2005.
28. Сорокин П.А. Социология революции. М.: Астрель, 2008.

29. Сорокин П.А. Условия и перспективы мира без войны // Социологические исследования. 1999. № 5. С. 3-11.
30. Сорокин П.А. Человек и общество в бедствии // Арт. - Сыктывкар, 1999. - N 3. - С. 5-26.
31. Sorokin P. *CRISES OF OUR AGE*. New York: Dutton, 1941.
32. Sorokin P. *HUNGER AS A FACTOR IN HUMAN AFFAIRS*. Gainesville: University of Florida Press, 1975.
33. Sorokin P. *S.O.S.: THE MEANING OF OUR CRISIS*. Boston: Beacon Press, 1951.
34. Sorokin P. *THE AMERICAN SEX REVOLUTION*. An Extending horizons book. Boston: P. Sargent, 1956.
35. Sorokin P. *THE BASIC TRENDS OF OUR TIMES*. New Haven: College & University Press, 1964.
36. Sorokin P.A. *EXPLORATION IN ALTRUISTIC LOVE AND BEHAVIOR; A SYPOSIUM*. Publications of the Harvard Research Center in Altruistic Integration and Creativity. Boston: Beacon Press, 1950.
37. Sorokin P.A. *MAN AND SOCIETY IN CALAMITY; THE EFFECTS OF WAR, REVOLUTION, FAMIN, PESTILENCE UPON HUMAN MIND, BEHAVIOR, SOCIAL ORGANIZATION AND CULTURAL LIFE*. New York: Dutton, 1946.
38. Sorokin P.A. *CRISES OF OUR AGE*. New York: Dutton, 1941.
39. Sorokin P.A. *POWER AND MORALITY; WHO SHALL GUARD THE GUARDIANS?* With Walter A. Lunden. An Extending horizons book. Boston: P. Sargent, 1959.
40. Sorokin P.A. *RUSSIA AND THE UNITED STATES*. New York: Dutton, 1944.
41. Sorokin P.A. *SOCIAL AND CULTURAL DYNAMICS*. Vol. 4. New York: Bedminster Press, 1941.
42. Sorokin P.A. *SOCIAL AND CULTURAL DYNAMICS*. New York: Bedminster Press, 1962.
43. Sorokin P.A. *THE RECONSTRUCTION OF HUMANITY*. 1st ed. Bhavan's book university, 54. Bombay: Bharatiya Vidya Bhavan, 1958. (Fist published Boston: Beacon Press, 1948).
44. Sorokin P.A. *THE WAYS AND POWER OF LOVE*. 1st Gateway ed. Chicago: H. Regnery, 1967.
45. Sorokin P.A. *The ways and power of Love. The Types, Factors, and Techniques of Moral Transformation*. - Templeton Foundation Press, 2002.

46. Сорокина помнят в Японии (о визите в Республику Коми японского социолога) // Информационный портал «Питирим Сорокин». URL: <http://www.pitirimsorokin.org/component/content/article/1-2009-09-30-15-48-15/94-2010-09-15-08-51-38.html> (Дата обращения: 12.04.2012).
47. Tiryakian, Edward Global Altruism: Some Considerations // Handbook of Public Sociology / edited by Jeffries V. - Rowman & Littlefield Publishers, 2009. pp. 409 - 427.

Маркина В. М., Москва

«Театр Простодушных»: потенциал социальной инклюзии и дестигматизации людей с синдромом Дауна¹

Аннотация

Статья посвящена оценке потенциала социальной инклюзии и дестигматизации людей с синдромом Дауна в публичной сфере. Исследование основывается на анализе материалов кейс-стади: методов наблюдения, интервью, проведенного с актерами «Театра Простодушных», их родственниками, режиссером театра и зрителями.

Ключевые слова: социальная инклюзия, дестигматизация идентичности, Даун-синдром, ментальная инвалидность, публичная сфера, мобилизованное сообщество

«Театр Простодушных» – «территория иных возможностей»: описание кейса

«Театр Простодушных» был основан в Москве по инициативе родителей и режиссера Игоря Неупокоева в 1999 году: именно тогда актерами с синдромом Дауна был сыгран первый, и как все думали, единственный спектакль «Дюймовочка». Название у театра людей с синдромом Дауна, тоже появилось не сразу, лишь спустя несколько лет оно вышло из-под пера журналиста, оставшегося неизвестным для сообщества. Впоследствии,

¹ В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Публичная сфера в современной России: аспекты социальной инклюзии, идентичности и мобилизации», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012 году, грант № 12-05-0012.

Всего было собрано 9 интервью: глубокие интервью с родителями, полуструктурированные интервью с режиссером и зрителями театра и свободные интервью с актерами театра. В общую исследовательскую схему также включен анализ вторичных документов официального сайта, журналистских интервью с режиссером, фотографий, новостных видеорепортажей и документальных фильмов о театре.

известность «Театра Простодушных» и отдельных актеров стала расти, театр получил признание и награды на российских и европейских фестивалях¹, а актеров стали приглашать сниматься в кино и теле- и радио-сериалах.

На официальном сайте «Театра Простодушных» проект позиционируется как «социо-культурный феномен, творческая мастерская, некоммерческий драматический театр» [2]. При этом упор делается именно на благотворительный характер театра, на возможности творческой реабилитации, инклюзии и социальной рекламы людей с синдромом Дауна как особых артистов. Это достигается с помощью творческих занятий по актерскому мастерству, сценической речи и движению, а главное в процессе самого выступления, когда артисты с инвалидностью вступают в символический диалог с широкой публикой.

Для режиссера «Театра Простодушных» реабилитация людей с Даун-синдромом скорее побочный продукт, дополнительный эффект, сопровождающий занятия в театре. Как он говорит в интервью — *«у меня нет терапевтической цели! Я свободный художник»*. Именно поэтому, по его мнению, играть на сцене должны те, кто лучше подготовился, качественно выучил слова и внятнее их проговаривает. Хотя есть в коллективе и актеры «внеконкуренции», признанные «звезды». Например, Сергей Макаров, который помимо того, что играет главные роли в спектаклях «Театра Простодушных» неоднократно снимался в художественных фильмах, включен международной организацией «CUVICUS» в число 11 самых знаменитых людей с ограниченными возможностями, наряду с Уолтом Диснеем, Эрнесто Че Гевара и Антонио Грамши [5].

Режиссер считает, что «актеров» в привычном понимании этого слова нет в театре, игру людей с синдромом Дауна можно описать как собственную манеру исполнения, особый актерский стиль. Он относит постановки «Театра Простодушных» к искусству Арт Брют (от французского art brut - грубое, неограниченное искусство) - «творчество в наиболее чистом его проявлении, «свободное» от влияний культуры: спонтанный психический выплеск из глубины сознания» [2]. Данный посыл улавливает и постоянный зритель театра:

«У них все идет по-честному, по-искреннему, хоть ты называй это профессионализмом, мастерством. Это что-то другое, не самодеятельность, не профессиональный театр, это что-то странное посерединке между театром и самодеятельностью» (м. 27 лет, зритель-«старичок», 2012, Москва).

¹ Признан трижды Лауреатом всероссийского фестиваля «Про-театр», версальского европейского фестиваля «Орфей», международного фестиваля особых театров в Санкт-Петербурге «Балтийский Дом», I московского фестиваля творчества «Нить Ариадны», награжден премией «Акция по поддержке российских театральных инициатив» совета Президента РФ по культуре и искусству, специальным призом «Хрустальный росток» («За подвижничество в искусстве») высшей театральной премии Москвы «Хрустальная Турандот».

Что касается аудитории, на которую рассчитан театр, то главный зритель, по словам режиссера это самый обычный человек, рядовой гражданин:

«Для меня принципиально важно здесь, чтобы это был обычный зритель, просто люди, грубо говоря, с улицы. [...] Мне хотелось, чтобы это была встреча с широкой публикой» [1] (режиссер «Театра Простодушных»).

В своем искусстве «Театр Простодушных» противопоставляет все банальное и обывательское – странному, и таким образом, происходит смена дискурса. С помощью искусства люди синдромом Дауна из континуума норма - патология, помещаются в пространство оппозиций странный – обывательский, особый – банальный. Маргинальное искусство начинает пониматься как неведомое, непошрое, истинное искусство. Таким образом, дестигматизация происходит с помощью «о-странения», принятия «квир» идентичности, подчеркивания своей инаковости, странности, непохожести:

«Сама идея театра, как искусства иных возможностей - связывает эти понятия в единый узел, где «странное» означает «настоящее», «истинное», а качество спектакля определяется по актуальности странного в нем» [2].

И все же, как репрезентируются актеры «Театра Простодушных» в СМИ, как «маргинальные исполнители» или «профессиональные актеры»? Можно ли назвать «Театр Простодушных» - искусством, учитывая его претензии на диалог с широкой публикой или назвать его театром, при его апелляции к открытости, массовости, а не к элитарности? Каковы особенности, роль и функции театра для сообщества людей с синдромом Дауна? Изучение театра как публичной площадки позволяет оценить возможности и ограничения социальной инклюзии людей с синдромом Дауна, традиционно вытесненных на периферию публичной сферы в России.

Сообщество «Простодушных»: анализ мобилизованности участников театра

В сообщество «Театра Простодушных» входят люди с Даун-синдромом, их родители, опекуны, профессионалы и активные участники, регулярно взаимодействующие друг с другом и объединенные общими интересами.

Целью исследования было узнать, как театр помогает включиться в реальную жизнь, артикулировать коллективные интересы сообщества, способствовать формированию идентичности людей с синдромом Дауна и целом проанализировать данную публичную площадку на предмет эффективности, выявить ее ресурсы и ограничения. Для достижения поставленной цели первоначально были собраны интервью с родителями актеров, составляющие, составляющие весомую часть сообщества. Как показал

предварительный анализ интервью, родители детей с синдромом Дауна объединены общими практиками, непосредственно входят в сообщество людей с инвалидностью и занимают важное место в создании и работе театра.

Анализ особенностей взаимодействия и коллективной идентичности сообщества «Театра Простодушных» основан на выявлении нескольких индикаторов: самоопределение себя как коллектива, использование определенных идентификационных кодов (напр.: «наши ребята», «мамочки», «мы родители»), наличие общего дискурса (схожие коннотации и символы), знание истории театра, специфика мотивации (ориентация на индивидуальное развитие, либо на коллективные интересы) и др.

Наличие коллектива не ставилось под сомнение благодаря наблюдениям за участниками театра после и до выступления. Их объединяют общие дела, обязанности в театре, репетиции, обсуждения, совместные празднования. Наблюдения показали, что «ребята» и родители вступают в активную коммуникацию: вместе пьют чай после спектакля, празднуют дни рождения своих детей, обсуждают, приобщают друг друга. Однако в результате интервью выяснилось, что не все родители признают наличие коллектива и что такие совместные практики скорее редкость:

«[...] там вообще нет коллектива среди родителей, они все не дружные, недоброежелательность существует, ревность за детей.... каждый пихает свою [...] ну не все, конечно, есть отдельные родители, которым это свойственно» (ж. 65 лет, родитель, «старожил» в театре, 2012, Москва).

При этом, анализ кодов показал наличие самоидентификации с обществом. На это указывают такие коды: «мы», «мамочки», «родители», «наши ребята», «у нас», «объединяет любовь к детям», «самое главное - это родители»:

«[...] объединяет любовь к своим детям (смеется), что же еще? Конечно, каждый любит своего ребенка и хочет, чтобы он чего-то достиг, а театр помогает» (ж. 65 лет, родитель, «старожил» в театре, 2012, Москва).

Другим индикатором выступила схожесть символической коммуникации. Можно отметить особый дискурс коллектива родителей информантов (символы и язык). С помощью анализа кодов были выделены два разных дискурса: внешний - «навязанный», но все равно используемый членами сообщества, и внутренний - «освободительный» дискурс, сконструированный внутри сообщества, либо заимствованный на западе. В данном случае очень важны смыслы и стоящие за ним коннотации самих родителей. Выделенные коды репрессивного дискурса: «Даун», «инвалид», «умственно отсталый», «мне жалко смотреть», «больной», «ненормальный», «неполноценный», встречаются в контексте постановки врачебного диагноза:

«[...] вот она ходила, доказывала, что она и читать умеет и писать, что не полная идиотка как ее окрестили наши медики» (ж. 65 лет, родитель, «старожил» в театре, 2012, Москва).

А также в контексте культурных норм - поговорок:

«Но самое худшее, что он умственно отсталый, самое нехорошее [...] Есть народная поговорка, в которой говорят, отнял у меня глаз один, отнял еще что-то, язык, но ума лишь бы не отнял» (ж. 60 лет, родитель, «старожил» в театре, 2012, Москва).

Коды освободительного (оправдательного) дискурса: «Чище», «наивные», «ласковые», «как дети», «отходчивые», «не агрессивные», «особенные», «не шизофреники», «не буйные».

«Театр Простодушных» — это не обычный театр в классическом понимании. Отсутствие собственной сцены, своего помещения влияет на структуру отношений и позиций внутри театрального сообщества. Своей постоянной сцены у театра нет и поэтому участники вынуждены играть на разных площадках, при этом тесно сотрудничать с другими театральными коллективами, в большей степени с московскими: театрами «Кураж» и «Театр.ДОС», предоставляющими свои сцены в выходные часы бесплатно, либо за невысокую аренду. Таким образом, коллектив театра простодушных формируется не вокруг географического места и физической среды, а вокруг людей, их коллективных потребностей и интересов, сообщество держится на их межличностных, дружеских связях. При этом внутри сообщества можно выделить различие в иерархических позициях, оно делится на организаторов театра и пользователей или как они себя сами называют на старое поколение - «старожилы» и новое поколение — «молодая гвардия».

« — А в театр Вы, когда пришли в первый раз?

— В театре мы старожилы, мы пришли к Игорю Неупокоеву, с самого начала основания в декабре 1999 года. [...]

— А Вам не кажется, что как вы зависите от Игоря, так и он от Вас?

— Я не думаю, что прям, зависит, не мы так другие, Даунов же много щас. И вот новое поколение растет, это кошмар конечно. Конкуренция еще как.»

(ж. 65 лет, родитель, «старожил» в театре, 2012, Москва).

Итак, с самого начала в центре сообщества находились ребята с синдромом Дауна, со своими специфическими потребностями и родители, являющиеся действующие силой создающей «Театр Простодушных» для организации досуга и развития и творчества своих детей, с помощью приглашенного режиссера. Этот центр обрамлял театр, как созданная специально для детей организация. Затем схема начала усложняться. Впоследствии после возрастания популярности театра и его побед в международных фестивалях, после увеличения количества желающих, *«театр стал другим»*. Теперь в центре пространственной карты сообщества находится сам «Театр Простодушных», как автономная от участников организация, главной единицей которого является режиссер, который отбирает актеров и является довольно самостоятельной фигурой, так как в его руках сосредоточены основные ресурсы, и уже к нему с двух сторон (снизу и сверху) тянутся

старички и новички. «Старожилы» имеют некоторое преимущество перед «Молодой Гвардией», в силу сложившейся истории театра, уважению режиссера к родителям-организаторам.

По оценкам участников сообщества театр меняется: в понимании части респондентов театр меняется в лучшую сторону, развивается, приобретает новые ресурсы: «*больше новичков, это хорошо*». Другая часть предполагает, что театр разрушится, так как становится похожим на шоу-проект, не занимается развитием детей, провоцирующим конкуренцию, в чем видятся определенные ограничения театра. Эта разница во мнениях указывает на разнородность мнений внутри сообщества внутри родительской публики и подчеркивает статус театра как публичной площадки.

«Театр Простодушных» – «голос» сообщества людей с Даун-синдромом: анализ роли и функций театра

Прежде всего, театр – это островок социальной критики, производство искусства и культуры. Зрители посещают театры в поисках новых впечатлений, размышлений и смыслов. Также театр – это публичная площадка, которая выполняет функцию производства и утверждения новых смыслов, способных трансформировать устоявшиеся коллективные представления зрителя о беспомощности, неадекватности людей с инвалидностью, а также содержит в себе потенциал переворачивания стигмы, путем конструирования особой социальной идентичности. В данном случае особый эффект достигается благодаря возникающему эмоциональному отклику за счет непосредственного соприкосновения зрителей с актерами театра с синдромом Дауна. Таким образом «Театр Простодушных» представляет собой – форму инклюзии в публичную сферу группы людей с ментальной инвалидностью. С помощью театра происходит трансформация идентичности и переворачивания стигмы, прежде всего самих родителей, т. к. он дает возможность гордиться своими детьми, реализовываться родителям:

«...Они как бы себя, себя реализуют за их счет, потому что тоже же, конечно, большой труд в них вкладывается и им тоже хочется себя показать, и куда-то съездить...» (ж. 65 лет, родитель, «старожил» в театре, 2012, Москва).

Театр, выполняет множество функций, как явных, так и латентных [3], но важно, что с помощью известности в СМИ и публикаций в прессе, интернете, он способен максимально влиять на представления людей о ментальной инвалидности [6]. Т.е., конечно эффект прямого воздействия театра на зрителя сохраняется, но также важным становится то, что сам факт наличия театра и статья о нем в прессе уже многое меняет в представлениях общественности. Соответственно сам театр – это активный участник публичной сферы, заявляющий о себе с помощью СМИ, воздействующий на общественное мнение, таким образом, на лицо несколько социальных уровней, которые здесь изображены схематично (см. рис. 1).

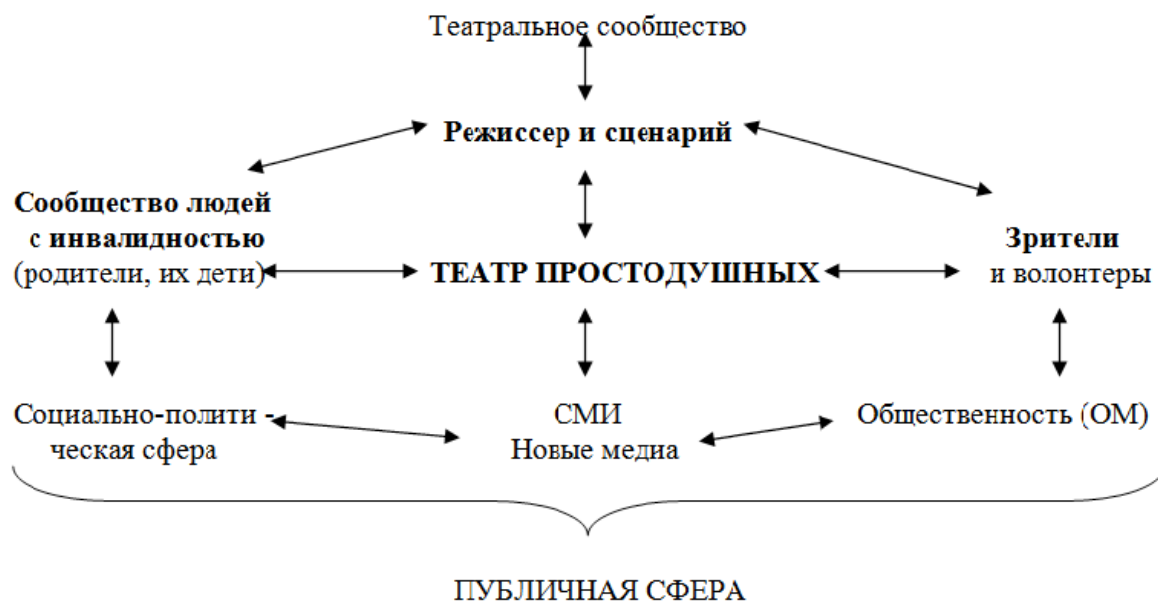

Рис. 1

На макроуровне находятся во взаимной зависимости общественное мнение и СМИ, а также различные организации для людей с инвалидностью, являющиеся частью социально-политической сферы. Театр выступает в роли посредника в коммуникации сообщества родителей и СМИ, а также широкой общественности. В интернете обсуждение выходит за пределы одного сайта и продолжается уже в рамках дискуссии о способностях людей с ментальной инвалидностью на других, не относящихся к «Театру Простодушных» ресурсах. Это попытка говорить о театре как о «автопоэтической» системе Лумана, той, которая уже вне всякой рефлексии со стороны своих акторов, самопрезентует себя и более того влияет на дискурс по поводу людей с ментальной инвалидностью в публичной сфере.

Актеры или акторы? Анализ репрезентации «Театра Простодушных» в СМИ

На сайтах, публикующих информацию о театре, в основном преобладают материалы интервью с его художественным руководителем. Их анализ позволяет сказать, что интервьюеров в первую очередь интересует театр – как некое оригинальное направление в искусстве, или даже перформанс; кроме этого большой интерес вызывает личность режиссера Неупокоева, который в данном случае выступает в виде реформатора, творца, оригинального художника. Фокусировка не только на информанте, но на позиции задающего и поясняющего вопросы интервьюера показывает, что Театр простодушных – не некое маргинальное явление, а своего рода отражение некоторых тенденций в искусстве андеграунда, где все большой интерес привлекают новые фактуры: *«тема людей, имеющих синдром Дауна, сейчас, как ни странно, в моде»* [1] (режиссер «Театра Простодушных»).

Именно режиссеру принадлежит главный голос в дисклеймерах к спектаклям, в общении со зрителем, с родственниками актеров. В этом смысле участники постановок театра — актеры второго плана. В СМИ люди с синдромом Дауна не позиционируются как самостоятельная публика, чаще всего как подопечные режиссера, которые посредством него интегрируются в публичное пространство. Они выступают в СМИ объектом, а не субъектом высказывания, а режиссер в данном случае — медиатор, переводчик, необходимое звено коммуникации актеров и публики. Редко встречается сюжеты, где на первый план помещены сами люди с синдромом Дауна и их потребности. Интересно, что в них актеры говорят о том, что театр их жизнь и больше всего они хотят состояться не просто как актеры, а как люди. Это может свидетельствовать о сращивании личной и профессиональной самоидентификации:

«Я мечтаю быть Заслуженным артистом России. Мне надо очень много работать над самим собой. Это самая главная роль в моей жизни» (Дмитрий Павлович Поляков, актер театра).

«Я хочу, чтобы ко мне относились не с презрением, а с уважением. Чтобы люди наконец-то поняли, что я никакой не больной. Чтобы при каждом моем появлении на улицы или в общественных местах пожимали мне руки» (Алексей Крыкин, актер театра) [4].

Сами себя актеры «Театра Простодушных» позиционируют как беззлобных и бесхитростных «детей». Но при этом актеры дважды в своих интервью отмечают наличие конкуренции в театральной среде и нехватку ролей в спектаклях. Режиссера коллектив театра очень уважает, по словам режиссера и самих артистов, которые называют его «любимый режиссер».

В СМИ часто встречается информация о людях с ментальной инвалидностью, опубликованная именно на православных сайтах. В этих статьях акцент делается на этическую функцию театра, его гуманитарную миссию. Тема социальной заботы прослеживается и на светских сайтах, где поднимается тема государственной и/или меценатской поддержки театра (например, выделение собственного театрального помещения). В видеорепортажах театр часто освещается в бедственном, нуждающемся состоянии: *«Простодушная группа скитается по подвалам и сценам, аренду платит не на что»*, а режиссер театра выступает спасителем этих «простодушных» людей. Мало говорится о сообществе родителей, сделавшем немало для рождения театра. Таким образом, в представлениях СМИ теряется важный, действующий актер публичной сцены — активное сообщество родителей людей с синдромом Дауна.

Таким образом, можно заметить, что публикаций о театре в СМИ немало, причем они могут представлять театр в разных категориях: нужды в заботе окружающих с точки зрения религиозной любви к ближнему, а так же материальной зависимости от государства, т. е., позиционирование как незащищенного субъекта социальной сферы. Представление людей с синдромом Дауна как активного субъекта публичной сферы, встречается редко, но все же есть видеосюжеты где на первый план помещены они сами и их потребности, причем нарочно отделенные от потребностей своих родителей [4].

Можно ли говорить о «Театре простодушных» как об эффективном поле дестигматизации его актеров-людей с синдромом Дауна, представляемых чаще как недееспособных, несамостоятельных, отчужденных, чье место неизбежно на краю социальной периферии? Если рассматривать дестигматизацию как возможность определять индивида, группу, какой-либо социальный феномен исходя из общепризнанных соображений о норме (физической, психической, интеллектуальной, социальной) и через соотнесение с ней, то формат «Театра простодушных» не подразумевает стандартных механизмов дестигматизации. Театр изначально был представлен в виде организации драматических постановок с участием людей только с синдромом Дауна. Для режиссера и зрителя смысл театра сохраняется в том, что актеры на сцене – «другие». Поэтому в репрезентации театра в СМИ и в бытовых дискурсах, так или иначе, выделяется тема «специфичности», странности, инаковости актеров. Именно это делает Театр необычной площадкой – «территорией иных возможностей». Можно предположить, что инклюзию можно было достичь, если бы на сцене «встречались» здоровые актеры и актеры-инвалиды. Конструирование данного образа «встречи» на сцене, позволило бы расширить достаточно ограниченные на сегодняшний день представления о возможных контекстах взаимодействия людей с особенностями развития и «нормальных» индивидов. Однако, с другой стороны, такая исключительность помогает сформировать групповую идентичность сообщества, осознать свои особенности и при этом демонстрировать их в публичном пространстве на основе «о-страннения».

Библиографический список

1. Вигилянская Т. «Театр Простодушных» // Православие и мир. - 24 ноября, 2008 // URL: <http://www.pravmir.ru/teatr-prostodushnyx/> и др. URL: <http://www.pravoslavie.ru/guest/4789.htm> (Дата обращения: 06.04.2012).
2. История «Театра Простодушных» // ТеатрПростодушных.РФ. Благотворительный творческий проект // URL: http://teatrprosto.ru/?page_id=2 (Дата обращения: 12.06.2012).
3. Копалова, О. С. Театр и зритель: институциональные аспекты взаимодействия / Автореферат диссертация. Екатеринбург, 2001, 145с. // URL: <http://www.dissercat.com/content/teatr-i-zritel-institutsionalnye-aspekty-vzaimodeistviya> (Дата обращения: 20.03.2012).
4. Над кем смеетесь? Над собой смеетесь!» // Видео Vkontakte // http://vk.com/video4587508_162304159 Обращение к ресурсу 05.03.2012
5. Труппа «Театра Простодушных» // ТеатрПростодушных.РФ. Благотворительный творческий проект // URL: http://teatrprosto.ru/?page_id=45 (Дата обращения: 12.06.2012).

6. Ярская-Смирнова Е.Р., Карпова Г.Г., Ворона М.А. Другой формат: (пере)определение инвалидности посредством культуры //Итоговый сборник материалов проекта «Система реабилитационных услуг для людей с ограниченными возможностями в Российской Федерации»: Папирус, 2009. С. 211-219.

Маслова Т. Ф., Ставрополь

Исследование маргинализации профессионального сообщества

Аннотация

В статье рассматриваются особенности профессионального сообщества как социокультурного феномена. Основное внимание уделяется качественным характеристикам субъектов сообщества; факторам и тенденциям его маргинализации.

Ключевые слова: профессионализм, профессиональное сообщество, ценностно-профессиональная консолидация и интеграция, профессиональная маргинализация

Постановка исследовательской задачи

Интенсивность мировых экономических, политических и социальных процессов, все большая вовлеченность в них России способствуют развитию общественного разделения труда и, как следствие этого, изменениям в профессиональной структуре современного российского общества. В этой ситуации, исходя из того, что все социальное пространство состоит из адекватных общественным потребностям социальных практик, заслуживает внимание исследование особенностей профессионального сообщества, отражающего позиции, интересы субъектов как носителей профессионализма, различные связи между ними и социальной средой.

Профессионализм характеризует одно из качеств личности, приобретенных в процессе социализации. Данное качество отражает когнитивные, морально-психологические, культурные, праксиологические свойства индивида, которые воспроизводятся в сфере специальной деятельности, связанной с удовлетворением изменяющихся потребностей общества. Совокупность взаимодействующих индивидов и групп, обладающих профессионализмом и реализуемом в институциональных структурах, представляет собой такой социокультурный феномен, как профессиональное сообщество. В социальном аспекте профессиональное сообщество характеризуется практическим воплощением институциональных норм и формальной ролевой регламентации специалистов как субъектов, владеющих совокупностью специальных знаний и компетенций; в культурном аспекте

оно характеризуется воспроизведением ценностных ориентаций, мотивационно-реализационного потенциала основных субъектов и акторов, занятых в тех или иных сферах профессиональной деятельности. При этом под профессиональной деятельностью понимается деятельность, имеющая нормативно установленный, целе- и ценностнообусловленный характер, и конституированный способ выполнения социально заданных действий; деятельность, которая требует систематического теоретического и практического обучения и подготовки специалистов, формирования специальных качеств, относящих их к категории профессионалов, образующих профессиональное сообщество. Следовательно, профессионализм, являясь свойством субъекта, проявляется в его деятельности и выступает интегратором такого социокультурного сообщества. Утрата же или ограниченность профессионализма его субъектами ведет к дезинтеграции или маргинализации профессиональной группы. Последнее представляет наиболее распространенное явление в современном российском обществе, что определяет значимость его исследования. Наше понимание профессиональной маргинализации связывается с промежуточным положением профессионального индивида или группы относительно социальных и культурных норм, ценностей, целей сообщества и признаваемых им качеств субъектов, связанных с профессионализмом. В соответствии с общепринятым понятием, маргинальная группа (индивид) находится на границе двух культур или субкультур и имеет некоторую идентификацию с каждой из них. Она отвергает определенные ценности и традиции той культуры, в которой возникает, и утверждает собственную систему норм и ценностей [1, с. 234]. В профессиональном сообществе такие отклонения могут быть связаны с аномалиями профессионализма, ведущими к маргинализации как антиподу его интеграции.

Чаще всего, в рассмотрении вопросов и проблем профессионального сообщества маргинальность определяется диспозицией субъекта в структуре групп: основатели, элита, профессионалы высокой квалификации, профессиональные маргиналы, находящиеся на окраине, границе профессионального поля, как правило, не имеющие специального образования, не являющиеся профессионалами, в некоторых случаях это специалисты, вытесненные из других секторов. Такое рассмотрение отражает довольно распространенный структурный подход к анализу изучаемого явления, который однако не затрагивает качественных особенностей маргинализации профессионального сообщества, заключающихся в свойствах специалистов-профессионалов. Объективация данных свойств отражает их соответствия требованиям профессионализма, взаимным ожиданиям субъектов сообщества, а также ожиданиям объектов профессиональной деятельности относительно их интересов и потребностей. Это актуализирует проблему качественных особенностей профессионального сообщества, связанную со способностью его субъектов к рефлексии, отражающей осмысленность выбора способов деятельности, взаимодействия между собой и институтами сообщества перед вызовами общества.

Являясь центральным звеном профессионального сообщества, взаимодействующие субъекты (специалисты) детерминируют состояние его социальной устойчивости/неустойчивости через реализацию своих качеств. А именно: через ту или иную степень стабильности их профессиональной идентичности (ее отсутствия, не полноты), степень поддержки профессиональных ценностей и ценностной консолидации, через воспроизведение практик профессионального совершенствования, доводимых (не доводимых) до уровня современного образца на основе профессиональных знаний и опыта.

Качественный подход в исследовании профессионального сообщества позволяет определить состояние (масштабы, характер) его реальной и потенциальной маргинальности, значение которой выявляется в процессе установления факторов и тенденций формирования данного явления. Это определяет векторы исследования с учетом того, что маргинальность складывается на стадии профессионального взаимодействия в реальной профессиональной сфере, на стадии подготовки специалистов, а также в ситуациях социальных трансформаций.

По оценкам исследователей, особенностью профессиональной маргинальности в России является то, что она действует не только на периферии профессионального поля, а повсеместно. Особый интерес представляют случаи, когда маргинальность (по отношению к требуемой сути и нормативам профессии) становится социально терпимым явлением или даже социально-приемлемой нормой. (Волкова О.А.). Последнее заключение имеет прямое отношение к маргинализации профессионального сообщества, которое формируются в процессе подготовки специалистов, на что указывают данные многих исследований. Так, по результатам проведенных социологических исследований по российской выборке сделаны следующие заключения: ежегодно примерно 30% поступающих на технические факультеты – люди «случайные», выбравшие факультет, вуз случайно или потому что конкурс был низким [2, с.237]. Более четверти выпускников вуза не выбрали бы специальность, по которой получили диплом. Не по профилю полученной в образовательном учреждении специальности работают в среднем четверть молодых специалистов [2, с.238]. 21% руководителей образовательных учреждений подтвердили, что часть выпускников после окончания вуза не стремятся работать по своей специальности; 31,6% - хотят уехать за границу, чтобы заработать деньги [2, с.251]. По данным проведенного нами исследования (опрошено 200 студентов 4 курсов ставропольских вузов в 2010 году), профессиональные качества часто находятся вне поля ценностно-нормативного поля студентов и имеют побочное значение в их стратегиях. Например, ценность выбранной профессии признают менее половины опрошенных, или 48%, карьеры – 52%, профессионального образования - 40%. Лишь 11% в процессе «вторичной занятости» трудятся по избранной специальности, где происходит начальная профессиональная адаптация. Это говорит о том, что целый пласт будущих специалистов не подтверждает признаков их адаптации к профессии и интеграции в профессиональное сообщество, что усиливает риски его маргинализации.

Социальные ситуации, способствующие маргинализации профессионального сообщества связываются с состоянием социокультурной реальности, которая как наиболее полное определение граней человеческого существования отражает объективное состояние социального и культурного в обществе, характерное для определенного периода жизни людей [3, с.130]. Так, в конце 90-х годов, переход к новым рыночным условиям экономики способствовал вытеснению профессионализма с поля производственной деятельности за счет включенности в новые производства людей, высвободившихся в результате структурной перестройки производственного сектора, и испытавших кризис профессиональных социокультурных качеств. Отдельные исследователи, характеризует такую социальную ситуацию как ситуацию социального хаоса, «действующего» на глобальном и региональном уровнях. Его проявления обнаруживаются в утрате индивидом социального (и профессионального) статуса, в «блокировании каналов социальной коммуникации, нарушении самоидентификации [4, с.109]. Крушение групповых идентификаций нашло свое отражение в процессах дезинтеграции [5, с.212], в том числе и профессиональных.

Наиболее характерная ситуация - вынужденная миграция, когда большие массы экономически активного населения, резко меняя свой профессиональный статус, вносят в то или иное профессиональное сообщество иные ценности и нормы, характерные для сообщества другой сферы деятельности. По данным нашего исследования, проведенного в 2002 г. [6, с.252], если до миграции 23,5% переселенцев были заняты в сфере промышленности, то после – 10,7%; в сфере культуры и искусства, соответственно, 2,0% и 8,4%; в сфере жилищно-коммунального хозяйства и бытового обслуживания – 2,6% и 6,4%.

При этом, в новых профессиональных сообществах, их бывшая профессиональная идентичность чаще всего утрачивается, новая только формируется; ценностная неопределенность снижает степень поддержки новых профессиональных ценностей и ценностной консолидации; необходимость выполнять работу, не соответствующую профессиональному образованию, осложняет воспроизведение практической деятельности на высоком уровне, согласно современным образцам, что возможно на основе профессиональных знаний и опыта.

Таким образом, маргинализация профессионального сообщества, связанная с формированием и объективацией профессионализма как свойства его субъектов, представляет одну из тенденций современного российского общества, которая требует более пристального внимания исследователей по следующим направлениям: условия и формы маргинализации профессионального сообщества; плюсы и минусы этих процессов; проблемы профессиональной самореализации, профессиональной культуры и другие.

Библиографический список

1. Малахов В.П. Философия права: Учебное пособие. – М.: Юридическая литература, 2003.
2. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрета. – М.: ЦСПиМ, 2010.
3. См.: Социология. Основы общей теории /Под ред. Г.В.Осипова, Л.Н. Московичева. – М.: Проспект, 2005. -.С.130.
4. Бляхер Л. Нестабильные социальные состояния. – М.: Логос, 2005.
5. Ионин Л.Г. Социология культуры. – М.: Логос, 1992.
6. Интеграция вынужденных мигрантов в местное сообщество. – Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2002.

Романов П. В., Москва

Профессии в социальном государстве¹

Аннотация

Данная статья представляет обоснование нового исследовательского направления, которое разрабатывается в рамках проекта изучения проблем и противоречий публичной сферы в современной России, реализуемого научно-учебной группой магистрантов, аспирантов и преподавателей НИУ ВШЭ «Профессии социального государства» в 2012 году. В задачи статьи входит теоретическое обоснование данного направления исследований.

Ключевые слова: социология профессий, социальная политика, идеология, кейс-стадии, неовеберианский подход, автономия

Современная социальная политика в России в значительной степени обеспечивает поддержку со стороны населения политическим элитам, однако приоритеты такой поддержки и ее оценки постоянно меняются. Дискуссии о монетизации, ее подходах и результатах сменились обсуждением результативности национальных проектов, которые, в свою очередь, отошли на второй план после взлета интереса к демографической проблеме, озабоченности правительства повышением рождаемости и эффективности материнского капитала. Каждая волна инициатив показывает, насколько влиятельными оказываются группы профессионалов в определении тех или иных ситуаций как проблемных, в обозначении приоритетов и повестки дня новых этапов «настройки» социальной политики под нужды политических элит. В условиях жесткой конкуренции за ресурсы и символическую власть среди профессионалов выделяются те, чей голос оказывается более слышимым — экономисты, юристы, медики, демографы, педагоги или инженеры. Усиливается роль экспертов в продвижении и оценке реформ, государство создает для этого специальные структуры: ИНСОП, Агентство стратегических инициатив, профессиональные ассоциации в составе Народного фронта, Институт общественного проектирования.

Классические социологические подходы рисуют профессионалов альтруистами, носителями нейтрального знания, в равной степени дистанцированными от бизнеса и государства, вовлеченными в публичный

¹ В данной научной работе использованы результаты исследовательского проекта «Идеологии профессионализма в социальном государстве», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012 году, грант № 12-05-0007.

диалог, посвятивших себя служению ценностям профессии, обществу [см.: 2]. Современные же исследования подчеркивают важность социальных факторов в формировании профессионального знания, роль идеологий в определении места профессионалов в обществе и их участия в решении социальных проблем.

Альтруизм, беспристрастность и бескорыстие профессионалов оказываются под вопросом, когда обнаруживаются факты нарушения профессиональной этики: резонансные дела о офицерах армии, виновных в преступлениях против солдат и мирных граждан, юристов (прокуроров), «крышующих» криминалитет, педагогов, совершающих насилие в отношении воспитанников при молчаливом согласии коллег, социальных работников, уличенных в преступлениях против клиентов. Исследования показывают, что в СССР автономия профессионалов, возможности их саморегулирования были в значительной степени подорваны, и хотя сейчас ситуация меняется, многие профессионалы предпочитают сохранять свое зависимое положение, принимают угодные власти решения или решения, сулящие им материальные и символические преимущества [см.: 3]. Идеологии профессионализма понимаются как в логике бескорыстного служения, так и в терминах сохранения привилегий любой ценой. Когда нормативно-ценностная сторона профессионализма преобладает над критической рефлексией, идеологии групп профессионалов подчеркивают их преимущества и легитимируют действия, доказывающие полезность для самих себя и общества в целом.

В связи с этим актуальным является исследование спектра причин и самих изменений, которые претерпевают этические системы, дискурсы различных профессиональных групп, а также противоречий и конфликтов идеологий, вовлеченных в поддержание государства всеобщего благосостояния. Анализ призван показать, как меняется характер автономии профессионалов от государства и рынка, могут ли современные идеологии в этой области укреплять ответственность перед обществом, сплоченность, мотивировать на действия в интересах открытого демократического общества. Цель исследования, которое проводится в НИУ ВШЭ коллективом магистрантов, аспирантов и преподавателей при поддержке Научного фонда, — анализ идеологий профессиональных групп, противоречивым образом влияющих на ценности социального государства, выявление этических противоречий и конфликтов агентов поля социальной политики, вызванных ограниченностью профессиональной саморегуляции. Исследование началось с систематизации аналитических подходов в русле социологии профессий и теоретических определений социального государства, проблематизация профессионализма как системы ценностей и идеологии в контексте социальной политики. После этого был составлен базовый гид кейс-стади, послуживший концептуальной рамкой для разработки индивидуальных задач исследователей. Серия кейс-стади профессий социального государства выполняется профессором В. Антоновой (профессия государственного служащего), аспирантами Р. Садыковым и Д. Присяжнюк (профессия врача), профессором П. Романовым и аспирант-

кой А. Сельчёнок (профессия социального работника), магистрантками М. Суриной (профессия фандрайзера) и Е.Ядровой (профессия медсестры), доцентом В. Аникиным и студентом Р. Соловьевым (специализированная занятость попрошайек). Везде, где данные задачи являются релевантными, проводится анализ дискурсов профессионализма в контексте социальных реформ – на материалах центральных и региональных СМИ, выявление динамики репрезентаций социальных проблем, агентов и способов их решения, а также изучение процессов профессионализации и дискурсов профессионализма на микроуровне в условиях нео-менеджеральной трансформации системы социальных услуг. Для этого собраны качественные интервью с представителями групп специализированных занятий. Внимание исследователей фокусируется на представлениях о профессиональной автономии, этосе профессии и институциональных механизмах их регуляции. Кроме того, рассматривается роль ряда ведущих профессиональных ассоциаций в разработке принципов саморегуляции и ответственности профессионалов.

Идеология профессионализма как предмет социологического исследования. В современных исследованиях выделяется два взгляда на идеологию профессионализма – во-первых, как на нормативную ценностную систему (вслед за Т. Парсонсом [10, 32]), необходимую для сплоченности и стабильности, и, во-вторых, как на систему аргументов, направленных на оправдание власти и доминирования профессионалов (критическая, неовеберианская перспектива, представленная в работах М. Ларсон, Э. Эббота, Дж. Эветтс [28, 21, 25]). Действие идеологии профессионализма можно проследить на разных уровнях – макро- (государство, рынок), мезо- (организации и институты) и микро- (группы и акторы). В течении ряда лет такие исследования были сфокусированы на изучение идеологий сложившихся, устойчивых таких профессиональных сообществ, как врачи [6, 18, 25], социальные работники [34], юристы [22]. На примере современных капиталистических обществ, стабильных правовых систем показан тот существенный вклад, какой вносят профессионалы, эксперты, участвующие в легитимации социального неравенства [9, 12, 14, 20, 30]. Исследованиями ситуации в постсоциалистических странах, роли профессионалов в трансформационных процессах, пока сравнительно немного – это работы, затрагивающие семейную и гендерную идеологию [23], социальную защиту [27, 31, 33], социальную политику [5, 24, 29, 35]. В России исследования профессий международного уровня в основном направлены на изучение медиков [1, 7, 16] и теоретических дебатов в неовеберианской перспективе [13, 20]. Культурные аспекты формирования профессиональных идеологий рассматриваются в работах ряда отечественных антропологов [4, 17].

Узкодисциплинарный анализ социальной политики нередко проводится в интересах политической элиты и страдает нормативностью и «технократическим оптимизмом», например, в описаниях механики перевода людей из статуса зависимых в статус трудящихся, из «дезадаптированных» в «адаптированные» [критику таких подходов см.: 8, 30, 31], но не поднимаются вопросы о том, как государства всеобщего благосостояния произ-

водят, воспроизводят или модифицируют неравенства, например, по полу, расовым или этническим различиям, инвалидности, и такие идеологии не подвергаются критике.

Поэтому данный проект направлен на восполнение аналитического зазора между процессами, сопровождающими энергичный рост автономии классических и новых профессий, с одной стороны, и недостаточностью академической рефлексии о внешних и внутренних регулятивных процессах и идеологиях профессиональных групп, с другой. Исследование позволит получить новые знания о процессах профессионализации в современном российском обществе, механизмах саморегуляции, позволяющих профессиональным группам сохранять свою независимость, служить во имя общественных ценностей. Другой аспект предлагаемого исследования – анализ внутренних и внешних рисков в отношении профессиональной автономии, возникающих в условиях рыночного общества или в результате давления со стороны государственного аппарата. Изучение разнообразных аспектов идеологии и автономии профессиональных групп в контексте социального государства является отличительной особенностью данного проекта.

Теоретико-методологическая база исследования разработана в ключе неовеберианских подходов к изучению профессий [18, 21, 25, 34], рассматривающих смыслы профессионализма в качестве специфического культурно-исторического конструкта, связанного с легитимацией профессионалами своего права на собственную монополию в рамках определенного сектора услуг. Исследовательская методология опирается, главным образом, на интерпретативную традицию исследований [см. 11], включая качественные, этнографические методы сбора, систематизации и анализа данных. Исследования благосостояния, выполненные в интерпретивном ключе, реконструируют повседневный опыт реализации социальной политики, которая понимается как процесс нормализации благополучия индивидов, организаций и обществ. Исследователи подвергают критике «успешные» меры государственных реформ, опираясь на этнографические свидетельства, документируя социальное воспроизводство бедности, противопоставляя гегемонический дискурс о реструктуризации социальной политики жизненным реалиям обнищавших домохозяйств.

Для изучения низового уровня социальной политики, где оперируют такие агентства и акторы, как социальные службы и различные профессионалы, полезным оказывается использование сравнительных кейс-стади [14, 36] нескольких профессиональных групп, а также количественный и качественный контент-анализ печатных периодических изданий (профессиональных изданий и средств массовой информации), в котором основное внимание уделяется следующим показателям: как и в каком виде участвуют профессионалы в обсуждении социальных проблем в публичной сфере, обоснование важности участия экспертов в публичной дискуссии и в решении социальных проблем, направления такой дискуссии, образы государства и рынка, возникающие в риторике профессионалов, ценности, транслируемые экспертами, характер обсуждения вопросов общественной и профессиональной этики и морали, особенно в ситуации профессиональных девиаций.

Исследование идеологии современных профессий затрагивает многие острые проблемы социальной политики. В условиях растущего влияния рынка на характер занятости и вмешательства государства в жизнь профессий актуализируется роль внутренних регулятивных механизмов профессиональных групп, которые позволяют специалистам поддерживать независимость, сохранять критическую дистанцию. Во многом утратив автономию в советский период, сейчас многие из прежних и вновь созданных профессий повышают статусные позиции, обосновывая претензии на исключительные полномочия в области охраны здоровья, социальной защиты, распределения ресурсов. Профессионалы и государственный аппарат нередко преследуют сходные цели и поддерживают позиции друг друга, что препятствует профессиональной автономии. Врачи, педагоги, полицейские, социальные работники и другие специалисты помогают социальному государству контролировать общество, получая взамен легитимную поддержку профессионализации, удовлетворения претензий на монополию экспертизы и практики оказания услуг. Проект включает анализ дискурсов и серию кейс-стади профессиональных групп, выступающих в качестве агентов социальной политики, и нацелен на изучение особенностей развития их идеологии, понимаемой в двух взаимосвязанных аспектах: с одной стороны, как обоснование претензии профессионалов на исключительное положение в обществе, привилегии и обслуживание власти, а с другой — укрепление этоса профессиональных групп, мотивирующего их на поддержание демократических процессов и общественный диалог на принципах социальной справедливости.

Библиографический список

1. Абрамов Р.Н. Российские менеджеры: социологический анализ становления профессии. Монография. М.: КомКнига-УРСС, 2005.
2. Батыгин Г. Профессионалы в расколдованном мире // Этика успеха. Тюмень. М.1994. Вып.3. С.9-18.
3. Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика профессии: миссия, кодекс, поступок. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2005.
4. Добровольская В.Е. Типы прескрипций, связанные с профессиями изготовителей обуви (сапожник, лапотник, валяльщик /шерстобит) в традиционной культуре Северной и Центральной России // *Humanitāro zinātņu vēstnīsis*. No 10.Daugavpils. С. 7-19.
5. Кларк Дж. Неустойчивые государства: трансформация систем социального обеспечения // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 1. С. 69-89.
6. Кульман Э. Разновидности профессионализма поздней современности: на примере немецкой системы здравоохранения // Журнал исследований социальной политики. 2005, т. 3, № 4. с. 535-550.

7. Мансуров В., Юрченко О. Социология профессий. История, методология и практика исследований // Социологические исследования, 2009. № 8. С. 36-46.
8. Маршалл Т.Х. Новейшая история профессионализма в связи с социальной структурой и социальной политикой // Журнал исследований социальной политики. Т. 8. № 1. 2010. С. 105-124.
9. Миллс Ч.Р. Властвующая элита. М.: Директмедиа Паблишинг, 2007.
10. Парсонс Т. Мотивация экономической деятельности // Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/pars/06.php.
11. Романов П., Ярская-Смирнова Е. «Делать знакомое неизвестным...». Этнографический метод в социологии // Социологический журнал. 1998, № 1-2. С. 145-160.
12. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Идеологии профессионализма и социальное государство // Антропология профессий, или посторонним вход разрешен / Под редакцией П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011. С. 64-81.
13. Романов П., Ярская-Смирнова Е. Мир профессий – пересмотр аналитических перспектив // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 25-35.
14. Романов П.В., Смирнова Е.Р., Ярская В.Н. Новый социальный менеджмент и реформы российской социальной политики // Мир России. № 3. 2008. С. 109-131.
15. Романов П.В. Стратегия кейс-стади в исследовании социальных служб // Социологические исследования, 2005, №4. с102-105.
16. Сало Е.П. Англо-американская социология о профессионализации альтернативной медицины // Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе / Под ред В.А. Мансурова М.: Изд-во Института социологии РАН, 2007. С. 135-147.
17. Щепанская Т.Б. Сравнительная этнография профессий: повседневные практики и культурные коды. Россия, конец XX - начало XXI в. СПб.: «Наука», 2010.
18. Эветтс Дж. Новые вызовы доверию и профессионализму // Свободная мысль. № 11. Ноябрь 2009. С. 127-142.
19. Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Новая идеология и практика социальных услуг: оценка эффективности в контексте либерализации социальной политики // Журнал исследований социальной политики. Т. 3. № 4. 2005. С. 497-522.

20. Ярская-Смирнова Е., Романов П. Те самые профессии: шкалы престижа и рамки публичности // Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности / Под редакцией П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2012.
21. Abbott A. *The System of Professions: An Essay on the Division of Expert Labour*. Chicago: University of Chicago Press, 1988.
22. Brockman J. *Gender in the Legal Profession: Fitting Or Breaking the Mould*. Vancouver: UBC Press, 2001.
23. Buckley M. *Women and Ideology in the Soviet Union*. New York, London: Harvester Wheatsheaf, 1989.
24. Esping-Andersen G. *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge, 1990.
25. Evetts J. Sociological Analysis of Professionalism. Occupational Change in Modern World // *International Sociology*. Vol. 18 (2). 2003. P. 395-415.
26. Geison G.L. Introduction // Gerald L. Geison (ed) *Professions and Professional Ideologies in America* Univ of North Carolina Press 1983. P. 3-12.
27. Haney L. *Inventing the Needy: Gender and the Politics of Welfare in Hungary*. University of California Press, 2002.
28. Larson M.S. *The Rise of Professionalism*. Berkeley: University of California Press, 1977.
29. Manning N. Diversity and Change in Pre-Accession Central and Eastern Europe Since 1989 // *Journal of European Social Policy*, Vol. 14, No. 3, 211-232 (2004).
30. Mills C.W. The Professional Ideology of Social Pathologists // *The American Journal of Sociology*, Vol. 60, September 1943. P. 165-180.
31. Morgen S. and Maskovsky J. The Anthropology of Welfare «Reform»: New Perspectives on US Urban Poverty in the Post-Welfare Era // *Annual Review of Anthropology*. Vol. 32, 2003. P. 315-338.
32. Parsons T. *The Social System*. New York: Free Press. 1951.
33. Pascall G., Manning N. Gender and social policy: comparing welfare states in Central and Eastern Europe and the former Soviet Union // *Journal of European Social Policy*. Vol. 10, No. 3. 2000. P. 240-266.
34. Saks M., Allsop J. Social Policy, Professional Regulation and Health Support Work in the United Kingdom // *Social Policy and Society* (2007), 6 : pp 165-177.
35. Wacquant L.J.D. *Punishing the poor: the neoliberal government of social insecurity*. Durham, NC and London: Duke University Press, 2009.
36. Yin R. *Case study research*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 1994.

Садыков Р. А., Москва

Профессионализация гомеопатии в России: между автономией и интеграцией¹

Аннотация

В статье с позиции социологии профессий обсуждается положение российской гомеопатии. С помощью классических категорий – автономия, социальное закрытие – рассматриваются варианты профессионализации гомеопатов, и в этой связи отмечаются тенденции трансформации специфического гомеопатического знания.

Ключевые слова: медицинская профессия, альтернативная медицина, гомеопатия, биомедицина, социология профессий, автономия, социальное закрытие, профессиональное знание

Медицинская профессия – традиционный объект исследования в социологии профессий: считается, что врачи представляют собой группу наиболее близкую классическим идеям профессионализма [5, 6]. При этом основное внимание в обсуждении отводится вопросам, связанным с процессом *профессионализации* группы, а ключевыми единицами анализа выступают понятия *господства*, *автономии*, *исключающего социального закрытия*, понимаемые как ресурсы. Реформы в российском здравоохранении 1990-х актуализировали вопрос о перераспределении данных ресурсов между членами медицинской профессией и другими акторами здравоохранения – государством, рыночными структурами.

Не смотря на рост корпоративистских тенденций в здравоохранении, взаимоотношения между государством и медицинскими работниками по-прежнему определяются в рамках патерналистской модели, и развиваются в направлении все большей регуляции и внешнего контроля, осуществляемого «сверху» в отношении данных профессионалов. Таким образом, привилегия врачей в саморегуляции оказывается ограниченной: на смену господствующему положению (*authority*), высокой степени автономии (*professional autonomy*), способности управлять механизмом социального закрытия (*exclusionary social closure*) приходят **стандартизация и формализация** клинической практики. Группы акторов, образующих стратифициро-

¹ В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «идеологии профессионализма в социальном государстве», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012 году, грант № 12-05-0007.

ванную структуры медицинской профессии, вступают в борьбу за перераспределение профессиональных ресурсов и легитимный статус. Среди таких акторов особо выделяются врачи альтернативной медицины; в условиях растущего спроса на их услуги, они осуществляют движение по пути профессионализации [2, 3]. В докладе данные процессы рассматриваются на примере российских гомеопатов.

Данные, представленные в докладе, основываются на анализе 13 полуструктурированных интервью с гомеопатами медучреждений г. Москва. В исследовании ставился вопрос о статусе гомеопатии, равно как и о возможностях ее дальнейшей интеграции в российскую систему здравоохранения.

Стремление многих специалистов альтернативной медицины профессионализироваться сопряжено с проблемой интеграции их метода терапии в систему здравоохранения. Хотя применение гомеопатии официально разрешено в нашей стране [1], данный вид медицинской практики остается достаточно маргинализированным в связи с недостаточной доказательностью ее терапевтических возможностей с точки зрения признанных (иными словами официально установленных) стандартизированных процедур научной верификации. Во многом поэтому, сегодня во всем мире наблюдается отход гомеопатов от принципов классической гомеопатии ее родоначальников, которые говорили, что их способ лечения представляет самостоятельную медицинскую систему, и запрещали совмещение гомеопатического и аллопатического лечения, а также комбинированное использование гомеопатических препаратов [3]. Как утверждают многие классические врачи-гомеопаты, терапевтический эффект напрямую зависит от следования этим принципам.

Диверсификация гомеопатического знания приводит к появлению различных направлений и видов практики внутри одного метода. Условно их можно объединить в две количественно и статусно неравные группы: первые — те, кого в большей или меньшей степени можно отнести к ортодоксии собственного метода — классические гомеопаты и те, составляющие подавляющее большинство, кого не смущают возможности «произрастания» гомеопатии на биомедицинской почве — клинические гомеопаты. Преобладание гомеопатов с ориентацией на конвергенцию медицинских систем (гомеопатии и биомедицины) в нашей стране связано со спецификой профессиональной социализации российских медиков осуществляется в рамках академической медицины, иначе, сказать в рамках биомедицины [1].

Если обсуждать данную ситуацию в терминах социологии профессий, следует отметить, что для названных категорий гомеопатов характерны отличные друг от друга стратегии профессионализации. Тогда как классические гомеопаты стремятся очертить границы своего эзотерического знания и тем самым подчеркнуть свою исключительную идентичность, для клинических гомеопатов характерно стремление к интеграции через адаптацию. В первом случае подчеркивается ценность метода как самостоятельной системы знания, а классические гомеопаты выступают его *исключительными* носителями; в их дискурсе самоопределения отчетливо

звучит разделение на гомеопатов и не гомеопатов, на классическую и прочую гомеопатию. Ориентацию на исключение можно отнести к такой классической категории социологии профессии как «социальное закрытие».

Второй случай представляет попытку большинства гомеопатов путем ухода от «корней», легитимировать метод и реинтерпретировать его в соответствии с паттернами господствующей медицинской системы. Последнее означает, что для достижения относительного признания со стороны коллег-аллопатов, многие гомеопаты сознательно реинтерпретируют свое «эзотерическое» знание в терминах биомедицинского подхода, приводя ключевые концепты метода в соответствие с общепризнанными в современной медицине стандартами и форматами терапевтической практики. Такая адаптационная стратегия ведет к перераспределению некоторых профессиональных привилегии внутри медицинского сообщества (например, возможность практиковать в отдельном кабинете в государственном медучреждении).

Таким образом, различные стратегии профессионализации влияют на статус автономии в каждой выделенной группе. В то время как ведущими тенденциями в трансформации медицинской профессии выступают стандартизация и формализация процедур *исполнения*, врачи-гомеопаты признаются в невозможности стандартизировать их метод и отмечают более высокий уровень творческой свободы в осуществлении клинической практики. При этом степень автономии среди представителей «классики» потенциально может быть выше, чем среди клинических гомеопатов, которые часто применяют гомеопатию как комплементарный метод в рамках своей основной специализации.

Одним из важнейших индикаторов успешного осуществления группой профессионализационного процесса является наличие сильной организационной структуры в лице ассоциаций, способных эффективно отстаивать интересы членов своего сообщества. На корпоративном уровне гомеопатия осознается как часть интегративной или комплементарной медицины. Наиболее авторитетные из существующих на сегодняшний день гомеопатических ассоциаций не противопоставляют гомеопатию биомедицине, но, напротив, стремятся представить ее как метод, дополняющий обычную терапию. На этом пути ассоциации положительно оценивают возможности стандартизации гомеопатии и ее верификации через клинические исследования на предмет терапевтической ценности метода, но при этом также указывают на значимость автономии своих членов в управлении и регламентации данных процессов. Таким образом, вырисовывается достаточно противоречивая картина: с одной стороны ассоциации озвучивают классические идеи профессионализма, опирающегося на понятие групповой автономии, такие как: определение и поддержание этического кодекса, осуществление внутреннего контроля качества услуг и дисциплины, установление правил регистрации; с другой стороны, напротив, призывают к расширению менеджериалистских стандартов, неизбежно ограничивающих привилегию осуществления собственного господства, автономии и социального закрытия.

Библиографический список

1. Приказ МЗ № 335, 1995 «Об использовании метода гомеопатии в практическом здравоохранении».
2. Традиционная медицина: политика и практика профессионализации / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011.
3. Cant S., Sharma U. Demarcation and transformation within homoeopathic knowledge. A strategy of professionalization // *Social science & medicine*, Vol. 42. №. 4. 1996. P. 579-588.
4. Elston M.A. The politics of professional power: medicine in a changing health service // Gabe, J., Calnan, M., Bury, M. *The Sociology of the Health Service*. L.: Routledge, 1991. P. 58-88.
5. Freidson E. *Profession of Medicine*. New York: Mead and Company. 1970.
6. Parsons T. *The Professions and Social Structure (1939)* // Parsons T. *Essays in Sociological Theory (Revised Edition)*. New-York The Free Press, 1966. P. 34-46.

Сельчёнок А. К., Москва

Динамика профессионального статуса специалистов по социальной работе в России

Аннотация

Социальная работа в России претерпевает значительные изменения, что влечет за собой изменение статуса специалистов по социальной работе, однако в настоящее время не происходит повышения внимания общественности к работникам социальных служб. В статье делается акцент на неовеберианский подход, который позволяет изучить профессию социальных работников сквозь призму профессиональной автономии и монополии.

Ключевые слова: социальная стратификация, социальная работа, социология профессий, профессиональный статус, неовеберианский подход, профессиональная монополия, профессиональная автономия

Изучение профессии социальных работников в зарубежной социологии является достаточно разработанной темой. Это связано с направленностью исследователей в области социологии профессии к анализу профессиональных групп, обладающих определенной степенью профессиональной автономии и имеющих высокий социальный статус. В отечественных исследованиях проблема актуализации роли профессии социальных работников является мало изученной.

Социальная работа в России является молодой профессией, так как она была внесена в реестр службы занятости только в 1991 году. Актуальность темы заключается в том, что социальная работа в России претерпевает качественную трансформацию: накапливается практический багаж, повышается интерес к профессиональному образованию, растет обмен теории и практики, налаживаются межведомственные и межсекторные связи¹.

Из всех работников социальных служб специалисты по социальной работе являются потенциально наиболее активными акторами, способными повлиять на трансформацию системы социальной защиты. Именно они обладают опытом непосредственного взаимодействия с клиентами и пони-

¹ Ярская-Смирнова Е. Р. Профессионализация социальной работы в России // Социологические исследования. 2001. №5. С. 88.

мания их нужд. В этом обнаруживается глубинное противоречие профессии специалистов, которые призваны осуществлять выбор между интересами клиентов и общества, в целом. И. Вейс-Галл утверждала, что для социальных работников как профессиональной группы наиболее характерна ситуация выбора между заботой о клиенте и социальной справедливостью¹.

При анализе профессии специалиста по социальной работе в России акцент мною делается на неовеберинский подход, представители которого рассматривают профессиональные группы как солидарные группы интересов, которым удалось занять монополистическую позицию на рынке услуг².

В России становление профессии специалистов по социальной работе в настоящее время еще не завершено, так как данные специалисты не являются автономными по отношению к государству. Малая степень профессиональной автономии проявляется, в основном, в отсутствии действующих профессиональных организаций или в недостаточном их влиянии на социальную сферу. Согласно П. Романову и Е. Ярской-Смирновой, деятельность профессиональных ассоциаций позволяет специалистам организовать контроль за потребностями клиентов, за образованием и за работой отдельных представителей профессионального сообщества³.

Профессиональная деятельность специалистов по социальной работе напрямую связана с их статусом в обществе. Отсутствие четкого образа данных профессионалов в СМИ свидетельствует о низком статусе специалистов по социальной работе в России. Например, в газете «Известие» мною найдено 153 релевантные публикации со словами «специалист по социальной работе» за 2011 год. Из них только в одной публикации говорится об интегральных консультантах – новом амплуа специалистов по социальной работе. Найдена информация о социальных работниках в 7 публикациях, о социальном обслуживании – в 2, о социальной защите – в 12. В остальных публикации содержится информация не о специалистах по соцработе как агентах социальных перемен, но об особенностях профессиональной деятельности обычных социальных работников.

Большая часть специалистов по социальной работе обладают значительным потенциалом для возможности усовершенствования системы социальной работы на микро- и макроуровне, однако одной из трудностей для реализации этого является невысокий статус специалистов по социальной работе. Д. Уильямс, исследуя статус социальных работников, отмечал, что основными препятствиями процесса профессионализации социальной работы с детьми является низкая заработная плата и статус социальных работников в обществе⁴.

¹ Weiss-Gall I. The person-in-Environment Approach: Professional Ideology and Practice of social Workers in Israel// Social work. 2008. №1. P. 65.

² Мансуров В.А., Юрченко О.В. Социология профессий. История, методология и практика исследований // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 36-46.

³ Романов П.В. Ярская-Смирнова Е.Р. Мир профессий: пересмотр аналитических перспектив // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 26-35.

⁴ Williams D. Obstacles to the professionalisation of residential child care work// Irish Journal of Applied Social Studies. 2006. Vol. 2. P. 87.

Многочисленно была проведена серия интервью со специалистами по социальной работе (10 интервью, Смоленск, апрель 2012 г.) и было выявлено, что 7 из 10 специалистов по социальной работе утверждают невозможность их влияния на политику города и региона. При этом 4 из 10 специалистов говорили о том, что они призваны помогать людям и работать во благо общества. Согласно проведенным интервью, специалисты по социальной работе в России обладают способностями к альтруистической деятельности, однако они не имеют в себе силы для привнесения изменений в социальную сферу и при возможности они сменили бы род деятельности ради более высокой зарплаты.

Таким образом, социальная работа в России является молодой профессией, которая в настоящее время претерпевает значительные изменения, однако это не сказывается на повышении внимания общественности к специалистам по социальной работе. В статье профессия специалистов по социальной работе описывалась сквозь призму неовеберианского подхода, основными понятиями которого являются профессиональная автономия и монополия. Для того, чтобы повысить статус специалистов, следует организовать влиятельные профессиональные ассоциации и способствовать развитию профессиональной автономии специалистов социальной сферы. Специалисты по социальной работе являются агентами социального развития, способными своими решениями повлиять на социальную политику города, региона и страны, однако это сможет реализоваться только при повышении статуса специалистов в обществе.

Библиографический список

1. Мансуров В.А., Юрченко О.В. Социология профессий. История, методология и практика исследований // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 36-46.
2. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Мир профессий: пересмотр аналитических перспектив // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 26-35.
3. Ярская-Смирнова Е. Р. Профессионализация социальной работы в России // Социологические исследования. 2001. №5. С. 88.
4. Weiss-Gall I. The person-in-Environment Approach: Professional Ideology and Practice of social Workers in Israel// Social work. 2008. №1. P. 65-75.
5. Williams D. Obstacles to the professionalisation of residential child care work// Irish Journal of Applied Social Studies. 2006. Vol. 2. P. 72-90.

Соловьев Р. А., Москва

Социально-экономический механизм попрошайничества на паперти в России¹

Аннотация

В статье с позиций экономики уличного уровня и социологии профессий анализируется феномен попрошайничества на примере города Москвы. Сегодня попрошайничество в России можно рассматривать как профессию, в которой используется свой специфический спектр ресурсов, таких как особые знания, здоровье, время, пространство и т. д., а группу попрошаек как довольно устойчивый профессиональный коллектив со своей морально-ценностной системой и правилами поведения. В связи с этим актуально понять, является ли сегодня попрошайничество паразитической практикой, не соответствующей современным российским ценностям, или же его существование является институциональной особенностью российских реалий.

Ключевые слова: попрошайничество, стратегия экономического поведения, специфическая форма занятости, мотивация, регуляция поведения, экономика уличного уровня, социология профессий

Введение

Попрошайничество — социально-экономический феномен, имеющий сегодня распространение практически во всем современном мире². В Европе стереотипный попрошайка, каким мы привыкли его видеть в повседневной жизни, появился в раннем средневековье, когда возросшее количество населения и условия торговли сделали возможным для человека жить за счет благополучия остальных членов общества. (*Harlan W. Gilmore 1940; Прыжов 1997; Rheinheimer 2003*). Закреплению

¹ На примере г. Москва. В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «идеологии профессионализма в социальном государстве», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012 году, грант № 12-05-0007.

² *David Shichor & Ruth Ellis, 2010; Eric Henry, 2009; Tatak Abebe, 2009; B. Creemers, J. Billen & B. Gobin, 2010; Alexander Kwesi Kassah, 2007; Hartley Dean, 1999; Alison Murdoch, 1994; Bernard Fortin, Guy Lacroix & Dominique Pinard, 2010; Stef Adriaenssens and Jef Hendrickx, 2010; Jordan, 1999.*

явления попрошайничества в обществе способствовало распространение христианства в мире, в соответствии с которым подаяние попрошайке трактовалось как средство очищения от грехов, а само попрошайничество как широкое авеню для спасения души (*Harlan W. Gilmore 1940; Lewis A. Coser, 1965*). Таким образом, попрошайничество на первых порах можно было рассматривать как духовное явление, которое выступало как «средство воспитания народа» и только впоследствии переросло в социально-экономическую болезнь. Первые законы о борьбе с попрошайничеством на Западе стали появляться после протестантской Реформации церкви, а на Руси – в эпоху Петра I, который хотел искоренить нищенство насильственным путем. (*Harrington 1999; Ю.Г. Галай, 2007*). Однако данные меры не оказались в полной мере действенными, хотя и затормозили развитие попрошайничества на определенное время. (*Harlan W. Gilmore 1940*).

Сегодня социальная группа попрошаек - это привычный элемент структуры больших городов, который не только не теряет своей значимости во времени, но и набирает силу в определенных уголках мира, в частности в таких постсоциалистических странах, как Россия (*Попова 1999; Butovskaya et al. 2000, 2002, 2004*).

Проблема: Сегодня в России попрошайки окончательно оформились в довольно устойчивую социальную группу с собственной экономической стратегией, специфической формой занятости и собственными правилами поведения.

Актуальность определяется тем, что в связи с переходом от командной к рыночной экономике и либерального реформирования страны создались новые социально-экономические условия, определяющие жизнедеятельность граждан. Фундаментальная трансформация рынка труда, распад прежних социальных институтов и разложение нормативной и ценностной систем, наблюдавшееся в российском обществе 1990-х годов, привели к возросшему социальному неравенству и социальной эксклюзии (*Guy Standing, 1998*). Это обусловило возникновение новых маргинальных групп, состоящих из индивидов, которые ввиду ценностного конфликта и материальной депривации были вырваны из привычного положения в социальной структуре. Ввиду нестабильности нового режима и затруднительного экономического положения большей части граждан возрастают масштабы функционирования неформального сектора экономики. Попрошайничество как экономическая деятельность уличного уровня становится выбором для определенного числа граждан России. Закрепляется социальная группа попрошаек, которая до этого была практически не оформлена, так как в Советском Союзе нищенство было уголовно наказуемо и не могло существовать по определению. В последние пятнадцать лет попрошайничество стало обычным явлением для России. Сами попрошайки основательно утвердились как стабильная социальная группа с выработанной экономической стратегией, специфической формой занятости и собственными правилами поведения (*Dean, Melrose 1999: 84*). Попрошайничество, однако, является тормозом для дальнейшего развития

и модернизации российского общества с индустриальной экономикой, так как является типом неформальной экономической деятельности, базирующейся на доиндустриальных ценностях (*Dean, 1999*). Крупные масштабы занятия попрошайничеством в России также говорят о нестабильности системы занятости и неадекватности государственной социополитики, что выливается в ухудшение социально-экономического и социально-физического состояния городов.

Цель: Понять социально-экономические факторы, обеспечивающие существования попрошайничества как экономической формы поведения

Задачи:

А) Рассмотреть попрошайничество как вид экономической деятельности

Б) Выявить доступны ли другие формы экономической деятельности для попрошаек

В) Описать факторы, оказывающие влияние на выбор попрошайничества как формы экономического поведения

Г) Проанализировать связь попрошаек с остальным обществом посредством формальных организаций и личных социальных сетей

Предмет исследования: Социально-экономический механизм попрошайничества в России

Объект исследования: люди, постоянно занимающиеся сбором подаяний в личных целях около церковных приходов в городе Москва

Обзор основной литературы

Основой моего исследования стал ряд работ как западных, так и российских исследователей. В первую очередь, это работа Джеймса Дина «Street-Level Economic Activity and Social Policy Failure»¹ которая фокусируется на попрошайничестве как отличительной форме маргинальной экономической деятельности, являющаяся частью экономики уличного уровня. В книге разворачивается дискурс о попрошайничестве как глобальном историческом феномене, который сегодня во многом обуславливается мировыми экономическими условиями и изменениями на рынке труда. По мнению автора, одной из возможных причин, почему попрошайничество и другие виды деятельности экономики уличного уровня снова приобретают актуальность - это трансформация идеи государства всеобщего благоденствия в последней четверти двадцатого века. Главной особенностью перехода является необходимость смещения акцента с проблемы бедности на проблему социальной эксклюзии, основными жертвами которой явля-

¹ *Dean Hartley*. Begging questions: street level economic activity and social policy failure. Bristol: Policy Press, 1999, P. 256.

ются попрошайки. Другой возможной причиной, на которую указывает Джеймс Дин, это возросшее предложение на рынке уличной экономики как осадок экономической глобализации и неравенства.

В целом, можно сказать, что попрошайничество это деятельность неформального сектора экономики, к которой люди прибегают, чтобы выжить в условиях депривации, а крупный масштаб попрошайничества в современном мире можно обозначить как символ провала социальной политики развитых государств, которая характеризуется неравномерным распределением общественных ресурсов и нарастающим гражданским безразличием.

Вторая работа – это «*Street-level Informal Economic Activities: Estimating the Yield of Begging in Brussels*»¹, написанная Дж. Хендриком и С. Адрианесенсом. Она представляет собой статью о методах оценивания доходов попрошаек в Брюсселе. Авторы выделяют три основных способа оценки: самоотчет попрошаек, наблюдение и квази-экспериментальное наблюдение, суть которого в симуляции попрошайки самим исследователем, чтобы оценить денежную ценность подаяний. Авторы относят попрошайничество к сектору неформальной экономики, главным образом, на основе того, что занятые данным видом деятельности изолированы от прав и привилегий основного общества. Основным выводом в рамках социальной политики, который они делают, это то, что зачастую законодательство развитых стран направлено на пресечение данного феномена путем юридических наказаний, когда людям, занятым попрошайничеством, нужна социальная и экономическая поддержка, которая улучшила бы их условия жизни.

Третья работа, которая называется «*The menace of begging in Nigerian cities: A sociological analysis*»², написана нигерскими социологами из института Илорин. Они видят в попрошайничестве угрозу, которая негативно сказывается как на экономике городов и их социально-психологических условиях, так и на самих попрошайках. По мнению авторов, экономически отрицательное влияние попрошаек в том, что они исключены из производственного процесса, и тем самым их вклад в экономику города и страны равен нулю. Авторы видят в попрошайничестве социальную угрозу, так как данный класс людей стигматизирован как лишние в обществе.

В статье приводится анализ попрошайничества в Нигерии с разных точек зрения. Во-первых, данный феномен рассматривается в функционалистском контексте как продукт городской нищеты. Суть в том, что попрошайничество способно удовлетворять особые потребности общества, к примеру, обеспечивать занятость как людям занятым в данной сфере, так и людям, принадлежащим к различным социальным службам, обслуживающим данный контингент.

¹ Stef Adriaenssens & Jef Hendrickx. Street-level Informal Economic Activities: Estimating the Yield of Begging in Brussels//Urban Studies Journal Limited, vol. 48(1), 2011. pp. 23-40.

² O. A. Fawole, D. V. Ogunkan, and A. Omoruan. The Menace of Begging in Nigerian cities: A Sociological Analysis// International Journal of Sociology and Anthropology. Vol. 3(1), 2011. pp. 9-14.

Второй взгляд – это взгляд на попрошайничество как на социальную девиацию, так как оно противоречит нормам, ожиданиям и ценностям общества. Авторы опираются на адаптированную теорию аномии Мертона, в соответствии с которой определяют попрошаек как ретритистов, которые отказались от средств и целей основного общества, и теорию стигматизирования, суть которой в том, что попрошайничество девиантно только потому, что общество навешивает ему данный ярлык.

Третья точка зрения заключается во взгляде на попрошайничество как продукте городской экологии. Авторы, исходя из социально-пространственного анализа, утверждают, что попрошайничество наиболее распространено в таких секторах, как центральные коммерческие районы, транспортные коридоры, рынки и религиозные центры и в других зонах, где наблюдается активное использование городской земли. Авторы так же подчеркивают, что чем менее организовано пространство и чем сильнее преобладание неформальных занятий в нем, тем выше там концентрация попрошаек.

Еще одна работа данного коллектива социологов требует внимания. Это – «*Incidence and socio-economic dimensions of begging in Nigerian cities: The case of Ogbomosho*»¹. Она интересна своим анализом факторов, которые влияют на попрошайничество, и рекомендациями по необходимой социальной политике. Первый выделенный фактор – это недостаток образования, в связи с этим авторы считают ключевым необходимостью государству обеспечить условия для включения всех детей в систему обязательного образования. Вторым фактором – бедность, который играет большую роль в расширении рядов попрошаек. Авторы отмечают, чтобы хоть как-то изменить ситуацию, важно наладить уже существующую систему перераспределения ресурсов, сконцентрировавшись на группах высокого риска. Следующая обнаруженная взаимосвязь – влияние религии на попрошайничество. Авторы предлагают религиозным лидерам чаще проводить программы демотивации попрошаек, подчеркивая важность активного участия в производящем секторе экономики. Последнее, о чем пишут авторы, – это необходимость сплоченных усилий государства, частных организаций, религиозных структур и самих граждан в создании отрицательного имиджа попрошайничества, акценте на его негативных последствиях для социально-экономического выживания как отдельного человека, так и нации в целом.

Работа, которая также выделяется на фоне остальных, – это «Отверженные»² К. Эммануэли, одного из основателей организации «Врачи без границ». Автор в целом анализирует группу исключенных из современного общества, приводя примеры из собственной профессиональной деятельности.

¹ David V. Ogunkan and Olufemi A. Fawole (2009) Incidence and socio-economic dimensions of begging in Nigerian cities: The case of Ogbomosho. International NGO Journal Vol. 4 (12), pp. 498-503.

² Эммануэли Ксавье. Отверженные. Как победить пренебрежение к изгоям?// Пер. с франц. О.Е. Иванова.- М.: NOTA BENE, 2008. – 240 с.

Для исследования представляет интерес его пространственно-временной анализ данного феномена. Во-первых, автор разделяет пространство, которое использует попрошайка, на экономическую территорию, где он ведет свой «бизнес» и территорию выживания, которая, в свою очередь, подразделяется на дневную и ночную. Во-вторых, в книге происходит введение двух временных моделей: полихромная и монохромная. Первая характеризуется большим разнообразием целей, в то время как вторая — сведением жизнедеятельности к выживанию.

К. Эммануэли критикует современную программу по реабилитации изгоев общества за ее бездушность и универсализм, который не учитывает индивидуальной специфики каждого случая. Своей книгой он говорит, что единственно правильное решение это привести человеческое измерение в механизм социальных институтов реинтеграции.

Следующий ряд авторов, заслуживающих внимания, — это социологи Дэвид Шикор и Рут Эллис, которые в своей работе «*Begging in Israel*»¹ рассматривают попрошайничество как девиантный вид занятости. Большой масштаб данного феномена в Израиле зиждется на милосердии, которое занимает значимое место в еврейской традиции.

Авторы подчеркивают, что приход людей в попрошайничество является постепенным процессом, и выделяют два основных варианта пути к нищенству. Первый вариант вписывается в «последовательную модель девиантной карьеры» Беккера, когда люди, получив однажды помощь от синагоги, в следующий раз не стесняются выйти просить помощь на улицу. Второй же находится в рамках «социальных и экономических неудач» Гилмора, когда человек недавно приехавший в Израиль, не получив работу в формальном секторе экономики, обращается к попрошайничеству как способу заработать на хлеб.

Из эмпирической составляющей работы видно, что большинство респондентов определяют свое занятие как работу. Авторы объясняют данное отношение, исходя из театрального подхода Гофмана, в соответствии с которым такое представление попрошайками себя отражает то, что ожидает от них публика в лице общества. Таким образом, попрошайка, зная, что работа — позитивная ценность в обществе, пытается найти себе место в основном обществе. Со слов информантов, авторы так же заключают, что попрошайки, чтобы разрушить представление об их инфериорном положении по отношению к подающему, приносят в процесс подачи милостыни элемент рыночной сделки. Принимая деньги от прохожего, попрошайка тем самым оказывает ему услугу «быть щедрым», что восстанавливает баланс в их отношениях и благоприятствует их дальнейшему развитию.

Авторы описывают «технику нейтрализации», суть которой в оправдании попрошайкой своей деятельности посредством неспособности работать, несчастного случая и т. д. Некоторые оправдываются тем, что им приходилось выбирать между воровством и попрошайничеством, и они сделали правильный выбор. Такой же пример рационализации своего выбора мы можем наблюдать в эмпирической части работы Джейма Дина в Великобритании.

¹ Shichor, D. and R. Ellis. 1981. «Begging in Israel: An Exploratory Study.» *Deviant Behavior* 2(2): 109-25.

В конце работы, Шикор и Эллис подводят итоги, в которых говорят, что сегодня попрошайничество в Израиле - это непрерывный карьерный процесс, который включает приобретение новых навыков, техник, способов поведения и формирование собственного представления для общества.

Следующий шаг для формирования представлений о попрошайничестве и его связи с другими неэкономическими формами уличного уровня — это работа «*Begging, rough sleeping and social exclusion: Implications for social policy*»¹ К. Кеннеди и С. Фитцпатрик. Ее основной результат — это установление устойчивой взаимосвязи между попрошайничеством, бездомностью и продажей газет Big Issue² на улицах Великобритании.

Авторы сходятся на том, что попрошайничество больше продукт социальной эксклюзии, чем изолированный феномен, и ключевой фактор, толкающий человека обратно на улицу даже после программы интеграции в общество, - это одиночество в новой среде и ощущение того, что улица — это единственное место, где его примут таким, как есть.

Таким образом, для решения проблемы попрошайничества авторы предлагают создание индивидуальных программ переселения, где найдут решения проблемы попрошайки с жильем, здоровьем, алкогольной и наркотической зависимостью и т. д. Такой подход, на их взгляд, сможет решить насущные задачи по социально-экономической интеграции людей улицы и связать действия социальных политиков и социальных служб.

Интересной является работа «*Begging in Rural India and Bangladesh*»³, написанная Д. Массей, А. Рафику и Дж. Сили. Авторы производят историческую ретроспективу, из которой заключают, что раньше подача милостыни являлась важной формой получения морального очищения, а попрошайки не воспринимались как угроза обществу, до того как в Англии не приняли закон о бедных, в соответствии с которым попрошайничество наделили криминальными чертами.

Отходя от взгляда на попрошайничество как религиозную практику, они определяют данное занятие как экономическую стратегию выживания, выделяя существование различных способов пространственной организации своей деятельности. Примером которых может служить то, что в Индии и Бангладеш в будние дни попрошайки любят оккупировать улицы около больших магазинов и банков, когда в выходные дни они предпочитают места возле храмов.

Авторы видят причины разрастающегося попрошайничества в недостатке институциональной организации общества, когда людям приходится обращаться к попрошайничеству вследствие неэффективной работы аппарата социально-экономической поддержки.

¹ Kennedy, Catherine and Fitzpatrick, Suzanne (2001) *Begging, rough sleeping and social exclusion: Implications for social policy*. *Urban Studies*, 38 (11). pp. 2001-2016.

² Уличная газета, которую продают бездомные люди на улицах Англии. Это социальный проект, предназначенный дать возможность обездоленным индивидам получать легитимный доход.

³ Massey, Deeptima, Abdur Rafique and Janet Seeley 'Begging in rural India and Bangladesh' *Economic and Political Weekly* XLV(14): 64-71 (2001).

Следующая работа – это статья английского криминолога Ю. Вордхог «*Regulating social space: Begging in two South Asian cities*»¹. Автор говорит об опасности группы попрошаек в силу их маргинальности, которая выражается в отсутствии у них фиксированного состояния и четко определяемого социального статуса. Следовательно, требуются определенные методы регулирования маргинальных групп. В статье выделяется два типа способов – исключаящие и включающие. Суть первых заключается в стигматизации девиантных групп и их сегрегации, то есть в предотвращении попрошайничества в общем или, по крайней мере, очищении от попрошайничества определенных территорий. Методы включения состоят из действий, направленных на то, чтобы вписать индивида в прочную социальную сеть. В частности, многие религиозные институты предоставляют попрошайкам средства к существованию, тем самым распространяя на них свое влияние, чтобы контролировать их поведение. Для уменьшения масштабов попрошайничества, на взгляд автора, необходимо качественное сочетание этих двух типов регуляции.

Последняя работа западных авторов, которой стоит уделить время, – это «*Organized begging in Vienna, Austria*»² Ч. Кирхофера. Как можно понять из названия, его статья об организованном попрошайничестве, которое он определяет как бизнес с иерархией, который включает эксплуатацию и принуждение как основные компоненты. На дне пирамиды стоят попрошайки, которые собирают деньги с прохожих, следующий пласт – это люди, которым попрошайки отдают свой доход или его часть. На вершине стоят боссы, которые ответственны за всю организацию, хотя часто среднего звена не существует, и они сами собирают деньги с подчиненных им попрошаек. Далее автор рассуждает о связи попрошайничества и торговли людьми, заключая, что подневольный труд в сфере организованного попрошайничества определенно существует, однако без создания законодательной и административной основы для борьбы с данным явлением, никакая структура не сможет изменить ситуацию к лучшему.

Среди российских работ на данную тему хочется отметить, в первую очередь, статью «*Нищие в Москве 1993 года*»³, написанную Ф. Н. Ильясовым, О. А. Плотниковой. Авторы провели исследование проблемы нищенства в Москве, в котором проанализировали причины, которыми руководствуются люди при подаче милостыни, а так же взаимосвязь между разными тактиками попрошайничества в метро и количеством подаяний. Было установлено, что первое место по занимаемой доле в общей выборке и количеству подаяний за 10 минут лидирует образ инвалида, второе место занимает уличный оркестр, хотя данный вид деятельности нельзя напрямую относить к попрошайничеству. В приведенном исследовании, средне-

¹ Wardhaugh, J. (2009) Regulating social space: begging in two South Asian cities *Crime, Media Culture* 5(3), 1-9.

² Charles P. Kirchofer. Organized Begging in Vienna, Austria: Right-Wing Propaganda, Benevolent Necessity, Illicit Business, Human Smuggling, or Human Trafficking? // Webster University, 2010.

³ Ильясов Ф. Н., Плотникова О. А. Нищие в Москве летом 1993 года // Социологический журнал 1994 № 1. С. 150-156.

часовой заработок нищего на то время составил 960 рублей, что намного выше прожиточного минимума. Проинтервьюированные нищие отрицали существование организации и случаев рэкета, хотя один из информантов признался, что платил за место 50000 рублей в месяц. Число зарегистрированных попрошайек составило около 200, если учесть, что попрошайки в метро — это лишь часть от общего числа занятых в этой сфере в Москве, авторы сделали вывод, что их общее количество исчисляется несколькими тысячами. Авторы так же привели важное замечание о том, что попрошайничество можно рассматривать как один из видов занятости, хотя эта идея и не получила у них дальнейшего развития.

Работы, которые так же заслуживают внимания, это «*Антропология нищенства*»¹ И.Ю. Дьяконова и «*Попрошайничество как универсальный феномен культуры*»² М.Л. Бутовской. Идея данных работ такова, что современные нищие в России воспроизводят тактики попрошайничества, существовавшие в дореволюционные времена. Авторы, ссылаясь на ряд западных исследователей, таких как Дин и Мелрос, говорят, что сегодня попрошайки образовали достаточно устойчивую социальную группу со своей особой формой занятости, правилами поведения и экономической стратегией. Они так же поддерживают мысль Ильясова и Плотниковой о том, «в 90-е годы есть основания считать нищенство одним из видов занятости», выделяя попрошайничество группой и отдельный «бизнес».

Для объяснения стратегий попрошайничества и «подавательного» поведения прохожих авторы используют современные теории альтруизма. В первую очередь, само попрошайничество может вписываться, на их взгляд, в рамки реципрокного альтруизма, когда люди подают милостыню, не давая данной схеме исчезнуть и поддерживая тем самым уровень взаимопомощи в обществе, на случай того, если в будущем они сами окажутся в сложной ситуации. Авторы так же подключают гипотезу демонстративного поведения, объясняя, что человек часто подает нищему для того, чтобы сформировать более благоприятный социальный имидж. В условиях сложной экономической ситуации подаяния становятся избирательными по критерию общей групповой принадлежности, что часто соответствует теории отсроченной реципрокности, когда помощь получают те, кто в свое время потрудился на благо общества.

Авторы подчеркивают, что индивидуальные стратегии попрошайничества эволюционируют со временем за счет собственного опыта и обмена опытом с коллегами-попрошайками. Это также можно проинтерпретировать в рамках реципрокного альтруизма, когда обмен информацией повышает индивидуальный успех. Авторы выделяют и другие типы кооперации в среде нищих, такие как распределение времени на доходном месте, заимствование «реквизита» (животные, дети и др.) друг у друга. Частичное

¹ Дьяконов И.Ю. Антропология нищенства: этологические аспекты: автореф. дис. канд. ист. наук. – М., 2009.- 28 с.

² Бутовская М.Л. Попрошайничество как универсальный феномен человеческой культуры// Этнографическое обозрение. №3, 2007. – С. 3-11.

перераспределение собранных средств в группе попрошайек, которое также иногда встречается, поддерживает социальный статус участвующих в перераспределении и снижает вероятность воровства среди своих.

Отношения между попрошайками и подающими находятся в тесной связи, поэтому попрошайки часто ориентируют свое поведение на ожидания прохожих. Опытные нищие даже специализируются на особом круге людей, обращаясь за помощью преимущественно к группе, выбранной в качестве целевой.

Реабилитация нищих, по мнению авторов, зачастую малоэффективна по ряду факторов. Во-первых, это возникновение тяги к данному виду деятельности, когда люди находят, что, стоя на паперти, они зарабатывают больше, чем на заводе. Во-вторых, условия труда, которые позволяют не иметь строгий график и необходимость регулярного посещения рабочего места. В-третьих, адаптация к новому социальному окружению и появление нового социального статуса.

Последняя работа, которая стоит рассмотрения, - это *«Драматургия попрошайничества»*¹ М. Кудрявцевой, где она рассматривает попрошайничество с точки зрения концепции драматургической социологии И. Гофмана. В соответствии с данной перспективой, попрошайничество рассматривается как взаимодействие между нищим и подающим, когда попрошайка, играя на ожиданиях публики и привнося символический подтекст в свои действия, получает милостыню за свое представление. В своей работе автор описывает различные модели попрошайничества, используя метод глубинного интервьюирования и наблюдения. Первое, что она замечает, это существование общих ограничителей презентации нищего, которые включают необходимость контроля своего поведения, чтобы вписываться в стереотипные представления подающего. Интересное замечание сделано насчет попрошайничества около храмом и церквей, которое заключалось в том, что паперть — это пространство, переполненное символизмом и «исторически предназначенное для сбора милостыни».

В своем интервью газете «Пчела» М. Кудрявцева в ответ на вопрос, можно ли считать попрошайничество профессией, говорит, что в своих работах отталкивается от взгляда на попрошайничество как вида занятости экономики уличного уровня, а критерием профессионализма служит навык создания необходимого впечатления у прохожих. Что интересно, что попрошайка — это не всегда человек, исключенный из большого общества. В своей работе М.Кудрявцева сталкивалась с людьми, хорошо устроенных в формальном секторе экономики, но выходящих на улицу просить милостыню в особо прибыльные места в прибыльное время.

¹ Кудрявцева М. Драматургия попрошайничества // Невидимые грани социальной реальности. СПб., 2001. С.37 – 48.

Чтобы как-то определить структуру попрошайничества в современной России, удалось найти три полевые работы по этой теме: исследование попрошайничества в метро в апреле 2000 года, проведенное Фатхелисламовой¹, исследование Дьяконова² попрошаек в Москве в конце 90-х годов и исследование попрошайничества во Владивостоке за 2009 год³.

Даже исходя всего лишь из информации, представленной в этих трех работах, мы можем подчеркнуть несколько моментов. Во-первых, группа попрошаек имеет широкую дифференциацию по полу, возрасту и т. д., однако самую большую часть составляют женщины и дети. Во-вторых, работа по Владивостоку говорит о том, что люди помимо группы попрошаек включены во множество других социальных групп.

Теоретическая рамка

Таким образом, в моем исследовании базовой будет теория «подземной экономики», которая представляет собой концепцию, описывающую все незарегистрированные транзакции и институты, являющиеся частью как неформальной, так и нелегальной экономики (*Feige, 1990*). В связи с этим, попрошайничество на паперти может быть определено как вид неформальной экономической деятельности уличного уровня (**street-level economic activity**), заключающейся в прощении у окружающих денег, еды одежды и других материальных ценностей в публичных местах. Индивиды часто бывают вовлечены в данную сферу подземной экономики вследствие своего сложного экономического положения, и занятие данной деятельностью порой исключает их из процесса получения привилегий и прав основного общества (*Feige, 1990; Portes and Haller, 2005*).

В современной России попрошайничество официально не запрещено. Таким образом, оно может быть определено как неформальная экономическая деятельность, которая удовлетворяет всем основным критериям неформальной экономики (*Elaine L. Edgcomb, Tamna Thetford, 2002*):

1. Деятельность легальная, но не контролируемая.
2. Включает как работающих по найму, так и не по найму.
3. Наличные деньги — основное средство обмена
4. Рабочие условия находятся в инфериорном положении по отношению к тем, что относятся к формальной сфере экономики.

¹ Фатхелисламова А.А. Феноменология детского нищенства // Социс. №2, 2001- С. 127-129.

² Дьяконов И.Ю. Антропология нищенства: этологические аспекты: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2009.- 28 с.

³ Карабашина О.Г. Владивосток. Социокультурный анализ попрошайничества.

Попрошаек я буду рассматривать как агентов экономической системы уличного уровня. Обладая ресурсами, такими как время и пространство, они стараются извлечь из них доход за счет оптимального их распределения. Следует заметить, что попрошайка не всегда ставит своей целью максимизацию дохода часто устанавливая денежный порог, который необходим ему для покупки определенной потребительской корзины (*Dean, 1999*).

Одним из возможных объяснений, почему люди дают деньги попрошайкам, в моем исследовании станет теория обмена (*Fabrega and Manning, 1974*). Согласно ей я определяю процесс подачи милостыни как рыночную сделку, где деньги и другие материальные ценности, отданные попрошайке, выступают в качестве платы за символическую услугу «быть щедрым», которая стабилизирует внутренний моральный конфликт индивида, который может быть вызван такими причинами его подавательного поведения, как вина, замешательство или сочувствие.

Причины, по которым люди выходят на улицу просят милостыню, будут описаны в рамках двух концепций - последовательной модели девиантной карьеры (*Becker, 1963*) и концепции социальных и экономических неудач (*Gilmore, 1940*). В первом случае попрошайничество на паперти просто становится следующим этапом девиантной карьеры, которую выбрал индивид. Один раз получив помощь от храма или монастыря в связи со сложным экономическим положением, человек в следующий раз может не найти причин, почему бы не попросить ее так же и от прихожан. Во втором случае индивид выбирает попрошайничество как доступный ему вид занятости вследствие своих неудач найти место в формальном секторе экономики.

Одним из современных обоснований возрастающих масштабов попрошайничества в мире может являться процесс глобализации, который ведет к реструктуризации рынков труда и расширению объемов циркуляции капитала. Это, в свою очередь, становится причиной возрастающего социального неравенства и социальной эксклюзии, и происходит переоценка значимости разнообразных форм неформальной экономической деятельности. (*Jordan, 1996*).

В контексте России я считаю более целесообразным рассматривать как причину увеличения числа нищих трансформацию российского общества 1980-90 годах, последовавшую за этим поляризацию общества и расширение сектора неформальной экономики (*Standing, 1998; Рябчук Е.Ф., 2008; Гимпельсона, Капелюшникова, 2006*).

Исследовательские вопросы и гипотезы

Со сломом советской системы в России значительно расширился сектор неформальной экономики, который привлек много людей, включая тех, кто раньше был занят в ее формальной части (*Рябчук Е.Ф., 2008; Гимпельсона, Капелюшникова, 2006*). Интересен тот факт, почему

индивид делает такой выбор, то есть какие социальные и экономические предпосылки это обуславливают. Существует ли проблема выхода из отрасли, какие-то явные или неявные барьеры? Я попытаюсь раскрыть эти вопросы на примере попрошайничества на паперти как вида неформальной занятости, который принял новые масштабы после развала СССР. Попрошайничество можно так же определить как вид девиантной карьеры, поэтому интересно, как был обоснован именно этот выбор при существовании схожих видов занятости экономики уличного уровня, таких как воровства или собирания бутылок.

Что еще будет представлять для исследования, так это какие ресурсы дают преимущество попрошайке в своей профессиональной деятельности, как он организует свою деятельность, как он вписан в инфраструктуру и насколько важна информация для его эффективного существования. Согласно западным исследователям попрошайничество часто не является единственным источником дохода для индивида (Dean, 1999), поэтому вопрос, являются ли подаяния единственным и постоянным источником попрошаек в Москве также на повестке дня.

Таким образом, в данном исследовании феномена попрошайничества предполагается проверить 5 гипотез, призванных ответить на поставленные выше исследовательские вопросы:

1. Доходы от попрошайничества на паперти позволяют обеспечить или даже превысить прожиточный минимум.
2. Занятие попрошайничеством на паперти экономически мотивировано и не является сугубо стратегией выживания.
3. Сектор попрошайничества на паперти имеет низкие барьеры на вход и сравнительно небольшие риски по сравнению с другими видами деятельности экономики уличного уровня.
4. Вместо максимизации дохода агент часто устанавливает денежный порог, который необходим ему для покупки определенной потребительской корзины.
5. Человек, занимающийся попрошайничеством, часто имеет доходы от вторичной занятости или другие дополнительные источники.

Гипотезы (1), (2) и (3), в первую очередь, отвечают на вопрос о рациональности выбора попрошайничества как экономической деятельности. Гипотеза (1), в частности, относится к обсуждению того, может ли попрошайничество приносить высокие доходы, в то время как гипотеза (2) ставит целью установить отношение людей, просящих подаяние, к своему занятию как работе.

Гипотеза (3) служит проверкой мысли о том, что для входа в сектор попрошайничества индивид не должен обладать какими-либо квалификационными ресурсами. Основной вопрос стоит так же во включенности попрошаек в криминальное сообщество, т. е. существовании вынужденной необходимости делить доход с посторонними людьми, что, конечно же, ужесточит барьеры на вход.

Четвертая гипотеза относится к предположению, что индивид, собрав определенную сумму в виде подаяний, прекращает деятельность до того, пока вновь не возникнет потребность в средствах. (Dean, 1999). В данном случае можно также говорить о цикличности занятия попрошайничеством в том смысле, что человек не ставит себе цели дальнейшего развития посредством данной деятельности.

Последняя гипотеза позволяет ответить на вопрос, является ли милостынь единственным источником дохода или попрошайничество рассматривается человеком лишь как еще один способ заработка.

Методология

Проведенная работа предполагала самостоятельный сбор эмпирических данных, для осуществления которого было применен такой качественный метод как глубинное интервьюирование. Суть данного метода заключается в составлении гайда на основе произведенной операционализации, который позволяет в ходе интервью получить всю релевантную исследованию информацию. В данном исследовании для повышения эффективности взаимодействия с людьми, просящими милостыню, стимулом служила оплата каждого интервью, о чем потенциальные информанты оповещались заранее. Диктофон же использовался в качестве инструмента для запечатления информации.

Второй метод включал наблюдение как участвующее, так и скрытое. Отличие первого от второго в том, что в участвующем наблюдении изучаемая группа людей знает о присутствии исследователя, а в скрытом - нет. Основной упор ставился на наблюдении за поведением и взаимодействиях попрошаек на паперти, на то, как они вписаны в данное общественное пространство и их временную организацию.

Выборка

Было проведено 10 удачных глубинных интервью людей, собирающих милостыню при храмах и монастырях г. Москвы, так же было 8 отказов, в основном, по причине страха перед тем, что проведение интервью пойдет во вред респонденту в будущем.. Таким образом, формально выборка состояла из 10 человек в возрасте от 25 до 60, среди которых семь мужчин и три женщины. Всего лишь пятая часть выборки (два респондента) младше 30 лет, в то время как подавляющая ее часть намного старше. Среди десяти опрошенных всего один респондент родился в Москве, три информанта приехали из ближнего зарубежья, остальные же - из разных городов России.

Большинство респондентов (6 человек) занимаются попрошайничеством меньше или около года, то есть для них попрошайничество - это скорее временная форма занятости. Ровно половина выборки иногда

совмещает попрошайничество с другими видами деятельности неформального сектора экономики. Пятая часть выборки (два респондента) имеет право получать трудовую пенсию, однако не получает ее в одном случае из-за потери необходимых документов, а во втором — по собственной непредусмотрительности. Половины выборки (5 человек) имеет крышу над головой, однако никто из них не обладает своей собственностью, они либо снимают жилье, либо живут у родственников. Таким образом, проблема жилья довольно является довольно острой для большинства респондентов.

Почти половина выборки (4 информанта) прошли через такие формы институциональной опеки, как детские дома (3 респондента) и тюрьмы (2 респондента, один из которых — детдомовец). Больше половины выборки (6 человек) до занятия попрошайничеством имели постоянную работу в формальном секторе экономики, остальные же всю жизнь жили подработками, как в формальном, так и неформальном секторе. Все респонденты до того, как начать просить подаяния имели довольно заметный период жизни, когда они пытались устроиться на работу или вовсе не работали и не пытались что-либо найти. Около половины информантов имеют явные проблемы с алкоголем, который является одним из факторов, почему они выбрали попрошайничество как форму занятости.

Эмпирическая часть

Результаты, которые были получены в ходе исследования, для простоты восприятия хотелось бы представить в четырех измерениях, которые стали ключевыми в моей работе. Это стратегия экономического поведения, специфическая форма занятости, мотивация и регуляция поведения. Каждое понятие отражает значительную часть общей картины феномена попрошайничества на паперти.

Стратегия экономического поведения

- *А) Перспектива планирования*

Итак, рассматривая попрошайничество на паперти как стратегию экономического поведения, хотелось бы начать с определения перспективы планирования, на которую опирается группа исследуемых мной людей. Можно сделать вывод о том, что большинство из опрошенных респондентов не имеют в голове четкого долгосрочного плана на будущее и живут «одним днем». Однако около половины выборки довольно четко вписано во временную структуру, что выражается в том, что время для них полихромно¹, то есть в рамках дня они занимаются различным видом деятельности и не сконцентрированы на сугубо стратегии выживания. Для трети респондентов будущее все-таки выступает полем активной деятель-

¹ Эмануэли Ксавье. Отверженные. Как победить пренебрежение к изгоям?// Пер. с франц. О.Е. Иванова.- М.: NOTA VENE, 2008. – 240 с.

ности, но в то же время полученные данные говорят о неоднородности восприятия времени большинством. Это выражается в том, что информант просто не видит своего будущего или считает, что жизнь находится вне его контроля. В словах как минимум трех человек присутствует изрядная доля провиденциализма. Так же как минимум один из респондентов явно выражено живет своей прошлой жизнью, которая позволяет ему острее чувствовать принадлежность к обществу.

- *Б) Риски*

Основной экономический риск, который был выведен из слов респондентов, - это вероятность необходимости отдавать часть собранных денег под угрозой жизни (“taxing”)¹. Все респонденты упомянули, что слышали о таких случаях, и три из них признались, что самим приходилось отдавать часть дохода. Экономическим риском можно так же считать неустойчивость заработка, который варьируется от времени суток и самого дня (будний день, выходной, праздник).

Основные неэкономические риски – это:

1. Правовая незащищенность данного вида деятельности
2. Необходимость работать на улице в разных погодных условиях
3. Вероятность конфликта с окружающими людьми, местными маргинальными группами и блюстителями закона

Компенсация же рисков происходит за счет ненормированного рабочего дня, возможности находиться на работе в разном состоянии и сверх прибылей в православные праздники.

- *В) Конкуренция*

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что на особо прибыльных местах около центральных храмов и приходов существует заметная конкуренция за место и особенно время, в которое ты можешь просить подавание. Респондентами были описаны два случая, подтверждающие эти слова.

Один из информантов жаловался на то, что столкнулся с дискриминацией, когда группа физически более сильных людей запрещала просить милостыню остальным попрошайкам вокруг храма, пока они сами были на работе, забирая себе тем самым самое прибыльное время с восьми утра до часу дня. Второй случай касался групповой дискриминации новичка по этническому признаку. Респондент описал ситуацию, когда его знакомого попрошайку выгнали с паперти цыгане, которые раньше пришли на место.

В целом, проведенное исследование не дает права говорить о высокой конкуренции среди самих попрошаек в Москве, так как большинство респондентов, исходя из их слов, довольно лояльны к появлению новых членов в их профессиональной среде.

¹ Эмануэли Ксавье. Отверженные. Как победить пренебрежение к изгоям?// Пер. с франц. О.Е. Иванова.- М.: NOTA BENE, 2008. – 240 с.

- Г) *Рациональность при выборе тактик попрошайничества*

Что касается представлений о нормах доходности в голове попрошайки, то как показывает полученная эмпирика, они существуют и зависят, в основном, от места и времени. Попрошайка в процессе своей деятельности получает новую информацию, которая позволяет ему оптимизировать затраты и полученный доход. Опытный попрошайка знает, в какое время и какое место возле храма нужно занять, чтобы получить максимум возможного.

Затраты складываются из оценки своего здоровья, безопасности данного места, близости к своему дому или месту ночлега и части полученных денег, которые, возможно придется отдать третьим лицам при физической угрозе. Чтобы минимизировать свои затраты попрошайка выбирает самое оптимальное место для прошения милостыни. Как пример, можно привести респондентов, которые выбирали тот или иной храм в силу того, что знали, что получают там еду и необходимую помощь в непредвиденном случае.

Был выявлен факт существования других альтернативных деятельностей в сфере подземной экономики, таких как воровство или грабеж, которые из соображений рациональности индивида не представляются для него разумными. Три респондента открыто заявили, что просто не хотят втягиваться в криминальную деятельность, поэтому выбирают попрошайничество как наиболее честный вид заработка.

В географическом плане выбор большинства респондентов падает на попрошайничество на паперти как наиболее безопасную форму попрошайничества. Стоит подчеркнуть так же, что не только безопасность становится критерием, почему человек идет просить милостынь к храму, церковная паперть — это институционально и исторически закрепленное место для сбора подаяний (*Кудрявцева, 2001*). Таким образом, если руководствоваться драматургической социологией Гофмана, можно сказать, что попрошайки эксплуатируют давно созданную схему и играют на ожиданиях прихожан, тем самым зарабатывая себе на хлеб.

- Д) *Эффективность*

Было установлено, что зачастую попрошайки не ставят своей целью максимизацию дохода, а определяют для себя денежную границу, после достижения которой, они могут позволить закончить себе свой рабочий день. В среднем, это от 400 до 800 рублей. Если говорить о доходах попрошайках в общем, то они имеют широкий разброс. Минимальной названной суммой за день оказалось 200 рублей, в то время как максимум составлял около 20000 рублей в дни церковных праздников.

Для достижения эффективности своей деятельности попрошайки используют свои знания относительно того, как правильно использовать пространство вокруг храма, и выбирать время, которое принесет сверхприбыли. Нищий, в первую очередь, выбирает места наибольшей проходимости, в большинстве случаев это место возле самих ворот, ведущих в храм, или же тропинка, которую наиболее часто используют не только прихо-

жане, идущие на службу, но и обычные прохожие, путь которых просто лежит через данную местность. Самое оптимальное время для прошения милостыни — это начало и конец службы. Один информант сказал, что если в выходные приходить на паперть к семи утра, то сумма единичного подаяния будет начинаться от 50-100 рублей.

Со слов респондентов, было установлено, что, в среднем, попрошайке в Москве подает каждый десятый-пятнадцатый прохожий. Все информанты заявили, что не было ни одного случая, чтобы за рабочий день они ничего не заработали.

- *Е) Ресурсы*

Основными ресурсами попрошайки являются время и пространство, которые он с разной степенью эффективности использует. Было установлено, что имеет место особая организация времени, позволяющая проводить на улице меньше среднего рабочего времени (8 часов), а если точнее около 4-5 часов в день, при этом собирая сумму, достаточную для удовлетворения дневных потребностей представителей группы попрошаек. Попрошайка использует публичное пространство для занятия своей деятельностью, иногда обозначая свою территорию куском картона, на котором написана его просьба о помощи или же коробкой для милостыни. Такой способ помогает закрепить за собой определенный участок, который становится временной собственностью нищего. Как правило, попрошайки разграничивают свое пространство на экономическую территорию¹ (рабочая зона), где они просят милостыню и территорию выживания или же домашнюю зону, если таковая имеется. Это говорит об их обычно несознательной попытке поддержать баланс между работой и личной жизнью.

Здоровье как ресурс так же является крайне важным для попрошайки, так как от этого напрямую зависит его заработок потому, что больничных пособий для данной группы занятых никто не предусмотрел. Только половина респондентов в ходе интервью сказали, что не имеют особых проблем со здоровьем, тогда как остальная часть информантов заявили о существенных проблемах. Однако в ходе наблюдений выяснилось, что только в трех случаях из этих пяти заболевания реально являлись помехой для занятия попрошайничеством.

Ресурс, который дает реальное преимущество нищему — это опыт взаимодействия с маргинальными, криминальными, а так же разного рода контролирующими структурами, так как от этого зависит его автономия и безопасность при работе. Двумя респондентами были описаны случаи, когда им пригодились их знания контекста своей деятельности.

Наличие устойчивого места для ночлега и наличие знакомств и родственников в устойчивых социальных группах так же выступает важным ресурсом, который, как минимум, обеспечивает хотя бы на короткий срок разрешение проблемы отсутствия жилья или денег.

¹ Эмануэли Ксавье. Отверженные. Как победить пренебрежение к изгоям?// Пер. с франц. О.Е. Иванова.- М.: NOTA BENE, 2008. – 240 с.

Интересен так же тот факт, что в некоторых случаях доход от попрошайничества дополнялся еще и пенсией или пособием. В ходе исследования не удалось получить цельных интервью от лиц данной категории, однако со слов других респондентов становилось ясно, что это довольно заурядный факт.

- *Ж) Альтернативные издержки*

Альтернативные издержки попрошайничества для большинства опрошенных невелики: они не могут устроиться на работу либо по причине престарелого возраста, инвалидности, потери документов или пристрастия к алкоголю. Некоторые из опрошенных так же не получают пособия и пенсии по причине утери необходимых документов, что не позволило им вовремя встать на учет. Таким образом, если измерять человеческие усилия в денежном эквиваленте, то альтернативные издержки для занятых попрошайничеством, будут заключаться в размере заработной платы минус усилия по ее поиску, смены образа жизни и минус доходы от попрошайничества.

Специфическая форма занятости

- *А) Неформальная занятость*

В ходе исследования был обнаружен только два случая работы по найму, когда остальные принадлежали к самозанятым, два из которых с постоянной необходимостью платить процент за место, и один, где присутствовала схема небольшого семейного бизнеса.

Все самозанятые несут как экономические риски, сравнимые с аналогичными от предпринимательской деятельностью, так и специфические неэкономические, присущие данной деятельности. Естественно, никаких правовых гарантий в данной сфере неформальной экономики нет, собственно как и централизованного налогового учета.

- *Б) Организация*

Как упоминалось ранее, удалось обнаружить два случая организованного попрошайничества. Первый - возле Новоспасского монастыря, когда людям приходилось отдавать все заработанные деньги в обмен на предоставляемое жилье, еду, выпивку и сигареты. Людям так же выдавался разного рода реквизит для увеличения прибыли (в данном конкретном случае – собака). Второй – возле Бауманского храма, где со слов информанта, который работает там практически каждый день, было установлено существование группы организованных попрошаек во главе с человеком, который предоставляет им жилье и координирует их деятельность, забирая при этом основную часть дохода.

В двух других случаях людям приходилось платить определенный налог со своей деятельности. В первом случае, респондент признался, что 10 процентов его дохода достаются храму, возле которого он собирает милостыню, во избежание конфликта с местной охраной. Во втором случае,

информант сказал о постоянном «таксинге» со стороны полиции, которые требуют около 20 процентов дневного заработка под угрозой здоровью и возможностью отвезти в отделение.

Если говорить о существовании какой-то иерархии или организации внутри группы попрошаек, то было обнаружено несколько подобных примеров. Возле храма на Бауманской утреннее прибыльное время забирали себе наиболее сильные индивиды, запрещая другим работать, пока они не уйдут. У Покровского монастыря просила милостыню семья, состоящая из пожилой матери и ее дочери, которые стояли на небольшом расстоянии друг от друга, чтобы тем самым распределить зоны влияния.

Возле как Иоанно-предтеченского, так и Новоспасского монастырей существуют группы бомжей, которые часто занимаются групповым попрошайничеством, а затем вместе проводят свободное время, занимаясь распитием спиртных напитков. Интересно, что часто пока одни находятся на работе, другие отдыхают, затем сменяя друг друга.

Со слов другого информанта так же был установлен факт существования на Новоспасском монастыре конкретного человека, который с поручения храма контролировал то, чтобы внешний вид попрошаек и их поведение удовлетворяли этическим критериям.

- *В) Барьеры на вход*

В ходе исследования были выявлены два основных барьера на вход. Это, в первую очередь, потенциальная опасность данного вида занятости, которая отталкивает людей, ищущих себя в неформальной экономике. Самое крайнее проявление — это криминализация данного вида деятельности, когда людей принуждают помимо их воли заниматься попрошайничеством. В моем исследовании попрошайничества на паперти я лично не сталкивался с подневольным типом организованного попрошайничества. Следующая степень опасности — это возможность «таксинга» по отношению к просящему, когда различные структуры, как полицейские патрули, или местные банды, или отдельные хулиганы, требуют постоянного процента с заработка. Имеет место так же неприятие нового человека, начиная от социального ostracизма до явной агрессии, уже сложившейся группой попрошаек в определенном месте.

Второй важный барьер — это асимметрия информации, выражающаяся в особых знаниях о наиболее прибыльных местах, методах организации времени, опыте взаимодействия с криминальными и маргинальными структурами.

- *Г) Конкурирующие виды занятости*

Главные конкуренты попрошаек на паперти — это фандрайзеры, которые преимущественно собирают деньги на реконструкцию храма, иногда на приют для животных. Интересно, что часто фандрайзер — это лишь попрошайка, прячущийся под маской благотворительности. Фандрайзеры и попрошайки занимают часто занимают одно и то же публичное пространство, и даже знакомы между собой, и не рассматривают друг в друге враждующих конкурентов. На мой взгляд, это происходит, во-первых, из того,

что хотя клиентура попрошаек и церковных фандрайзеров пересекается, она все-таки различается между собой. Во-вторых, церковные фандрайзеры, как правило, имеют официальное разрешение от администрации храма на свою деятельность, что дает им преимущество перед простыми попрошайками.

Второстепенным конкурентами попрошаек являются уличные артисты (баскеры), которые просят у прохожих деньги за свое выступление. Однако в силу того, что такое место, как церковная паперть символически не допускает развлекательных мероприятий в своей зоне, они никогда не пересекаются.

- *Д) Клиентская база*

Практически каждый респондент упоминал, что у него есть свои постоянные клиенты, которые дают ему деньги. Из интервью так же стало понятно, что женщинам чаще подают мужчины, а мужчинам - женщины. Три респондента так же говорили, что им подает больше людей из народа, чем богатых на вид. По поводу возрастного различия, ответы информантов разнятся, что не дает сделать определенного вывода.

Мотивация

- *А) Целенаправленность*

Как было установлено, действие попрошайки, как правило, имеет рациональную основу. Попрошайка ожидает определенного поведения других людей, в данном случае подачи милостыни, в ответ на свои действия, и использует данное ожидание в качестве средства для достижения цели заработать для удовлетворения своих потребностей в рамках дня или другого временного периода.

- *Б) Экономическая составляющая*

Нельзя сказать, что именно экономическая мотивация – главная причина, почему люди выбирают данную деятельность (часто рука об руку с ней идет морально-ценностная система), но можно утверждать, что она одна из основных, когда люди, не устроившись в официальном секторе экономики, находятся в безденежной прострации.

- *В) Удовлетворенность*

Со слов респондентов, можно заключить, что в целом практически все они смирились со своим амплуа аутсайдера в обществе или даже удовлетворены сложившимся стечением обстоятельств, не утрачивая чувства принадлежности к основному обществу, что порой объясняется их фатализмом или излишним пессимизмом, сформированным под тяжестью ряда жизненных неудач. Однако идентификация себя с попрошайкой обычно недостаточно сильная, ее затмевает прошлая или настоящая принадлежность к другим социальным группам.

- *Г) Сакральный мотив*

Никто из опрошенных людей не позиционировал попрошайничество как служение Богу. Интересен еще тот факт, что в ходе исследования попрошаек на паперти я практически не встречал у них картонных табличек с призывами помочь «ради Бога» или «ради Христа», которые так часто распространены у их коллег в метро или на вокзале. Хочу предположить, что происходит в силу того, что попрошайки в метро чаще лучше организованы и собраны по причине их контроля третьими лицами, которым они подотчетны.

Регуляция поведения

- *А) Самоопределение*

Большинство опрошенных респондентов хоть позиционировали себя как людей, попавших в беду и вынужденных просить помощь, хотя в ходе интервью выявилось их истинное отношение к попрошайничеству как дополнительному или основному заработку в виду того, что они находят данный вид деятельности удовлетворяющим их потребностям и образу жизни. Из опрошенных мной людей только одна женщина, которая находилась в Москве всего один месяц и которую муж выгнал из дома, занималась попрошайничеством от безысходности. Три респондента позиционировали себя как людей рабочих, которые занимаются попрошайничеством как подработкой. Один говорил о том, что деньги собранные им идут на приют для животных. Для остальных попрошайничеством является как профессией, так и частью образа жизни.

- *Б) Морально-ценностная система*

Практически все респонденты в ответ на вопрос о том, согласились ли бы они пойти работать, если бы им предложили, ответили положительно. Только один информант сказал, что ему не позволяет здоровье.

В ответ на вопрос, что для вас главное в жизни, половина респондентов сказали, что это их близкие родственники. Вторым по популярности оказался ответ о материальном положении. Оставшиеся респонденты упоминали здоровье, мир на Земле и любовь.

Большинство респондентов не считают, что деньги смогли бы решить все их проблемы.

- *В) Внутригрупповые правила*

В ходе исследования было выявлено, что существует определенная система правил попрошайничества, жесткость которой варьируется от группы к группе и часто является произвольной при индивидуальном попрошайничестве вне группы. Самые основные правила — это выглядеть жалко, но более менее опрятно и находиться в трезвом виде, чтобы не отпугивать своим видом потенциальных клиентов. В одном случае была описана дискриминация по национальности, когда на Покровском монастыре выгоняли цыган-попрошаек.

В целом, попрошайки находятся в большей безопасности, когда включены в состав группы местных нищих, что дает им некоторую защиту от других локальных маргинальных групп, а так же материальную и психологическую поддержку в случае беды. Многие опрошенные нищие заявляли, что они всегда помогут товарищу, и уверены, что получают отдачу в ответ.

- *Г) Социальный престиж*

Установлено, что каждый респондент сознает низкий социальный престиж занятия попрошайничеством, но не каждый считает его унижающим свое достоинство. Четыре респондента из десяти, в первую очередь, чувствуют благодарность за то, что люди помогают им, хотя один из них позже признался, что заниматься попрошайничеством предпочитает в нетрезвом состоянии, чтобы заглушить чувство стыда. Один информант признался в том, что получает некое удовольствие, облегчение от того, что есть все-таки люди, которые могут помочь. Четыре респондента признались, что, в основном, чувствуют стыд от того, что им приходится заниматься такой работой. Одна респондентка сказала, что ничего не чувствует, потому что ее морально-ценностная система давно дала сбой.

Проверка гипотез

Таким образом, эмпирическая составляющая позволяет проверить поставленные исследованием гипотезы. Первое предположение заключалось в том, что попрошайничество может приносить доход, способный покрыть прожиточный минимум. Полученные опытные данные подтверждают эту гипотезу. В целом по России человек считается бедным, если его месячный доход ниже 6209 рублей, в Москве – ниже 9128 рублей. Минимальная же граница среднего дохода в день, названного опрошенными нищими около храмов Москвы, составляет 400 рублей, а это если считать, что в месяце 22 рабочих дня – 8800 рублей. Максимальный средний доход в месяц же составляет же около 17600 рублей, что говорит о том, что большинство попрошаек в Москве не являются бедными в соответствии с Российским законодательством. Если же учитывать слова респондентов о возможности получить сверхприбыль (вплоть до 20 тысяч рублей) в православные праздники, то о бедности попрошаек не может идти и речи.

Вторая гипотеза была призвана ответить на вопрос, является ли попрошайничество на паперти экономической стратегией выживания для бедных и малообеспеченных слоев населения. Ответ скорее отрицательный, потому что в большинстве случаев индивиду все-таки были доступны другие виды занятости, как минимум неформального сектора экономики. К тому же получаемый доход от попрошайничества вполне позволяет поддерживать свое существование на некотором адекватном уровне.

Третья гипотеза о низких барьерах на вход и рисках попрошайничества на паперти подтверждается полученной эмпирикой. Действительно, индивид часто выбирает именно этот вид занятости как наиболее безопасный и сопоставимый с издержками. Попрошайничество на паперти в отличие от других его форм менее организовано и криминализировано, что дает возможность относительно свободного входа в данную отрасль.

Четвертая гипотеза утверждала, что попрошайка ставит себе цель достижения определенной денежной рамки, а не максимизации дохода. В целом, эмпирические данные действительно отражают данное предположение, хотя обнаружено, что такая организация не всегда имеет место быть. Некоторые нищие просто определяют себе время работы и приходят в отведенные часы, не считая полученные средства в процессе.

Пятая гипотеза о том, что попрошайка имеет доходы от вторичной занятости или другие дополнительные источники оказалась подтвержденной лишь частично. Эмпирические данные говорят о том, нищим свойственны случайные заработки или временные подработки в неформальном секторе экономики (к примеру, выполнение строительных или уборочных работ), однако в момент проведения интервью для большинства респондентов попрошайничество являлось основным и единственным источником дохода.

Выводы и обсуждение

Данное исследование было направлено на получение и анализ информации о социально-экономической природе попрошайничества на паперти в городе Москва. Небольшой масштаб данной работы не дает возможности раскрыть понятие полностью, однако позволяет сделать три довольно четких вывода, все-таки проливающих свет на данный феномен.

Во-первых, попрошайничество представляет собой вид занятости, тесно связанный с образом жизни нищего. Гибкий рабочий график, автономия и быстрые деньги — три главных аспекта, которые предопределяют выбор человека, который часто не может найти работу в формальном секторе занятости по причине злоупотребления алкоголем или просто нежеланием трудиться на заводе или стройке.

Во-вторых, как главным ресурсом, так и главным барьером на вход в отрасль является информация, которой владеет нищий. Она включает знания о прибыльных местах, времени, в которое нужно приходить, а так же об окружающей инфраструктуре. Последнее является очень важным, так как позволяет минимизировать затраты от попрошайничества. Опытный нищий всегда знает, где можно бесплатно или практически бесплатно найти еду, одежду и ночлег.

В-третьих, попрошайничество на паперти довольно четко закреплено в основе института церкви в России, и нищие возле храмов и монастырей — привычное явление, не вызывающее удивление. Профессия попрошайки берет свое начало еще с дореволюционных времен, а совре-

менные нищие просто используют давно придуманную схему. Интересно, что в существовании нищенства сегодня заинтересованы сами церковные служители, которые в некоторых случаях считают даже необходимым, чтобы возле прихода были попрошайки (Кудрявцева, 2001), а так же мелкие сотрудники полиции, которые имеют процент с их доходов. Таким образом, в ближайшее время вряд ли что-то предвещает сокращение масштабов «работников рукопротяжной фабрики».

В целом, попрошайничество на паперти является довольно безобидным видом деятельности экономики уличного уровня, а иногда даже необходимым российскому обществу. Современная система социальной поддержки и институты по интеграции в России не работают, как должны, в то время как существование нищенства дает возможность людям на улице почувствовать себя хотя бы небольшой частью общества и обеспечить себя существование.

Библиографический список

1. Alexander Kwesi Kassah : Begging as work: a study of people with mobility difficulties in Accra, Ghana, *Disability & Society*, 23:2, 2008, pp. 163-170.
2. Alison Murdoch. We are human too: a study of people who beg // *Crisis*, 1994, P. 45.
3. Butovskaya et al. 2004 - Butovskaya M., Diakonov I., Vancatova M., Pavelkova J. Alms-giving in modern urban societies as a biosocial phenomenon: a cross-cultural comparison // *Comparative Civilizations Review*. 2004. № 50. P. 5-22.
4. Charles P. Kirchofer. Organized Begging in Vienna, Austria: Right-Wing Propaganda, Benevolent Necessity, Illicit Business, Human Smuggling, or Human Trafficking? // *Webster University*, 2010, P. 15.
5. David V. Ogunkan and Olufemi A. Fawole. Incidence and socio-economic dimensions of begging in Nigerian cities: The case of Ogbomoso. *International NGO Journal* Vol. 4 (12), 2009, pp. 498-503.
6. Dean Hartley. Begging questions: street level economic activity and social policy failure. Bristol: Policy Press, 1999, P. 256.
7. Edgar L. Feige. DEFINING AND ESTIMATING UNDERGROUND AND INFORMAL ECONOMIES: THE NEW INSTITUTIONAL ECONOMICS APPROACH // *World Development*, Vol 18, No 7, 1990. pp. 989-1002.
8. Kennedy, Catherine and Fitzpatrick, Suzanne. Begging, rough sleeping and social exclusion: Implications for social policy. *Urban Studies*, 38 (11).2001, pp. 2001-2016.
9. Kimberly Sims. Exploring the Underground Economy in the United States // *Journal of Urban History* vol. 37 (5), 2011. pp. 793-798.

10. Massey, Deeptima, Abdur Rafique and Janet Seeley 'Begging in rural India and Bangladesh' *Economic and Political Weekly* XLV(14), 2001, pp. 64-71.
11. O. A. Fawole, D. V. Ogunkan, and A. Omoruan. The Menace of Begging in Nigerian cities: A Sociological Analysis// *International Journal of Sociology and Anthropology*. Vol. 3(1), 2011. pp. 9-14.
12. Shichor, D. and R. Ellis. "Begging in Israel: An Exploratory Study." *Deviant Behavior* 2(2), 1981, pp. 109-25.
13. Stef Adriaenssens & Jef Hendrickx. Street-level Informal Economic Activities: Estimating the Yield of Begging in Brussels//*Urban Studies Journal Limited*, vol. 48(1), 2011. pp. 23-40.
14. Wardhaugh, J. Regulating social space: begging in two South Asian cities *Crime, Media Culture* 5(3), 2009, pp. 1-9.
15. Бутовская М.Л. Попрошайничество как универсальный феномен человеческой культуры// *Этнографическое обозрение*. №3, 2007. — С. 3-11.
16. Дьяконов И.Ю. Антропология нищенства: этологические аспекты: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 2009.- 28 с.
17. Ильясов Ф. Н., Плотникова О. А. Нищие в Москве летом 1993 года // *Социологический журнал* 1994 № 1. С. 150-156.
18. Кудрявцева М. Драматургия попрошайничества // *Невидимые грани социальной реальности*. СПб., 2001. С. 37-48.
19. Фатхелисманова А.А. Феноменология детского нищенства // *Социс*. №2, 2001- С. 127-129.
20. Эмануэли Ксавье. Отверженные. Как победить пренебрежение к изгоям?// Пер. с франц. О.Е. Иванова.- М.: NOTA BENE, 2008. — 240 с.

Сурина М. А., Москва

Фандрайзинг как профессиональная область деятельности¹

Аннотация

В настоящее время фандрайзинг содержит в себе целый комплекс мер и способов его осуществления, а теоретики и практики разных стран, изучая данное занятие, все чаще делают акцент на его профессиональные основы, идентифицируя его социальное значение в обществе.

Ключевые слова: некоммерческие организации, профессионализация, фандрайзинг, специалисты - фандрайзеры, критерии профессионализации, компетенции

Фандрайзинг представляет собой искусство воплощения в жизнь социально значимой идеи, умение заинтересовать своим проектом, привлечь максимальное количество сторонников обладающих различного рода ресурсами. Практики привлечения ресурсов для всевозможных благотворительных целей существуют в мире с самых давних времен. С течением времени они постоянно совершенствовались, разрабатывались новые технологии и формы ее организации. Изучение вопроса профессионализации фандрайзинга проводится в рамках научно-учебной группы «Профессии в социальном государстве», как один из изучаемых видов занятости. Проект финансируется фондом Научно-Исследовательского Университета Высшей Школы Экономики.

В связи с ростом количества некоммерческих организаций во всем мире появляется спрос на грамотных специалистов, занимающихся фандрайзинговой деятельностью [1]. Соответственно от степени его профессионализма, уровня компетенций, а также внутренних установок зависят результаты деятельности по привлечению средств, а именно то, насколько успешной будет данная деятельность.

Согласно системе профессиональных черт, разработанной А. Флекснером, профессионал обладает некоторыми качествами, которые отличают его от непрофессионала [2] .

¹ В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «идеологии профессионализма в социальном государстве», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012 году, грант № 12-05-0007.

Карбон предлагает анализировать фандрайзинг как профессию в комплексе с другими родами деятельности, окончательно прошедшими профессионализацию [3]. По мнению Х. Г. Блоланда и Р. Борнстейна, фандрайзинг достиг в полной мере своего профессионального статуса, но не с помощью соответствия профессиональным критериям [4]. Немного позднее в другой работе, Х.Г. Блоланд и его коллега Е.Р. Темпл продолжили эту мысль, сделав вывод, что каждый из этих критериев в какой-то степени достигнут, а полное соответствие им – это идеал, который практически недостижим [5].

Т.С. Кабони идентифицирует нормативное устройство осуществления фандрайзинга в студенческой среде, который используют практикующие фандрайзеры как способ саморегулирования профессионального поведения друг друга. Существование набора профессиональных норм и приверженность идеалам служения сразу обоим клиентам – институту и донору – представляют собой два рынка, в которых фандрайзинг находится в движении, что способствует его профессионализации [6]. Российских исследователей тоже постепенно начинает интересовать вопрос профессионализации фандрайзинга.

Важную роль в изучаемом вопросе играют результаты эмпирического исследования деятельности по привлечению средств с точки зрения неовеберианской парадигмы. Рассмотреть вопрос с подобного угла зрения позволили проведенные глубинные интервью со специалистами – фандрайзерами.

В результате интервьюирования специалистов удалось выявить и проанализировать следующие компоненты в их деятельности: структура занятости, структура регуляции, место в социальном государстве, структура профессии, статус в обществе, доходы, действующие общественные объединения, образование, этический кодекс, автономия, закрытость, а также оправдание и легитимация.

Исследовав каждый из представленных элементов, удалось выявить некоторые тенденции в становлении фандрайзинга как профессии. Прежде всего, в структуре занятости присутствует некоторая иерархичность, имеются разные специализации и компетенции специалистов по привлечению средств. Однако, в большинстве некоммерческих организаций изучаемая деятельность является скорее одной из функций сотрудников, т. е. не выделяется как отдельная область деятельности.

Регуляция фандрайзинга, главным образом, осуществляется посредством немногочисленных специальных законов для НКО, внутренних регламентов организации. Главный акцент у фандрайзеров делается не столько на профессиональный опыт и компетенции, а сколько на личностные качества специалиста, благодаря которым он сможет решить все иные навыки и эффективно осуществлять поставленные перед ним задачи. В этой связи и значение данной деятельности для социального государства весьма идеалистическое, поскольку главными ее задачами являются замещение функции государственной поддержки и приобщение общества к идее взаимопомощи. Вместе с тем, в реализации фандрайзинга на практике суще-

ствуется огромное количество проблем, от этических рисков до технических сложностей, с чем специалисту постоянно приходится бороться в процессе ежедневной практики. Специалистам также свойственна конкуренция, которая существует в «неагрессивных» формах и чаще всего выражена как «борьба» некоммерческих организаций за ограниченный ресурс.

В последние годы наблюдаются позитивные изменения восприятия данной деятельности в обществе, однако, в целом, оно еще не готово идентифицировать ее как профессиональное занятие. Между тем, внутри НКО фандрайзинг является престижной деятельностью, а за его пределами начинается борьба со стереотипами.

Самым этически выдержанным и наиболее распространенным способом оплаты специалистов является выплата фиксированного ежемесячного оклада, который значительно меньше доходов, предлагаемых бизнес-сектором.

На данный момент времени существует очень ограниченное количество объединений фандрайзеров, однако, намечены определенные серьезные шаги по разрешению данного вопроса и формированию собственного дискурсивного пространства специалистов по привлечению средств.

Для фандрайзеров пока не существует какого-то специального профессионального образования, но достаточно активно проводятся всевозможные семинары и тренинги, которые помогают овладеть потенциальным специалистам основным элементам деятельности.

Важным аспектом деятельности является соблюдение профессиональной этики, что порой может ставить фандрайзеров перед самым разным выбором, который порой бывает очень неоднозначным.

Фандрайзинг также подвержен зависимости от начальства, как и иные общественно признанные профессиональные занятия, но важное значение здесь приобретает самостоятельность и инициативность самого специалиста.

Рассматривая деятельность с точки зрения закрытости, возникает следующий вывод - большинство НКО достаточно открыты и упор при отборе специалистов делают первоначально на личностные качества соискателя. Вместе с тем, НКО являются достаточно открытой площадкой для действий, поскольку большинство из них склонны сотрудничать друг с другом для достижения общей цели.

Государственное содействие рассматриваемой деятельности несущественно и требует большего вовлечения, а те шаги, которые предпринимаются государством сейчас в отношении НКО и фандрайзинга либо слабо ощущаются, либо, наоборот, вызывают дополнительные сложности в работе.

Рассмотрение деятельности по привлечению ресурсов с позиции выбранного подхода позволило выявить основные тенденции в развитии фандрайзинга, увидеть критические моменты данного вопроса и проанализировать как негативные, так и позитивные аспекты в работе специалистов.

Библиографический список

1. Werker E., Ahmed F.Z. What Do Nongovernmental Organizations Do? // Journal of Economic Perspectives. 2008. Volume 22, №2 P. 83-86.
2. Reeser L. C, Epstein I. Professionalization and Activism in Social Work: The Sixties, the Eighties, and the Future. New York: Columbia University Press. 1996. P. 70-71.
3. Carbone R.F. Fundraising as a profession // Monograph №3. College Park: University of Maryland. 1989. P. 46.
4. Bloland H., Bornstein R. Fundraising in transition: Strategies for professionalization // Taking fundrising seriously: Advancing the profession and practice of raising money. San Francisco: Jossey-Bass. 1991. P.103-123.
5. Bloland H., Tempel E.R. Measuring professionalism // Fundraising as a profession: Advancements and challenges in the field. San Francisco: Jossey-Bass. 2004. P.5-20.
6. Caboni T.C. The normative structure of college and university fund raising behaviors // Journal of Higher Education. 2010. Volume 81. №3. P. 339-365.

Ядрова Е. В, Москва

Сообщество младших медицинских сотрудников в области кардиохирургии: социологический анализ эмоционального труда¹

Аннотация

В статье рассматривается структура медицинской организации некоммерческого типа с позиции концепции эмоционального труда, в частности характеристика управления эмоциями сотрудников в зависимости от предписанных медицинским центром, профессиональными правилами, этическим кодексом и культурными нормами восприятия коммуникации при общении с работниками медицинской профессии в современном российском обществе.

Ключевые слова: эмоциональный труд, профессиональная иерархия, социальные, влияние культурных и социальных норм на этику общения в рамках рабочего процесса

В современном обществе происходит постоянное развитие и модификация разнообразных сфер занятости. Труд коммерциализируется не только в рамках новых профессиональных областей, появляющихся на рынке, но и на периферии профессионального и подпрофессионального. Спрос на экспертное знание, с одной стороны, продолжает расти, с другой – происходит еще большее вертикальное деление внутри иерархии каждой сферы. При этом каждая подгруппа представляет собой сплоченный коллектив, наделяющий определенной значимостью занимаемую на рабочем месте позицию. Существуют и новички, или же представители низшего уровня занятости, которые еще не успели войти в какую-либо группу и развиваются обособленно от коллектива, при этом взаимодействуя с ним.

В таких условиях интеракции и коммуникация между группами и внутри их являются одними из важнейших элементов развития системы, которые все больше волнуют социологов, изучающих эмоции в рамках

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Идеологии профессионализма в социальном государстве», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012 году, грант № 12-05-0007.

рабочего пространства. Именно поэтому основанная на теории управления впечатлениями Э. Гоффмана, социология эмоций стала особенно актуальной, развиваясь в рамках символического интеракционизма, что дало возможность анализировать любую оплачиваемую работу, с точки зрения роли эмоционального взаимодействия между индивидами.

Однако общество – это механизм, подверженный постоянным изменениям. С развитием сферы занятости, происходит изменение угла изучения эмоций на рабочем месте. Помимо изменений в структуре занятости, меняются и взгляды людей на профессии, какие-то из них остаются престижными, какие-то теряют свою актуальность, во многом из-за потери стабильности и имиджа общественных институтов. Происходят изменения в сознании людей, которые могут приводить к изменению восприятия собственной позиции в сфере занятости, а так же новому восприятию своих обязанностей, как работника. Профессиональный кодекс формально существует для экспертов, однако, по сути, является обязательным для любого коммерциализированного занятия, где общение с людьми – ежедневная практика. Именно поэтому эмоциональный труд становится важным составляющим анализа в социологических исследованиях. Более того, во многом именно субъекты управления и интеракции между ними – движущие силы развития предприятий и профессиональных отраслей. Это во многом делает роль эмоций важной составляющей на всех этапах коммуникации. Тем важнее для исследователей становится изучение социологии работы в рамках анализа управления эмоциями со стороны сотрудников.

Основной работой, которая послужила для многих исследователей базой к началу изучения эмоций на рабочем месте, стала работа А. Р. Хохшильд «Управляемое сердце: коммерциализация человеческого чувства» (1983) [5]. В основе теории Хохшильд стоит коммерциализация эмоций в профессиональной среде, посредством их моделирования. Автор характеризует эмоциональный труд, как конструирование эмоций в зависимости от данных социальных ситуаций в процессе профессиональной деятельности. Исследовательница обращает особое внимание на такие характеристики эмоционального труда, как продукт сферы услуг, как способность работников управлять эмоциональными состояниями; как элемент напряженной работы, в частности – самодисциплины.

Медицинское сообщество является одним из примеров профессиональных сообществ, в основе ежедневной работы которых присутствует эмоциональный труд. Это особенно актуально в России в связи со спецификой эмоционально-психологической атмосферы в рамках медицинских учреждений. Несмотря на то, что эмоциональный труд – одно из основных составляющих медицинской профессии, жесткие условия труда, более строгие правила организации рабочего процесса и отсутствие возможности проявлять инициативу заставляют персонал выстраивать модель поведения.

В данном случае речь идет о профессии младшего медицинского работника, зачастую дискриминированной группы, в работу которой входит вместе с тем огромное количество обязанностей и ответственности. Понятие солидарности, также актуальное для представителей младшего

медицинского персонала, наиболее приближает предмет исследования к обособленной группе. Права данного сообщества формально отстаиваются профсоюзами в публичном пространстве, однако, зачастую, большим весом обладают правила и порядки внутри закрыто группы в рамках медицинского учреждения, в поле приватного.

По этой причине мы обращаем особое внимание характеристики эмоционального труда в медицинском секторе. Это и продукт сферы услуг, и способность медицинских работников управлять эмоциональными состояниями, и элемент напряженной работы, в частности - самодисциплины. Изучение специфики эмоционального труда работников медицинской сферы позволит не только охарактеризовать взаимодействие внутри исследуемой группы, но и проанализировать ее неформальные нормы и правила, атмосферу внутри сообщества. С помощью анализа эмоциональной атмосферы внутри группы, мы сможем дать характеристику не только уровню коммерциализации труда в данной области, но и указать на характер сформировавшихся социальных связей.

Библиографический список

1. Антонова Л. А. Социальная практика: теоретико-методологические основания исследовательского анализа // Известия Уральского Государственного Университета. № 4(70), 2009.
2. Барбаллет Д.М. Эмоции, социальная теория и социальная структура // Николаев В.Г. Социологическое обозрение Том 2. № 2, 2002.
3. Миллс Ч. Р. Социологическое воображение / Пер. с англ. О. А. Оберемко; под общей редакцией и с предисловием Г. С. Батыгина. М.: Издательский Дом NOTA BENE, 2001.
4. Симонова О.А. Социологическое исследование эмоций в современной американской социологии: концептуальные вопросы // Социологический ежегодник, 2009: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд.социологии и социал. психологии; Кафедра общей социологии ГУ-ВШЭ; Ред. и сост. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. № 1, 2009.
5. Hochschild A.R. The Managed Heart // Hochschild A.R. The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling. Berkeley, University of California Press, 1983, 2003.

Ярская-Смирнова Е. Р., Москва

Плюрализация публичной сферы: аспекты социальной инклюзии¹

Аннотация

Данная статья представляет обоснование нового исследовательского направления, которое разрабатывается в рамках проекта изучения проблем и противоречий публичной сферы в современной России, реализуемого научно-учебной группой магистрантов, аспирантов и преподавателей НИУ ВШЭ «Социология публичной сферы» в 2012 году. В задачи статьи входит теоретическое обоснование данного направления исследований.

Ключевые слова: публичная сфера, мобилизация, сообщества, инклюзия, Интернет, общественные движения

В России сегодня складываются новые самостоятельные гражданские субъекты социально-политических отношений, которые осуществляют интервенцию в сложившийся социальный порядок с целью изменить стереотипные и стигматизирующие представления, добиваясь социальной инклюзии. Публичная сфера как арена артикуляции интересов индивидов и групп становится каналом трансляции их требований, ресурсом формирования гражданской идентичности, чувства сопричастности, помощи тем, кто нуждается в поддержке.

Традиционные механизмы формирования публичной сферы в современных условиях не позволяют ей быть «демократической дамбой против колонизирующего влияния системы на жизненный мир человека» [28: 444]. Могут ли и каким образом современные россияне становиться активными участниками общественно-политических процессов, а значит — влиять на своё будущее, воплощать в жизнь свои идеалы общественно-политического устройства? В условиях роста консумеризма и ограничения институциональных каналов реализации гражданского участия, когда частное возобладает над публичным, у людей ослабевают потребности и навыки самоорганизации, способность разделять общественный интерес и отстаивать права, затрудняется формирование гражданской субъектности. При

¹ В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Публичная сфера в современной России: аспекты социальной инклюзии, идентичности и мобилизации», выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012 году, грант № 12-05-0012

этом свободный потребительский и политический выбор симулируется символическими механизмами властной системы, механизмами иллюзорной и манипулятивной публичности. Вместе с тем, официальные СМИ могут не только консервировать пассивно потребительское состояние общества, но и провоцировать рост контрпублик, мобилизуя людей на коллективное действие. Кроме того, далеко не все потоки публичной коммуникации регулируются мейнстримными СМИ. Информация проходит через различные спонтанно развивающиеся публики.

Дискурсивная природа публичной сферы

Проблемы развития, трансформации и упадка публики и публичности освещались в трудах Дж. Дьюи, У. Липмана, Ч. Райта Милса, Х. Арентс, Р. Сеннета. Семантика понятия «публичное» раскрывается в двух аспектах: видимое как то, что открыто или явлено, видимо или доступно другим, противопоставлено тому, что скрыто или удалено из вида (и что тем самым образует «приватное»), и коллективное - как то, что коллективно или влияет на интересы коллектива, в противоположность индивидуальному (приватному, частному) [37]. По Хабермасу [29], (буржуазная) публичная сфера – институт, отвечающий за обсуждение общезначимых вопросов и принятие решений [см. обзор теоретических подходов: 18]. Несмотря на переход к рынку и демократические реформы, проблема публичной сферы как рационально-критической дискурсивной формации стоит в России достаточно остро [9; 11; 15]. Несмотря на то, что переход от «эры толп» к «эре публик» уже давно состоялся, как показал Г. Тард столетие назад [см.: 5], члены этих публик судят о происходящем с позиций частных интересов

Публичная сфера дискурсивна, она создается путем открытого выражения мнения, и ее развитию препятствуют корпоративно-эгоистический характер частной сферы и трудности формирования гражданского общества. Официальными СМИ формируется «деформированная», или «манипулятивная» публичная сфера [29; 16], которая не только сокращает возможности гражданской дискуссии и участия, но нередко вносит вклад в воспроизводство социальной эксклюзии, поскольку служит корпорациям и политическим элитам. Так, политика репрезентации инвалидов от имени большинства – это дискурсивное приписывание символического капитала, кодификация невыгодных статусных позиций с целью зафиксировать статус-кво. Фактически идея «культурного многообразия» оказывается еще одним элементом управленитета [27], реализуемого в том числе при помощи культурных медиа – искусство, кино, литература и СМИ, которые создают официальную публичную сферу, но могут провоцировать и создание контрпублик.

Плюрализация публичной сферы

В современной России появляются новые гражданские инициативы и развиваются существовавшие ранее общественные движения — их рост заметен в разных регионах России. Некоторые уже приобрели широкий размах и получили легальное организационное оформление. Другие представляют собой распространенные, но нелегальные формы протеста, а иные — пока лишь ростки гражданского общества, небольшие по размеру и фрагментарные по характеру усилий. Как воспроизводится и оправдывается социальная эксклюзия и возможна ли социальная инклюзия в новой публичной сфере? Ведь публичная сфера не гомогенна, она не может составлять единую и недифференцированную аудиторию, но состоит из множества под-сфер, которые функционируют самостоятельно, но связаны друг с другом, обусловлены географией либо интересами, дифференцированы по степени спонтанности и формализованности, масштабу, интенсивности.

Группы интересов, локальные или международные негосударственные организации, общественные объединения и прочие формы коллективных усилий, направленных на достижение общих для группы целей и осуществление социальных изменений ставят перед собой разные по уровню сложности задачи — от социальных трансформаций и структурных реформ государственной политики до модификаций ценностей и практик людей. Ясно, что не все типы общественной самоорганизации ведут к эффективной модернизации; некоторые из них, напротив, сдерживают развитие демократического общества [19].

Как формируется в новой публичной сфере субъект высказывания, какие мотивы, механизмы и ресурсы требуются для социального действия, движимого принципами социальной инклюзии? Каким образом формируется гражданское самосознание, идентичность участника коммуникации, катализируются процессы гражданского участия по вопросам прав людей с инвалидностью, мигрантов и другим социально значимым вопросам?

Многие современные общественные движения напрямую и весьма существенным образом затрагивают академическую сферу, побуждая к пересмотру методологии и эпистемологии науки. При этом сама академическая среда может оказаться как питательной средой, так и каменистой почвой для роста подобных возможностей перехода этого диалога к публичной социологии [1]. Функция такого профессионала — не в легитимации тех или иных властных решений, принимаемых сверху, и не в повышении рейтингов продаж, а, скорее, в содействии формированию интересов общественных групп и продвижению «политики снизу». Как возможна «организационная публичная социология» в современной России? Как переживается «публичная идентичность» профессиональными социологами? Одна из задач проекта — увидеть на материалах биографических интервью, как преодолевая разрыв между академической наукой и политическим действием, социологи включаются в процессы социальных изменений.

Цифровая публичная сфера

Деформация, или «рефеодализация» публичной сферы, по Хабермасу, была обусловлена коммерциализацией и коммодификацией прессы и ростом государственной власти. Но может быть, коммуникативная рациональность была характерна лишь для эры прессы и не подходит веку электронной культуры? Если же публичная сфера в сетевом информационном обществе возможна, то каким образом она строится, в чем ее отличия от того «буржуазного идеала», что описан Хабермасом? Как соотносятся публичный и приватный дискурсы в электронных коммуникациях, каковы условия демократического высказывания в тех или иных модусах информации?

«Сеть» порождает новые формы социального взаимодействия, в результате чего возникают и новые проблемы относительно распределения власти между ее участниками. А это в свою очередь приводит к переосмыслению понятий публичной сферы и демократии [34]. По мнению Бенклера, сетевая публичная сфера [23], фактически перенимая роль, традиционно приписываемую прессе, позволяет людям отслеживать и разрушать власть масс медиа, а также самоорганизовываться для политического действия. Но достаточно ли децентрализации власти в сетевом обществе для возникновения публичной сферы? Или эта новая цифровая публичная сфера производит новые формы социального исключения?

Публичная сфера в интернете является каналом информационного обмена, возможностью коллективно создавать и распространять информацию, площадкой самовыражения, или «нарциссистской самопрезентации», по выражению Бенхабиб [21], но при этом оказывается иерархическим пространством. Кастельс указывает, что в эру социального равенства и участия возникают новые основания социальной стратификации и исключения из публики [7]. Сетевое общество воспроизводит и оправдывает социальные неравенства. Иными словами, доступ к ресурсам для получения знания и формирования человеческого капитала распределен неравномерно. Ограничен ли мобилизационный потенциал публичной сферы теми, кто имеет доступ к Интернету? Или же сама логика сетевого общества включает в себе возможность исключения: присоединение к сети становится единственным и необходимым условием, определяющим возможность гражданского участия?

Взамен или в дополнение к традиционным СМИ возникает народная, или гражданская Интернет-журналистика [6]. Исследователи проводят анализ коммуникативных особенностей, функций и правил блогосферы [3; 4; 12; 13], рассматривая Интернет как публичную сферу [10], которая развивается, в том числе, на основе растущего недоверия к традиционным СМИ [31]. По мнению некоторых авторов [см. напр. 36], блогосфера не является ли информационным рынком в чистом виде, ни ареной публичной дискуссии, ввиду поляризации взглядов участников тех или иных

групп интересов и существования статусных иерархий в этой сфере [17]. Исследователи Рунета разоблачают либеральный миф об Интернете как месте расцвета спонтанной демократии и среды формирования независимых сообществ: в России этот миф не работает, а иногда превращается в свою полную противоположность [2].

И все же, влияние Интернета на демократию отмечают многие, рассматривая эту площадку как единственную открытую для свободной политической дискуссии, отделенной от манипулятивной публичной сферы [20]. Происходит рождение новых самоорганизующихся форм, множественных публичных арен, где дискурс формируется сложными электронными формами сетевого символического обмена [7; 8]; при этом обнажается противоречие между резко возросшим доступом к открытым средствам коммуникации и ослаблением качества публичных дебатов. Важная роль здесь принадлежит «онлайн-социальным предпринимателям», способным агрегировать общественный интерес, так называемым «катализаторам» [см. 24].

Реконтекстуализация публичной сферы

Концепт «публичная сфера» подвергается серьезному пересмотру, когда исследователи изучают практики рационально-критической дискуссии в условиях продолжающейся трансформации экономических, социокультурных и политических отношений постсоциализма, дезинтеграции социальных государств, неолиберальной модернизации. Публичная сфера может возникать в ходе чтения, интерпретации или комментирования, в ходе постоянной работы по оспариванию и согласованию ценностей, действий и идентичностей [30], это сложный процесс, к которому не всегда могут быть применимы понятия инклюзии и эксклюзии, иерархии и гегемонии.

Научная дискуссия по проблемам гражданского участия в условиях быстрого роста и распространения информационных технологий в современном обществе распределилась между двумя полюсами: один из них склоняется к выводу о политической маргинализации, а другой распознает признаки активизации граждан в публичной сфере. Наряду с общими для современных обществ тенденциями исследователи отмечают особенности формирования публичной сферы в исламском мире [25; 26] и странах постсоциализма [30], в таких работах была поставлена под сомнение нормативная хабермасова модель. Так, Майлз [32] говорит о публичной сфере скорее как о процессе самоопределения представителями групп общественности, чем о фиксированном пространстве, с четкими границами публичного и приватного.

Публичная сфера может быть местом борьбы за коллективную память или способом вычеркнуть из памяти те или иные события и факты [22]. В полемике о культурных правах и публичной сфере [см. напр. 35] исследователи обсуждают роль культурного производства в осуществлении политики коллективной памяти [30; 33]. В частности, в наших исследо-

ваниях было показано, что культурная политика инвалидности связана с производством идеологии и структурируется посредством дискурсивных способов номинации и кодификации в публичной сфере, определяющих гражданско-правовой статус группы и возможности реализации этого статуса при участии как государственных, так и негосударственных акторов [см. 14].

Новая публичная сфера как инструмент изменения политической коммуникации часто отождествляется с блогосферой, тогда как другим площадкам свободной общественно-политической дискуссии и формам расширения гражданского участия уделяется меньше внимания. В свою очередь, проблематика социальной инклюзии раскрывается в основном в связи с анализом программ государственной социальной политики и за редким исключением практически не обсуждается в исследованиях публичной сферы. Наконец, в большинстве отечественных и во многих зарубежных работах к публичной сфере подходят в основном как к целостной и устойчивой форме социальности с четкими границами, тогда как ее динамические ракурсы оказываются вне поля зрения исследователей.

В данном проекте публичная сфера понимается не только в пространственных терминах, но и перформативном аспекте — как сложный процесс интерпретации, критики и согласования мнений и действий, осуществляемый представителями групп общественности. Проблематика публичной сферы концептуализируется в ракурсе идентичности и социальной инклюзии, выявляются ключевые индикаторы инклюзии и обобщаются практики взаимодействия новых социальных акторов в обсуждении общественно-значимых проблем. На материалах кейс-стади новых общественных движений и сообществ (например, велодвижения, протестного искусства, движения инвалидов) выявляются разнообразные формы и механизмы гражданской активизации и самоопределения сообществ, новых социальных движений и гражданских инициатив. С опорой на биографические интервью и анализ документов переосмысливается новый опыт публичности, который переживается сегодня профессиональными социологами. Формы публичной сферы современного города изучаются как места производства коллективной памяти и культурных идентичностей сообществ, новых социальных движений, в контексте креативной политизации публичной сферы и культурного потенциала социальных изменений.

Библиографический список

1. Буравой М. За публичную социологию / Общественная роль социологии / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2008.
2. Голынкин-Вольфсон Д. Социальные сети в несетовом социуме (О биополитике, историзме и мифологии русских социальных сетей) // Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media. Vol. 1. № 2. 2009. С. 101-113 // URL: <http://www.digitalicons.org/wp-content/uploads/2009/12/Dmitry-Golynko-DI-2.7.pdf>.
3. Горный Е. Виртуальная идентичность как жанр творчества (на материалах русского Интернета) // Control + Shift: Публичное и личное в русском Интернете. Сб. ст. / Под ред. Н. Конрадовой, К. Тойбинер, Э. Шмидт. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 211-234.
4. Давыдов А.А. Социология изучает блогосферу // Социологические исследования. № 11. 2008. С. 92-101.
5. Загребина А.В. Публика как социальная общность: пионерские исследования Г. Тарда // Социологические исследования. № 3. 2010. С. 139-145.
6. Иванова Е.Н. Профессионализация новых медиа и этос публичной сферы // Журнал исследований социальной политики. Т.9. № 2. 2011. С. 169-194.
7. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитоновой. — Екатеринбург: У-Фактория (при участии Гуманитарного ун-та), 2004.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. — М.: ГУ ВШЭ, 2000.
9. Красин Ю.А. Метаморфозы российской реформации. Политологические сюжеты / Ю.Красин. - М.: Институт социологии РАН, 2009.
10. Кратасюк Е. Конструирование реальности в российских СМК: новости на телевидении и в Интернете // Control + Shift: Публичное и личное в русском Интернете. Сб. ст. / Под ред. Н. Конрадовой, К. Тойбинер, Э. Шмидт. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 45- 69.
11. Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза. 2010. № 1.
12. Подшибякин А. По живому. 1999-2000: LiveJournal в России. М.: КоЛибри, 2010.

13. Попов А.В. Блоги: новая сфера влияния. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2008.
14. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Политика инвалидности. Социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов: Научная книга, 2005.
15. Семенов А.В. Переосмысливая гражданское общество: нормативная концепция публичной сферы Ю. Хабермаса // Социум и власть. 2009. №4. С. 9-13.
16. Сеннет Р. Падение публичного человека. М.: Логос, 2000.
17. Трахтенберг А. Д. «Правда, о которой не говорят»: можно ли считать РУНЕТ публичной сферой? // Социум и власть. 2006. № 4. С. 12-15.
18. Трубина Е.Г. Публика // Энциклопедия постмодернизма / под ред. Грицанова А. А. Минск: Издательство «Книжный Дом», 2001.
19. Умланд А. Концепция “негражданского общества” и постсоветская Россия // Общественные движения в России - точки роста, камни преткновения / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2009.
20. Этлинг Б., Александян К., Келли Дж., Фарис Р., Палфри Дж., Гассер У. Публичный дискурс в российской блогосфере: анализ политики и мобилизации в Рунете // Исследования Центра Беркмана № 2010-11, октябрь. 2010 // URL: http://cyber.law.harvard.edu/sites/cyber.law.harvard.edu/files/Public_Discourse_in_the_Russian_Blogosphere-RUSSIAN.pdf.
21. Benhabib S. The Claims of Culture: Equality and Diversity in the Global Era. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2002.
22. Bodnar J. Remaking America: Public Memory, Commemoration and Patriotism in the Twentieth Century Princeton University Press, 1993.
23. Benkler Y. The Wealth of Networks. How Social Production Transforms Markets and Freedom. Yale University Press, 2006.
24. Oates S. From Parent to Protestor on the Post-Soviet Internet: Locating and Evaluating Political Web Spaces for Families of Children with Genetic Disabilities in Russia // APSA 2010 Meeting Paper // URL: <http://ssrn.com/abstract=1664504>.
25. Esposito J. L. and Burgat F. (eds) Modernizing Islam: Religion in the public sphere in Europe and in the Middle East (pp. 69-100). New Brunswick: Rutgers, 2003.
26. Etling B., Kelly J., Faris R., Palfrey J., Mapping the Arabic Blogosphere: Politics, Culture, and Dissent / Berkman Center Research Publication № 2009 // URL: http://cyber.law.harvard.edu/publications/2009/Mapping_the_Arabic_Blogosphere.

27. Foucault M. Governmentality, in *The Essential Foucault: Selections from Essential Works of Foucault 1954–1984*, edited by P. Rabinow and N. Rose (eds). London: The New Press, 2003. P. 229-245.
28. Habermas J. *Further Reflections on the Public Sphere* // Calhoun C. (ed) *Habermas and the Public Sphere*. Cambridge, MA: The MIT Press, 1992.
29. Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, Mass: MIT Press. 1989.
30. Harutyunyan A., Hörschelmann K. and Miles M.(eds.) *Public Spheres after Socialism*. Bristol, Chicago: Intellect Books, The University of Chicago Press, 2009.
31. Hewitt H. *Blog: Understanding the Information Reformation That’s Changing Your World*. Nashville, Tennessee: Nelson Books, 2005.
32. Miles M. *Public spheres* // Harutyunyan A., Hörschelmann K., Miles M. *Public Spheres After Socialism*. Intellect Books, The University of Chicago Press, 2009. P. 133-150.
33. Olick, J.K., Vinitzky-Seroussi, V, and Levy, D. (2010) *The Collective Memory Reader*, New York: Oxford University Press.
34. Poster M. *CyberDemocracy: Internet and the Public Sphere*. Ms., University of California, Irvine, 1995 // URL: <http://www.hnet.uci.edu/mposter/writings/democ.html>.
35. Rosaldo R. *Cultural Citizenship, Inequality, and Multiculturalism* // William V. Flores and Rina Benmayor (eds.). *Latino Cultural Citizenship: Claiming Identity, Space and Rights*. Boston: Beacon, 1997.
36. Sunstein C. R. *Republic.com 2.0*” Princeton University Press, 2007.
37. Weintraub J. (1997) *The theory and politics of the public/private distinction* // Weintraub J. & K. Kumar (eds) *Public and Private in Thought and Practice: Perspectives on a Grand Dichotomy*. Chicago: University of Chicago Press, 1997. P. 1-42.